

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

2
'97

Материал
Ю. КИСЛОГО
о выводе
101-й бригады
внутренних войск
МВД России
из Чечни
читайте в номере.
Фото О.СМИРНОВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

2'97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой странице
обложки: воины
внутренних войск
из Чечни уходили
последними.
Фото О.СМИРНОВА.

В номере:

Актуальное интервью

РУБЦОВ И.: «Забыть уроки Чечни не имеем права» 2

В особом районе

СЕРГЕЕВ К. Дорога через войну 9
КИСЛЫЙ Ю. 101-я бригада: чеченские были . . . 12
КАРПОВ Б. Что после газавата? 20
ТОРИН В. Вернувшиеся с того света 25
По страницам Книги памяти 30
По сообщениям пресс-бюро внутренних войск
МВД России 35

Как это делается «у них»

ДРЕСВЯНИН С. «Охота на куропаток» 36

Юбилей

БЕЛИКОВ И. Первая газета 42

Ретроспектива

СОЛОВЬЕВ В. Граната для замнаркома 45

Писатель и время

ОГНЕВ В.: «Я против войны. Но солдата глубоко
уважаю» 49

Проза. Поэзия

КОЗЛОВ И. Уходя уходи (повесть, продолжение) 54
КОЧЕРГИН В. На мою гитару нету похоронки...
(стихи) 67
ГОНЧАРОВ В. Те песни были о России... (стихи) 68

Калейдоскоп

СИМОНЕНКО Г. Второе дыхание 70
ДУНАЕВ О. За покорение... 74
Рыболовам и охотникам 75
Шахматный клуб 78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 28.12.1996 г. Подписано к печати 3.02.1997 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 21. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

**Заместитель командующего
внутренними войсками
МВД России
по чрезвычайным ситуациям
генерал-лейтенант
Игорь РУБЦОВ:**

**«Забывать
уроки Чечни
не имеем
права»**

— Товарищ генерал-лейтенант, должность заместителя командующего внутренними войсками по ЧС, как и аналогичные должности в округах и соединениях, введена сравнительно недавно. Чем была обусловлена такая необходимость и каков в общих чертах круг обязанностей этих лиц?

— Действия внутренних войск по локализации и разрешению вооруженных конфликтов в горячих точках бывшего Союза и России, особенно в Чеченской республике, показали, что для успешного решения этих задач необходимы люди, отвечающие за организацию руководства войсковыми группировками в стреляющих регионах. Но чрезвычайные ситуации — это не только межнациональные конфликты и незаконная деятельность националистических и сепаратистских организаций. В наш техногенный век велика вероятность экологических катастроф, аварий на объектах ядерной энергетики, химических и биологических производств. Никто не застрахован и от стихийных бедствий. Вот почему в округах и дивизиях созданы войсковые оперативные группы — ВОГи. В их состав входят специально подготовленные офицеры и генералы, которые в подобных ситуациях берут на себя управление войсками, выделенными им в подчинение. Это позволяет округу, на территории которого произошло ЧП, не отвлекать людей от выполнения постоянных служебных задач.

— Над чем сейчас работаете вы и ваши подчиненные в ГУКВВ? Каким направлениям отдаете приоритет?

— Несмотря на то, что федеральные войска выведены из Чеченской республики, обстановка там остается

сложной, противоречивой, взрывоопасной. Оружие, похоже, никто добровольно сдавать не собирается. Сепаратистские настроения сохраняются. Прошедшие президентские выборы умиротворения не принесли, более того, многие их результатами недовольны. И наша задача — отслеживать и изучать обстановку, которая складывается в Чечне и граничащих с ней регионах. Чем мы и занимаемся. Во-вторых, разрабатываем тактику действий вооруженных войск с учетом опыта, накопленного нами при разоружении незаконных формирований. Но самая, пожалуй, главная наша проблема —крытие административной границы с Чечней. Это разработка планов охраны основных путей передвижения через границу, размещение и обустройство войск вокруг нее, обучение личного состава несению службы в изменившихся условиях и многое другое.

— **Игорь Николаевич, материально-техническое и военное обеспечение оперативных и специальных моторизованных воинских частей нуждается в значительном улучшении. Достаточно сказать, что 101-я бригада, дислоцировавшаяся в Грозном, при формировании получила бронетехнику 60-х годов, которую передали армейцы. Бэтээры, БМП рассыпались на глазах, и стоило больших усилий заставить эти машины ездить по отнюдь не скоростным дорогам Чечни. Огневая мощь дивизии оперативного назначения ниже, чем мотострелкового батальона Российской армии. Калибр наших минометов и орудий не превышает 100 мм, в то время как у**

боевиков были и танки, и новейшие БМП, установки "Град" и артиллерия посильней, чем в войсках. Сейчас что-нибудь меняется к лучшему?

— Воинские части оперативного назначения не нацелены на ведение боевых действий против внешнего противника и поэтому должны иметь незначительное количество тяжелого вооружения и техники в соответствии с ограничениями, установленными Договором об обычных вооруженных силах в Европе. К ним относят танки, артиллерию калибра не более 100 мм, боевые самолеты и ударные вертолеты. Что же касается 101-й отдельной специальной бригады оперативного назначения, то в настоящее время ей передано немало единиц современной бронетехники, имеются и пушки 75-мм калибра. Считаю, что это соединение укомплектовано вооружением, танками и бэтээрами в достаточном для него количестве. В других оперативных частях положение дел значительно хуже. Но командование войск принимает все усилия для решения этой проблемы. Через правительство России, соответствующие органы материально-технического и военного снабжения, местные структуры власти и спонсоров стремимся добиться, чтобы внутренние войска были обеспечены всем необходимым, если не в первую очередь, то хотя бы наравне с другими силовыми ведомствами. Например, Московский округ внутренних войск получил немало боевой техники благодаря стараниям московского правительства и лично мэра столицы.

— **Вы стояли у истоков создания первого спецназа внутренних войск. Чтобы было понятно на-**

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Генерал-лейтенанту Рубцову Игорю Николаевичу 51 год. Он окончил Орджоникидзевское командное училище ВВ МВД СССР и Военную академию им. Фрунзе. Прошел все должности от командира взвода до командира полка. Командовал соединениями, в том числе Отдельной дивизией оперативного назначения. Был заместителем командующего Московским округом внутренних войск, начальником одного из управлений ГУКВВ МВД РФ. Знающие генерала офицеры утверждают, что горячие точки — его стихия, смел и решителен, хладнокровен и умен, обладает колоссальным боевым опытом. Не случайно в 1996 году ему была доверена должность заместителя командующего внутренними войсками МВД Российской Федерации по чрезвычайным ситуациям.

шим читателям, напомним: в преддверии Московской Олимпиады в полку тогдашней дивизии Дзержинского, которым вы командовали, была сформирована учебная рота специального назначения — родоначальница известного ныне отряда «Витязь». Поэтому как практику вам хорошо известны все тонкости, связанные с комплектованием, обучением и оснащением «краповых беретов». Можно ли с уверенностью сказать, что сегодня здесь у войскового спецназа нет проблем?

— Разумеется, проблемы есть. Особенно в группах специального назначения оперативных полков. Однако командующий внутренними войсками обращает самое пристальное внимание на то, чтобы войсковой спецназ, а это наша сила и гордость, по возможности, ни в чем не нуждался. Но, увы, из-за скудного финансирования не все удается сделать. Спасибо помогают спонсоры. Это «Братство «краповых беретов» «Витязь», Межрегиональная ассоциация социальной защиты ветеранов специальных подразделений и спецслужб «Витязь» и другие организации.

Опыт применения специальных частей и подразделений в Чеченской республике показал, что подготовка «краповых беретов» нуждается в детализации, углублении индивидуального обучения личного состава и пересмотре некоторых тактических приемов. Противодействуя изощренным бандитским вылазкам сепаратистов, спецназовцы вынуждены были изобретать такие способы борьбы с противником, которые ранее ими не применялись. Скажем, устройство машин-ловушек, направленных против боевиков, нападавших на одиночный транспорт и патрульные группы. Разработаны приемы по распознаванию радиоразведчиков противника, методические рекомендации по проведению инженерной разведки, прежде всего по обнаружению и ликвидации мин-ловушек, недопущению подрывов бойцов при проведении специальных операций, и многое другое.

— Товарищ генерал-лейтенант, известны случаи, когда «краповые береты» использовались не

по назначению. Они сопровождали и охраняли приезжавших в Чечню общественных деятелей и чиновников, не имеющих никакого отношения к федеральным силам, возили им пищу, занимались отрывкой и оборудованием командных пунктов, задерживали по приказанию старших начальников нарушителей воинской дисциплины и сопровождали их к месту отбывания дисциплинарного наказания. Все это, естественно, снижало боеготовность отрядов и групп, мешало их командирам вести целенаправленное обучение и воспитание личного состава.

— Да, случалось такое, к сожалению. Порой возникали ситуации, когда, кроме как спецназу, это некому было поручить. Обстановка требует, и старший начальник не от хорошей жизни просто вынужден прибегнуть к помощи того подразделения, которое имеется под рукой. Но я с вами согласен. В принципе, каждый должен заниматься своим делом.

— В последнее время много говорится о реформировании внутренних войск. Принята концепция их развития до 2000 года. Какие результаты мы имеем на сегодняшний день?

— Концепция развития внутренних войск МВД России является документом переходного периода. В ней выделены два этапа: 1993 — 1995 и 1996 — 2000 годы. На первом этапе определяющими являлись основные направления реформирования войск в соответствии с Законом Российской Федерации «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» и другими правовыми актами, регламентирующими их деятельность. Соединения и воинские части оперативного назначения на первом этапе нужно было довести до численности не менее 50 тысяч человек. Эта задача выполнена. Специальные моторизованные воинские части на первом этапе реформ из-за нехватки личного состава органов внутренних дел в местах дислокации несли в основном патрульно-постовую службу и использовались как мобильный резерв министерств внутренних дел республик в составе

Российской Федерации, начальников управлений внутренних дел краев и областей.

Сейчас идет второй этап реформирования войск. Он характеризуется ростом численности соединений и воинских частей оперативного назначения и их боевых возможностей: наращиваются элементы боевой и морально-психологической подготовки, идет процесс перевооружения. Увеличение численности оперативных частей осуществляется на базе состоящих на балансе внутренних войск военных городков сокращаемых воинских частей по охране исправительно-трудовых учреждений. Примерно в таком же направлении идет реформирование и СМВЧ, поскольку их задачи сходны с задачами оперативных частей. Однако сохраняется объективно существующая разница в подчиненности и предназначении.

В проекте нового закона о внутренних войсках наши задачи расширяются. Так, военнослужащие, несущие патрульно-постовую службу, должны будут самостоятельно проводить первичное дознание при задержании преступника или нарушителя общественного порядка. Следовательно, предстоит по-новому подходить к изучению криминальной обстановки в районах патрулирования, обучению личного состава, ведь, в сущности, наши солдаты и офицеры получают права милиции.

— Однако тогда будет нужна совершенно иная юридическая подготовка военнослужащих!

— Ничего сложного я в этом не вижу. Во-первых, офицеры в военных вузах получают юридическое образование. Во-вторых, СМВЧ и воинские части оперативного назначения комплектуются по смешанному принципу (по призыву и в добровольном порядке — по контракту). Контрактники, как вы понимаете, — это и есть те самые профессионалы, на чьи плечи ляжет основной груз выполняемых задач.

— Игорь Николаевич, в войсках вас называют боевым генералом. И в самом деле, начиная с 1988 года не было, пожалуй, ни одной горячей точки в нашей стране, где бы вам не пришлось потрудиться. В связи с этим вспомните такой

случай, который запал вам в душу больше всего.

— Всего не перечислишь, потому что каждое событие памятно по-своему. Баку, Ереван, Фергана, Нагорный Карабах — это одно. Чечня — иное. И везде многое пришлось пережить. В мае 95-го года мы провели в Старом Батакаюрте специальную операцию. Результат и для меня как начальника ВОГ, и для моих подчиненных был ошеломляющим. Разгромив боевиков, удалось захватить у них несколько реактивных и зенитных установок, сотни стволов стрелкового оружия и более 200 тысяч боеприпасов. Такое не забывается.

— Какие изменения претерпела тактика внутренних войск от Сумгаита до Чечни?

— Об этом можно написать не один трактат. Если в конце 80-х годов войскам приходилось в основном бороться с массовыми беспорядками, вызванными резким скачком националистических настроений, и применять соответствующую тактику расчленения и рассеивания буйствующей толпы, то с началом 90-х обстановка значительно ухудшилась. Преступный элемент нагнул, националисты от митингов и погромов перешли к боевым действиям с применением захваченного или купленного огнестрельного оружия, как это было на границе между Арменией и Азербайджаном, а затем, после распада СССР, в зоне осетино-ингушского конфликта. Мы вынуждены были в рамках отведенных законом полномочий применять адекватные меры, дабы пресечь вспыхнувшие в стране вооруженные столкновения. Войска стали использовать такие виды нарядов, как застава, заслон, маневренные группы, проводить спецоперации с применением бронетехники. В Чеченской республике нам пришлось иметь дело уже не с отдельными слабо организованными бандитскими группами, а с хорошо вооруженными и оснащенными отрядами сепаратистов и их наемников, действующими в основном под единым централизованным руководством. Войска учились взаимодействовать с артиллерией, танковыми подразделениями и авиацией. Вести бои в особых условиях: в городе, в горах и

лесистой местности. Проводили "зачистки" от боевиков жилых кварталов и населенных пунктов, штурмовали высоты и прикрывали горные перевалы. Осуществляли глубокие рейды по розыску и уничтожению баз сепаратистов. Несли службу в комендатурах, на КПП и опорных пунктах. Сопровождали колонны с грузами и беженцами. Вот так в зависимости от задач в общих чертах и менялась тактика внутренних войск.

— **Августовские события прошлого года в Грозном по-разному муссировались в СМИ. Вы в то время там были. Как могло случиться, что через пять месяцев после мартовского захвата города боевики вновь оказались на его улицах? Неужели не был учтен горький опыт?**

— С точки зрения человека военного я могу однозначно сказать: никакой победы в августе прошлого года чеченские сепаратисты в Грозном не одержали. А в город они просочились потому, что из почти двухсот ведущих в него дорог мы контролировали только 22 основные магистрали. Кроме того, недостаточно точно сработала разведка, в первую очередь ГРУ, ФСБ и оперативные службы милиции. Поэтому мы не смогли своевременно локализовать основные силы противника в местах его сосредоточения. Но та информация, которой мы располагали, незамедлительно докладывалась в объединенный штаб. Мер, к сожалению, принято не было. Штаб рассчитывал справиться с боевиками только силами внутренних войск, а они по причине малочисленности и так несли службу на пределе своих возможностей. Наши КПП и опорные пункты продержались почти двадцать дней, и ни один из них сдан противнику не был, пока не поступил приказ отходить. Разве это не свидетельствует о правильно избранной нами тактике с учетом как раз тех мартовских событий, о которых вы упомянули? Мы укрепили КПП и опорные пункты, создали там большие запасы боеприпасов и продовольствия в расчете на долговременную осаду (лишь с обеспечением водой была проблема, но и она, как показали события, не повлияла на исход боев). Измотав сепаратистов и

нанеся им ощутимые потери, можно было переходить к активным действиям по полному уничтожению боевиков. Так бы все и произошло, если бы не внезапное перемирие. Сами чеченцы и их наемники это признали на переговорах. Отряды боевиков из-за больших потерь, нехватки боеприпасов и полного отсутствия продовольствия уже собирались пробиваться из города. Короче говоря, обвинение войск в том, что они сдали Грозный, абсолютно беспочвенно.

— **Чеченские сепаратисты, потерпев в первой половине 1995 года поражение в открытых боях, перешли в основном к методам партизанской войны. Готовы ли были наши солдаты и офицеры к такому повороту событий и какие требования, на ваш взгляд, необходимо предъявлять к боевой и морально-психологической подготовке войск на современном этапе?**

— Функции контрпартизанской войны возлагались на подразделения разведки и спецназа. И они со своими задачами справлялись успешно. "Краповые береты" осуществляли рейды по тылам противника, выявляли и уничтожали базы боевиков, ликвидировали главарей бандитских формирований, их агентуру. Так, в июле прошлого года в Старых Промыслах спецназовцы и разведчики провели контроперацию, в ходе которой разгромили бандитскую группировку. Только убитыми боевики потеряли более 50 человек. Особенно хорошо зарекомендовал себя батальон разведки 101-й бригады — подразделение было поистине грозой для сепаратистов. Мне больно говорить, но многих героических ребят из разведбата сегодня нет среди нас. Они погибли в боях за Грозный, выполняя приказ. Пусть земля им будет пухом.

Поистине чудо-богатырями показали себя бойцы и офицеры отрядов спецназа "Витязь", "Русь" и "Росич". Важно, чтобы опыт, накопленный ими в Чечне, был сохранен и передан следующим поколениям "краповых беретов".

В боевой и морально-психологической подготовке войск надо напроць уйти от показухи и формализма при проведении занятий и

учений. Офицеры и солдаты должны учиться тому, что необходимо им знать и уметь в реальной боевой обстановке. Причем это в равной степени относится и к боевым, и к обеспечивающим подразделениям. У нас достаточно горьких уроков, которые при подготовке войск к действиям в чрезвычайных ситуациях надо обязательно учитывать. Вот один из них.

Все тот же август 96-го в Грозном. В одном из подразделений 54-й дивизии в ходе боя два человека были убиты и три ранены.

Командир слезно умоляет разрешить ему вывезти выбывших из строя солдат в госпиталь, хотя у него есть свой медик. И самостоятельно решается на такой шаг. В результате прорыва через заслоны боевиков он теряет шесть бэтээров и 15 человек убитыми. А ведь подобное уже случилось 8 марта прошлого года. Нет, нужно было еще раз наступать на одни и те же грабли. Не слишком ли высока цена таким экспериментам?! Недопустимо так поступать в бою, особенно в городе. В каждой части имеются квалифицированные врачи, все они должны уметь оказывать медицинскую помощь, вплоть до хирургической, в любых условиях.

— Что необходимо учесть при подготовке будущих офицеров, опираясь на опыт, полученный в Чеченской республике?

— Особое внимание надо уделять подготовке курсантов к боевым действиям в населенном пункте с использованием бронетехники и при поддержке артиллерии. Обучать не в классах, а в учебных центрах, причем периодически меняя место проведения занятий. Будущий офицер должен уметь быстро ориентироваться в незнакомой обстановке, в совершенстве владеть топографической картой. Чтобы, придя в войска, мог учить солдат, а не учиться вместе с ними.

— Игорь Николаевич, офицеры, которым приходилось бывать в вашем подчинении, с удовлетворением воспринимали весть о том, что ими в горячей точке будет командовать генерал Рубцов. Связывали это не только с вашим высоким профессионализмом и большим опытом, но и с тем, что вы всю полноту ответственности за принятые решения берете на

себя, если требуется, то лично защищаете офицеров от нападков, с чьей бы стороны они ни исходили. Скажите, а были случаи, когда вам самому приходилось защищаться от несправедливых обвинений в свой адрес?

— Конечно, были, и неоднократно. Последние и наиболее несправедливые обвинения слышал я в свой адрес с 6 по 12 августа в Грозном от тогдашнего старшего начальника генерала Пуликовского. Он требовал бросить все имеющиеся войсковые подразделения в бой. Приказывал пробивать бреши и идти на соединение с осажденными. Фактически я должен был послать людей на верную гибель. Ведь наша тактика, как я говорил выше, предусматривала иные действия. Опорные пункты и КПП были подготовлены к долговременной обороне, и если бы к ним пробились дополнительные силы (естественно, с потерями), то численность обороняющихся только бы увеличилась и запас боеприпасов и продовольствия расходовался значительно быстрее. В то же время смысл тактики осажденных заключался в постоянном давлении на противника. Им предписывалось периодически расширять район обороны, а при невозможности удерживать его тут же отступать на исходные позиции. В дальнейшем, правда, генерал Пуликовский признал нашу правоту и снял обвинения.

— На начальном этапе введения федеральных сил в Чеченскую республику возникло немало проблем, связанных с организацией взаимодействия между внутренними войсками, Российской армией, пограничниками и коллегами из органов МВД. Со временем, конечно, взаимопонимание пришло. Но не полное. Что делается сейчас для того, чтобы в случае возникновения подобных чрезвычайных ситуаций каждое из силовых министерств знало свой маневр?

— Вывод войск из Чечни не станет панацеей от тех бед, которые могут принести на российскую землю проповедники "исламского порядка". Поэтому возникает реальная необходимость прикрытия административной границы Чеченской республики

на основных направлениях, связывающих ее с соседними регионами. Разработаны и согласованы планы совместных действий органов МВД, внутренних войск, частей Российской армии, пограничных и железнодорожных войск, ФСБ, направленных на решение этого вопроса. Наглухо границу никто закрывать не собирается, речь идет о мерах предосторожности, предпринимаемых силовыми ведомствами против возможных попыток неуправляемых бандформирований прорваться на сопредельную территорию и повторить то, что было в Буденновске, Кизляре и Первомайском. К такому повороту событий мы должны быть готовы. Наивно полагать, что после выборов в Чечне нового президента в мятежной республике восстановится конституционный порядок, а вооруженные отряды "индейцев", как назвал их Масхадов, самораспустятся. Дерзкое нападение бандитов на поезд "Махачкала — Москва" — наглядное тому подтверждение. Хотели бы мы того или нет, но России еще предстоит ликвидировать чеченский нарыв.

— Министерство по чрезвычайным ситуациям и внутренние войска. Существует ли взаимодействие между ними?

— Безусловно. Во время боевых действий в Чечне подразделения МЧС находились под частичным прикрытием войск. Мы помогали им проводить колонны с беженцами и гуманитарной помощью для мирного населения, обеспечивали безопасность во время эвакуации трупов и расчистки завалов, поисков источников водоснабжения, оказывали содействие при решении других вопросов, входящих в их компетенцию. В том числе и при уничтожении неразорвавшихся авиабомб: только высококвалифицированным специалистам из МЧС разрешено обезвреживать эти мощные взрывные устройства.

На случай возникновения других чрезвычайных ситуаций у нас с МЧС разработаны планы взаимодействия, которые мы периодически между собой согласовываем.

— Игорь Николаевич, наши читатели спрашивают, почему так скоропалительно вывели 101-ю ОСБРОН из Чеченской республики? Людям пришлось прямо с ко-

лес размещаться в открытом поле, и если бы не ставропольцы, то бригаде пришлось бы совсем туго.

— Этот вопрос надо адресовать политикам. Мы не знали, что бригаде придется уходить из Чечни, и вложили в обустройство двух военных городков миллиарды рублей, хотя могли бы найти им более достойное применение. А когда было внезапно принято политическое решение вывести все войска, нам ничего не оставалось, как его выполнить. В настоящее время бригада переформируется, выделены достаточные средства для ее всестороннего обеспечения.

— Опыт применения внутренних войск в Чечне. Что делается по его обобщению и распространению?

— Командованием войск, военным научным отделом ГУКВВ, на кафедрах военных училищ и академий проводится тщательный анализ действий наших соединений и частей в Чеченской республике. Подготовлены и разосланы в округа методические рекомендации по некоторым вопросам совершенствования тактической выучки личного состава, памятки и учебные пособия. Большинство из них было и будет опубликовано на страницах сборника учебно-методических материалов "Войсковой вестник". Но, по большому счету, это только начало работы. Чечня научила нас многому, и потому, смею вас заверить, растерять тот бесценный опыт, что накоплен за два года непрерывной борьбы с незаконными вооруженными формированиями сепаратистов, мы себе не позволим.

— И последний вопрос. 23 февраля мы вместе со всеми россиянами отмечаем День защитников Отечества. Что бы вы хотели пожелать нашим читателям?

— Свято чтить память боевых товарищей, отдавших свою жизнь за целостность России, за всех нас. Желаю доброго здоровья, семейного уюта, крепости духа, успехов в службе на благо Отечества.

— Спасибо, Игорь Николаевич, за интересную беседу. Удачи вам в вашей многотрудной работе!

Беседу вел
подполковник А. СИМОНОВ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Твои Герои, Россия

Дорога через войну

Старенький училищный “пазик” пылил по относительно мирной дороге Северной Осетии из учебного центра в училище. Командир взвода лейтенант Виктор Величко, сидя на переднем сиденье, увлеченно хлопал по оконному стеклу сложенной лодочкой ладонью, из-под которой то и дело выпархивала бабочка — белая капустница — и с исступлением тыкалась в стекло.

— Что вы, товарищ лейтенант, никак ее поймать не можете? — не выдержал кто-то из солдат.

— Да я же ее, дуру, выпустить хочу. Боюсь, как бы крылышки не поломать. — Лейтенант покачал в воздухе увесистой растопыренной пятерней. — Пусть живет Божья тварь.

“Да, эти руки проворнее управлялись с рычагами “семьдесятвойки” в январском

Грозном 95-го, — невольно подумал я. — И не жалел в бою танкист Величко “духов”, обламывал им не только крылья”.

Невольно возникает ассоциация: а ведь именно такими вот руками простых тружеников, одетых в солдатский комбез, политики пытались потушить вспыхнувший чеченский пожар. А некоторые, чего греха таить, этими руками умудрялись таскать для себя из огня каштаны-доллары. Простым пахарям войны задумываться об этом было недосуг.

Механиком-водителем танка в январских боях старшина Величко стал случайно. Хотя на войне все случайности закономерны. Вообще-то по должности он старшиной роты был. Его законное место — командир боевой машины. Но в первые дни боев экипажи заметно поредели. Нужно было срочно переквалифициро-

ваться и заменять выбывших. Так Виктор оказался за рычагами "семьдесятдвойки".

Вот тут-то и понадобились знания и опыт водителя, полученные в моздокском ДОСААФе еще до призыва на срочную. Бывалые казаки напутствовали: "Иди, сынок, учись. Шоферские права получишь, кусок хлеба будешь иметь в руках".

А к тому времени Виктор уже успел понять, как дается этот кусок хлеба. Мама погибла в автомобильной аварии, отец тяжело перенес утрату, слег, а вскоре умер и сам. Пятеро детей, из которых старшей сестре было пятнадцать лет, а младшие — Виктор с сестренкой-двойняшкой — еще дошколята, рано остались сиротами.

В первый класс Виктор пошел уже во Владикавказе, определили его в местную школу-интернат. Хотя сегодня говорят, что в те времена от лозунга "Все лучшее — детям" до реальности была пропасть, все же интернат какой-то дом, кров, питание, забота. Еще не до конца осознавая все это своим детским умом, Виктор интуитивно пытался воспользоваться предоставленной ему возможностью: учился неплохо, увлекся вольной борьбой, часто выступал на соревнованиях в Ростове и Владикавказе.

Все вроде шло хорошо. После окончания учебы в школе-интернате вернулся в Моздок, закончил ПТУ, получил специальность газосварщика. Вскоре был призван в армию. После шести месяцев «учебки» на Урале снова возвратился во Владикавказ. Здесь и коснулась его своим дыханием война. Болью в сердце отдавали кровотокающие очаги на родине — Северном Кавказе.

Виктор Величко, как и многие его сослуживцы, оказался в самом пекле. Войска вовсю штурмовали президентский дворец, пытаясь всеми силами выкурить засевших там дудаевцев. Это уже потом досужие писаки разнесут информацию, что-де министр обороны Грачев накануне Нового, 1995 года во время празднования своего дня рождения против захваченного дворца Дудаева на кон поставил три Звезды Героя России. Таким, как Виктор Величко, ни тогда, ни сейчас не разобраться, где правда, а где утка. Они просто добросовестно делали свое дело: по присяге, по чести, по совести.

Экипажу старшего лейтенанта Юрия Сулименко, в состав которого входил и Величко, была поставлена задача — по проспекту Орджоникидзе прорваться к президентскому дворцу и помочь наступающим войскам.

Легко сказать — помочь. По сути, задача поставлена правильно — прорваться. Ибо такая мощная техника, как Т-72, — действительно оружие прорыва. Но что тут рвать, кроме своих нервов. Ни сплошной тебе линии обороны, ни хотя бы захудалых огневых позиций, которые можно было подавлять мощью боевой машины. Езжай себе по проспекту прямо до президентского дворца.

Проспект, по которому двигалась маневренная группа, оцетинился сотнями стволов. Свист пуль, разрывы гранат, мин, как тромбы в кровеносном сосуде, мешали продвижению колонны из двух танков и БМП. И какой это умник придумал выражение "пуля-дура"? Одна такая дура угодила прямо в триплекс, ослепив механика-водителя. Нет, глаз он не лишился, его зоркий прибор вышел из строя. В круговерти пуль, осколков, дыма, огня и земли и так ничего не видно, а тут и вовсе дорогу выбирать приходилось на ощупь.

После многодневного артиллерийского обстрела и налетов авиации улица представляла жалкое зрелище — полуразрушенные дома вряд ли могли служить надежным прикрытием для продвигающейся техники. Тем не менее Величко пытался как можно ближе прижиматься к развалинам — какая-никакая, но все-таки защита от дудаевских гранатометчиков и снайперов. Чем ближе к дворцу, тем сильнее шквал огня. Возле одного из домов мощный взрыв остановил многотонную махину.

— Смотрю на приборы — сплошные нули, — вспоминает Виктор. — Докладываю командиру. Решили выяснить обстановку. С командиром выскакиваем наверх — снайперские пули градом барабанят по броне, высекая искры. Гляжу, на заслоняющей трансмиссию сетке огромная дыра. "Так недолго и на воздух взлететь", — говорит командир. К счастью, обошлось. Но танк уже не боец. Вдруг вижу — прямо на нас огненный сноп летит. Мы — резко на землю. Только успел подумать, что, наверное, разворотили какое-то осиное гнездо, как неподалеку от нас громынуло. Наводчик из танка кричит: "Мужики, вы живы?" А у нас — ни царапины. В рубашке родились.

Когда немного поутихла стрельба и показалось, что все уже позади, в нескольких сотнях метров от танкистов появились набитые вооруженными боевиками автобусы. Обстреливая боевые машины наших войск, они пытались прорваться на по-

мощь к засевшим во дворце дудаевцам. Некоторые, увидев танкистов, рванули к ним — видимо, решили взять в окружение. Раздумывать было некогда. Экипаж занял свои места и — о, чудо! — повинувшись воле Виктора Величко, стальная громадина ожила и смогла даже передвигаться. Но в этот момент Виктор почувствовал еще один толчок — достали все-таки из гранатомета. Едкий дым стал проникать в машину. Медлить нельзя. А тут, как назло, отозвала пушка — автомат заряжания вышел из строя. Экипажу пришлось заряжать вручную. Скорострельность несколько снизилась, но “духам” все же досталось. Танкисты покинули уже охваченную пламенем боевую машину только тогда, когда нападавшие были уничтожены. Едва успели отбежать на безопасное расстояние, мощный взрыв превратил их “с七十二двойку” в огромный огненный шар, взметнувшийся многометровым столбом огня и дыма — сдетонировал оставшийся боекомплект. “Безлошадные” танкисты через дымящиеся развалины добрались до своего подразделения.

Нет, в то время Виктор Величко и его товарищи не думали о Звездах Героев. Не ради этих звезд они шли в огонь и, все преодолев, выходили из огня. Виктор Величко шел в огонь, выручая своих товарищей, а выходил живым, наверное, потому, что сестренка-двойняшка молилась за него.

Война беспощадна. В тех январских боях двухлетней давности подразделение, где служил Величко, потеряло немало танкистов. К Виктору судьба оказалась благосклонной — он остался всего-навсего без колес, вернее, без гусениц. Его танк сгорел полностью. И пока в суматохе боев подбирали место в другом экипаже, Виктор помогал эвакуировать раненых с поля боя. Их собирали на чудом уцелевшем втором этаже какого-то здания, неподалеку от президентского дворца. А уж оттуда отправляли в тыл.

В один из дней на этом простреливаемом со всех сторон пятачке был ранен его боевой командир старший лейтенант Юрий Сулименко. Офицер вытаскивал из-под огня раненого солдата, но сам попал под пули — получил ранение в ногу. Величко вместе с другом бросились к командиру и вынесли его с поля боя. Многих раненых солдат перенес в эти дни на своих руках старшина Величко.

— Жалко одного парня было, — говорит Виктор. — Пуля попала ему в горло, а он все еще хорохорился: сам поднялся на

второй этаж, без посторонней помощи спустился к бэтээру, сам сумел сесть в него — и умер. Не знаю ни имени его, ни фамилии, но наш, танкист.

После тех грозненских боев для старшины Величко война продлилась еще месяц. Стояли в Заводском районе, в поселке Кирова... А вскоре смену прислали — срочная служба к завершению подошла. Комбат, провожая, говорил: «Все, домой езжай, навоевался уже».

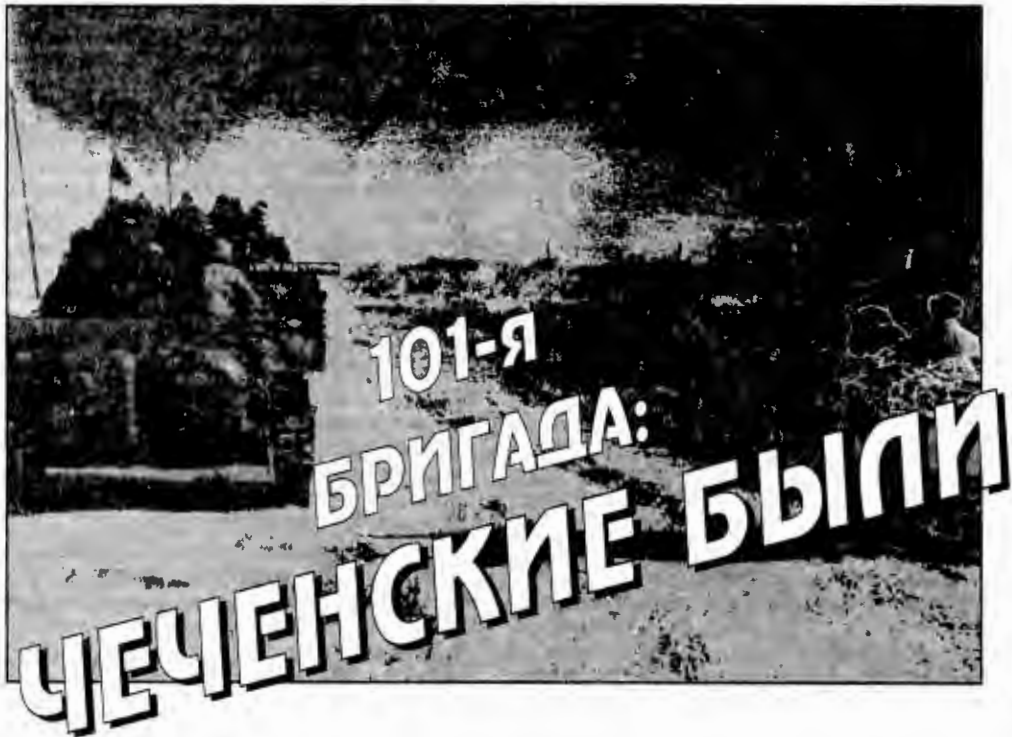
Весной 1995 года старшина Величко уволился в запас. 15 мая Указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, ему было присвоено звание Героя России.

Виктор долго думал, чем заняться после срочной, и решил связать свою жизнь с внутренними войсками. Закончил экстерном Владикавказское высшее военное командное училище ВВ МВД России. Вместе с первыми офицерскими погонами ему была вручена Золотая Звезда Героя России. Высокую награду к парадному кителю лейтенанта прикрепил президент Республики Северная Осетия — Алания Ахсарбек Галазов. А мэр Владикавказа преподнес Герою поистине бесценный подарок — квартиру. Обставить ее мебелью взялись власти Моздока, ведь именно оттуда уходил на военную службу солдат Величко, вписавший еще одну героическую строку в историю города.

Недавно в жизни лейтенанта Виктора Величко произошло еще одно знаменательное событие — он успешно сдал вступительные экзамены и поступил на юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета имени Косты Хетагурова.

Свои двадцать с небольшим лет прожитой жизни лейтенант Величко делит сегодня условно на три части: до войны, на войне, после войны. Война у него пока заслоняет все то, что было до нее, не дает возможности четко разглядеть и спланировать, что будет после. Но безусловно одно — Виктор стал профессиональным военным, ответственным за судьбы своих подчиненных. И никогда он не будет ставить на кон человеческую жизнь против любого, самого лучезарного металла.

К. СЕРГЕЕВ.
Фото автора и
В. НИКОЛАЙЧУКА.

За последние годы по причинам, всем известным, как-то потускнел в нашей памяти звонкий лозунг "Народ и армия — едины!". В лихорадочной круговерти забот о лишней сотне в тощеньких кошельках у одних и прирастании миллионов на банковских счетах у других стало казаться, что народ и его войско обособились и существуют будто в разных измерениях.

Каждый борется и выживает в одиночку — мораль, навязанная нам новыми экономическими и социальными отношениями.

Кто-то бастует в угольных копях, выбивая свои кровные, вот уже полгода неплаченные. Кто-то умывается кровью, поднимая в атаку батальоны, проникшись единственной мыслью: сохранить пацанов, выполнить задачу боевую без потерь на трижды проклятой войне. Кто-то пирует сладко на фоне лазерных бликов, демонстрируя благополучие и достаток с телеэкранов всему честному народу, обнищавшему и задуренному до беспредела.

Как говорится, за что боролись... Каждому свое. Разве что посочувствует полуголодный работяга чумазому солдату, обреченному воевать "на чужой земле, но в России" за то, чтоб кому-то жилось лучше и веселее. Да пораду-ют тех и других задронными песнями ребятам в блестящих нарядах: "Все пере-мелется, родная..."

И только беда, как не раз случалось на Руси, наполняет потускневшие лозунги и подзабытые нравственные заповеди побудительной силой. Придет, нагрянет лихая година, ну когда совсем неведомо, когда тяготы и лишения по самые ноздри, не только словом утешливым да песенкой-развлекушкой — дельным помыслом озаботит честный человек свое сердце: коли защитникам сегодня невтерпез, народу завтра, глядишь, и вовсе — труба. И негоже по принципу "моя хата с краю" равнодушно взирать со стороны, как неласковая судьба испытывает служивых на излом. Вспомнит: все ж таки мы — русские люди и совесть свою не потеряли. Вопреки нелюдским условиям существова-ния.

*Прощайте, горы, вам видней,
Что мы имели, что отдали.
Надежды наши и печали
Как уживутся среди людей...*

Игорь МОРОЗОВ.

«ЧЬИ ВЫ, ХЛОПЦЫ, БУДЕТЕ?» —

«НАШИ!»

Кто только не клял в те декабрьские дни этот враждебный полуразрушенный город, злорадно, в "победной" эйфории изгонявший федералов, провожавший колонны надписями на исклеванных осколках стен: "Прощай, немытая Россия, мать твою!". Да что толку в крепких словах, адресованных хозяевам-"победителям" и тем, кто подарил им победу, отняв ее у войск. После драки кулаками не машут. Главное, сохранить под нестираными тельняшками и засаленными бронжилетами боевой запал, необходимый для успешного завершения многотрудной работы: сберечь людей, вывести полки и батальоны со всеми их колесами, гусеницами, стволами и тыловыми причиндалами без потерь. А там поглядим...

— Уходим в никуда, в неизвестность, — обернувшись к нам, крикнул сквозь рев двигателя БМП комбат-

два майор Андрей Снатин*, когда колонна тронулась с места и за нашими спинами остался сиротливый, безлюдный военный городок, который с таким трудом обживали и обустроивали служивые, готовившиеся к длительному пребыванию в столице Чечни для поддержания законности и порядка. Это была последняя колонна выводимой из Грозного 101-й бригады внутренних войск. Несколько стареньких бээмпэшек Снатина, замыкавшие "автобронеленточку", последними вышли за ворота КПП.

Ощущение, что за нами нет никого, кроме чеченской машины сопровождения, клешнило сердце тревогой. Как бы "победители" не устроили под занавес кровавые проводы где-нибудь на окраине города. Имелись разведанные о таких намерениях. Ударят со всех сторон "законные" формирования сепаратистов, а местная власть слышит вооруженную провокацию на "непримиримых индейцев" — и взятки гладки. Но еще силь-

* По просьбам офицеров некоторые фамилии изменены.

нее беспокоила мысль о том, как встретят военных в Ставрополе, где по решению правительства определен новый пункт дислокации частей и подразделений бригады. По сообщениям газет, отцы города и края в панике. Появление первых эшелонов с личным составом и техникой было для них полной неожиданностью. Увы, не ждали защитников на Большой земле. 16 и 17 декабря мэр Ставрополя М.Кузьмин направил телеграммы премьеру В.Черномырдину и министру внутренних дел А.Куликову с просьбой повторно рассмотреть кризисную ситуацию и принять окончательное решение, поскольку краевой центр, на территории которого дислоцируется около 50 воинских частей, задолжавших муниципальной казне за коммунальные услуги и питание 32 миллиарда рублей, не в состоянии разместить еще 4000 военнослужащих и членов их семей, тем более в условиях наступившей зимы. Ответа городские власти не получили...

— Едем в неизвестность, — повторил невесело майор Снатин после завершения марша, прошедшего, спасибо отцам-командирам и трудягам-водителям, четко и организованно. Вышли достойно, не реагируя на оскорбительные жесты бесновавшихся чеченских юнцов. Гордо, под раз-

вевающимися российскими флагами, не чувствуя себя побежденными. Глубоко в душе спрятав боль, горечь и стыд. Перед теми русскими, что остались без последней защиты — на милость “победителей”. Перед пленными, о которых обремененные властью миротворцы, похоже, забыли, торопясь выполнить указ о выводе войск. Терзаясь тяжкими думами о том, что все усилия по восстановлению конституционного порядка, как окрестили военную акцию бездарные организаторы чеченского похода, пошли прахом. И готовые драться насмерть в последнем бою, если вдоль трассы предательски заговорят стволы “духов”.

К счастью, выпустили последнюю колонну бригады с миром. Не забыли уроков горячего августа: взвешники умеют за себя постоять. Ответят на подлый удар — мало не покажется.

Облегченно вздохнув на моздокской станции погрузки — опасность позади, по родимой земле повезет теперь эшелон военных к новому месту службы, — офицеры дали волю долго сдерживаемым эмоциям, выплеснули горечь в соленых репликах на волнующую каждого тему: что дни грядущие готовят, какая судьба ждет бригаду там, за порогом неизвестности?

— Говорят, 105-й полк, который

первым вышел из Грозного, приютили на старом аэродроме. Вначале по уши сидели в грязи, а теперь палатки снегом занесло, с отоплением проблема. И нам, видать, такая же участьготована.

— А чего еще ждать? Когда шли бои, сверху только и слышно было: "Давай, давай, на вас вся надежда!". Мы своим бойцам: "Надо, парни!". И пацаны воевали как настоящие герои. А теперь выбросили, как последнее быдло, в чистое поле. Скотину, и ту добрый хозяин в теплое стойло зимой загоняет. Нас же в нагрудку за пролитую кровь — в холодные палатки...

— Это верно, бросили и предали. Солдатам стыдно в глаза смотреть. Обмундировать толком не можем. С наградами — глухо. Сколько отправляли представлений — ни ответа, ни привета. Наверное, с металлом для медалей в стране напряженка. Да что говорить, даже в запас ребят уволить по-человечески не в состоянии. Денег — по нулям, видать, наши кровные где-то в банках прокручиваются. Наскребаем по крохам: каждому "дембелю" по 70 тысяч на нос — и бывай здоров, дружище, остальное получишь когда-нибудь потом. А если ему суток пять-семь до дому добираться? Только и остается, что шапку снять: "Подайте Христа ради герою чеченской кампании!".

— Ладно, эти отмучились. А молодежь? Каково им придется в чистом поле? Без бани, без нормальной столовой. В Грозном с "духами" долбились, в Ставрополе вшей давить будем. Короче, война для нас, мужики, не закончилась. О Чечне, как о рае, еще вспомним.

Подумалось тогда: эти бы слова — да в уши тем, кто обрек честно воевавшую бригаду на новые страдания. Может, подсуетились бы чиновники в правительственных креслах, дабы порадовать терпящим бедствие военным, хотя бы обещанием или просто добрым словом настроение подняли.

Кстати, настроение тягостное, чувство неопределенности и безнадеги не помешали офицерам быстро и организованно обеспечить погрузку техники на железнодорожные платформы, обогреть, накормить людей.

Поддерживать дисциплину и порядок в пути следования. Привыкшие стойко, как устав велит, переносить тяготы и лишения, закаленные бывалые мужики, повидавшие столько лиха, что на десять жизней хватит, — комбаты, ротные, взводные во главе с заместителем командира бригады подполковником Евгением Кудасовым — они и сейчас, проглотив обиду, продолжали добросовестно делать свое дело. Пахали на износ. Верность воинскому долгу — вот как это называется. Пусть громко звучит, но бывают случаи, когда пафос уместен. Для достойного поступка высокий слог как честно заработанная бою награда.

Пока они ехали "в никуда", "в неизвестность", потеряв всякую надежду на теплую встречу в столице щедрого края, в одной из центральных газет появилась корреспонденция, информировавшая о судьбе 105-го специального моторизованного полка бригады — первой ласточки, свившей палаточное гнездо на окраине Ставрополя. Читаешь — мороз по коже, в полном смысле этого слова:

"Сейчас солдаты живут даже хуже, чем в Чечне. Там у них была хоть крыша над головой. В Ставрополе же нет для служивых ни казарм, ни парков для техники. И долго не будет. На продуваемом злыми ставропольскими ветрами поле старого аэродрома мыкаться им придется не один месяц, а то и год. Единственное, чем сейчас в состоянии помочь город — это помыть солдат в бане да подкормить их, грязных и голодных. В этих условиях понятен крик души мэра Кузьмина...".

Чем же провинились солдатики, досыта навоевавшие в Чечне, а нынче обреченные мыкаться горе под снегами-ветрами? А городу, перенаселенному служивым людом и не готовому принять внезапно нагрянувшую армаду, за что такой "подарок" от властей предержащих? Бойцы, понятно, ни при чем, как, впрочем, и командование внутренних войск. Они в очередной раз стали жертвами поспешных, непродуманных (а может, и

продуманных) политических решений. А вот ставропольцы...

На сей счет в упомянутой корреспонденции приводится одно любопытное мнение. "Некоторые из местных политологов, — пишет журналист, — поспешили заявить, что в такой форме выражается месть кремлевских структур за "неправильное голосование" ставропольцев на последних президентских и губернаторских выборах. В обоих случаях южане отдавали предпочтение "красным" кандидатам. Последние, как известно, много и опрометчиво обещали золотые горы избирателям. Для выполнения обещаний, естественно, нужны деньги. А с ними очень и очень туго. Теперь же, когда на голову неожиданно сваливается несколько тысяч ничем не обеспеченных "бомжей в камуфляже" (ни жилья, ни казарм, ни зарплат), с финансами вообще безнадега. Так что мнение, будто край выбран Москвой для "показательной порки" за приверженность к коммунистам, не совсем уж и абсурдно".

Вот уж поистине: чем черт не шутит, когда Бог спит?

Ну да ладно, оставим эту иезуитскую версию на совести политологов. Военным от нее ни жарко ни холодно. Им было недосуг разбираться в хитросплетениях политических игр. Да если и разгадаешь загадку "За что?

Кто виноват?", казармы, квартиры, деньги, боксы для техники в одночасье с неба не свалятся. О другом болела голова у каждого командира: решить бы уравнение со многими неизвестными. Не по математике — по жизни: приказано выстоять, выжить. А как?

В одном из плацкартных купе душевного, насквозь пропитанного крепкими солдатскими запахами вагона увидел прислоненный к окну образок. Сидевшие за столиком спецназовцы отрешенно глядели на заснеженный перрон. Может, и впрямь только на Господа и осталось уповать воинам православным, которые с болью и горечью вышли из войны и чувствуют себя теперь брошенными и никому не нужными?

"Чи вы, хлопцы, будете?" — так был озаглавлен газетный материал с мрачными прогнозами о судьбе "десантированной" в Ставрополь 101-й бригады. Неожиданно для военных, настроенных на самое худшее, ответ дали сами ставропольцы, руководители города и края. По-русски, по-христиански достойный ответ:

— Наши!

Как только началась разгрузка эшелона, не теряя времени, отправляемся на разведку в палаточный лагерь 105-го полка. Подробно описать картину, открыв-

шуюся на поле аэродрома, рука не поднимается. Обледеневшие, сплюсценные снегом, прокопченные буржуйками палатки. Оборванные, черные, как угольки, бойцы. Бесприютно застывшие среди сугробов машины... И колючий, до костей пробирающий ветрище невидимым хищником набрасывается на брезентовые шатры.

Что называется, пришел полк с фронта...

На календаре 26 декабря. Лагерем стали 12-го. То бишь две недели вот так — на семи ветрах. Благо еще — лесопосадка рядом, дровами разжились. А то б совсем кранты: прожорливые печурки в момент уничтожили небогатый запас привезенного с собой топлива.

Вспомнилась икона в купе: "Этo мы, Господи!"

Знакомясь с офицерами, прятали глаза, не зная, с чего начать разговор. Что им сочувствия заезжих корреспондентов? Соль на раны...

И вдруг — как в той песне: полно горе горовать!

— Последние дни доживаем в этих скотских условиях, — сказал исполняющий обязанности заместителя командира части по работе с личным составом капитан Владимир Симонov. — Новый год будем встречать, как белые люди, в теплых помещениях со всеми коммунальными удобствами. Нашлись-таки резервы у городской администрации, спасибо не бросили на произвол судьбы. Спасибо великое всем ставропольцам. Узнав, что мы здесь бедствуем, сотни людей, разных предприятий и фирм оказали и продолжают оказывать нам гуманитарную помощь. Домашние соленья-варенья, теплые перчатки и свитера, мука, сахар, печенье, консервы, сигареты. Второй день в полк потоком идут машины с продуктами — все безвозмездно, от чистого сердца. Директор детского дома бесплатно организует помывку личного состава. Жалеют, как сирот. А вчера приехали представители от общества слепых, тоже продукты привезли... Офицер, встретивший их на КПП, не мог сдержаться слез... Просто нет слов, чтобы выразить благодарность всем добрым людям.

— Точно. Народ здесь прекрасный, — поддакнули солдаты, сидевшие вокруг буржуйки. — Мы теперь и в столовую ходить перестали, гуманитаркой питаемся. Утром вот горячие пирожки привезли. С капустой и с картошкой. Вкусные, как у мамы. Угощайтесь, пока не остыли.

Во время нашего разговора к палаткам подъехали три УАЗа и автофургон. Солдатики с улыбками бросились разгружать мешки, картонные коробки.

И у нас настроение на все сто. Слава Богу, есть правда и справедливость на Руси.

О том, как разворачивалась все-народная помощь ставропольцев 101-й бригаде, узнали у заведующего отделом административных органов администрации города Е.Сундукова.

— Скрывать не буду, известие о размещении полка и нескольких батальонов бригады на территории Ставрополя для нас было полной неожиданностью, — признался Евгений Пантелеймонович. — При таком количестве дислоцированных в городе частей и дефиците их финансирования принять на свои плечи дополнительную обузу, согласитесь, тяжело. Вот почему мэр и обратился в правительство и в МВД с просьбой повторно рассмотреть кризисную ситуацию. Но когда мы с главой города побывали на аэродроме и увидели, в каких условиях живут люди, вернувшиеся с войны, поняли: их надо было встречать как героев, а мы бросили их в грязь, в снег. Точнее, не мы, а те, кто принимал решение о передислокации бригады. Я прослужил в армии 30 лет и знаю, как должны переселяться части. Выезжает оперативная группа, там находятся командиры, тыловики, финансисты, другие должностные лица, которые изучают на месте вопросы — где и как будут размещаться, расплачиваются за аренду земли, коммунальные услуги и т.д. И только потом — доклад командованию: база готова. Будучи заместителем комдива, сам выводил 14 тысяч человек с техникой, хорошо помню, как шел этот процесс. Была проделана большая предварительная работа,

месяца полтора готовили базу, за все расплатились и лишь после этого начали отправку эшелонов. Все делалось по-человечески. А сейчас... Больно за солдат и офицеров, стихийно брошенных на необжитое пространство. Но это эмоции. Надо было срочно искать выход из тупиковой ситуации, спасти людей, иначе пацаны просто замерзли бы. Тотчас же обратились по радио и телевидению к гражданам Ставрополя, руководителям предприятий и организаций с просьбой протянуть руку помощи военным. И, честное слово, были просто поражены отзывчивостью ставропольцев. Тысячи людей, простых граждан, несли все, что могли. Ни одна фирма, ни одна организация не осталась в стороне. Скажем, акционерное общество "Нептун" закупило продукты на сумму 3,5 миллиона рублей. Колхоз имени Ленина Труновского района отправил 50 мешков картофеля, сахара, гречки, гороха, муки. Православное Покровское сестричество выделило из своих средств на доппи-

тание солдат 1 миллион 360 тысяч рублей. Около 20 миллионов перечислил "Ставрополькрайгаз" — для подписки на газеты и журналы. Комитет по культуре начал комплектовать для частей и подразделений бригады три библиотеки... Таких примеров — масса. Со своей стороны администрация провела переговоры с директорами заводов, которые могут предоставить помещения. Однако беда в том, что эти заводы были банкротами.

Глава города опять же проявил инициативу, снял аресты с предприятий. МВД, перечислив деньги, оплатило их долги, и сейчас ряд корпусов заводов "Аналог", "Автоприцепы" и "Фрегат" подготовлены к размещению личного состава и военного имущества. Отраднo и то, что достигнуто полное взаимопонимание между губернатором края, мэром города и командованием войск. Хотя все осознают: с приходом бригады резко обострятся проблемы коммунального обслуживания и социального обеспечения военных и членов их семей. На сегодняшний день у нас 870 офицеров и прапорщиков не имеют квартир и еще 1414 отставников без жилья. Но коль взялся за гуж, не говори, что не дюж. Раз так получилось, сделаем все, чтобы люди чувствовали себя относительно комфортно. А как в дальнейшем будет решаться вопрос с нормальным обустройством новоселов — покажет время...

Намеренно в этих заметках о драматической судьбе 101-й приводим

интервью с заведомом администрации Ставрополя, не жалея бумаги, со всеми деталями и подробностями. Волнует, согревает сердце рассказ о душевной щедрости простых людей, откликнувшихся на призыв помочь военным, о распорядительности и государственном подходе местных руководителей к решению внезапно возникшей проблемы. Будь такая возможность — перечислить бы фамилии всех граждан, названия предприятий, организаций и учреждений, поддержавших войска в трудную минуту. Низ-

кий им поклон от солдат правопорядка! Конечно, и в одиночку, без местной поддержки бригада как-нибудь разместилась бы на новых "квартирах", выстояла, выжила — к трудностям не привыкать. Вот только вопрос: какой ценой?! Иное дело — всем миром... Как говорят в народе, дружно — не грузно.

Но волнует и другое. Задача государственной важности (бригада войск МВД — не удельная дружина) реша-

лась, как не раз уже бывало, на ведомственном и региональном уровнях, без учета материальных и финансовых ресурсов вконец обнищавших военных и краевой администрации: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Средства, выделенные из бюджета на вывод федеральных частей из мятежной республики, — лишь малая толика той заботы, которую обязаны проявить органы государственной власти о людях в погонах, мужественно и стойко защищавших интересы страны в боевой обстановке. Кстати сказать, деньги до войсковой казны доходят с большим опозданием. И солдат продолжают увольнять, точно бомжей, в старом обмундировании со смехотворными выходными пособиями. Не завершено и обустройство бригады. В заводские корпуса заселили один полк, батальоны связи и разведки; несколько подразделений разместили в отапливаемых буржуйками полуразбитых казармах военного городка расформированной армейской части. А два отдельных батальона оперативного назначения встречали Новый год по старому календарю в продуваемых палатках на окраине степного хутора, спасаясь помощью сердо-

больных местных жителей. Тем не менее один высокий государственный муж, упреждая события, поспешил заявить по телевидению: ни один солдат не остался в чистом поле.

Вот она, истинная цена высочайших указов и правительственных решений по проблемам жизнедеятельности войск: подписано — и с плеч долой. И это касается уникального боевого соединения, сформированного в условиях войны! Соединения, в чьей короткой истории — десятки героических эпизодов.

За державу обидно. И за бригаду. Неужто, вернувшись из грозненского пекла, потеряв убитыми 140 своих однополчан, военные не заслужили права на лучшую участь? Мужеством и отвагой, замечательными традициями товарищества, фронтового братства, закалившимися, как булат, в огне боев.

Об этом — о подвигах, традициях многострадальной и несгибаемой ОСБРОН — отдельный рассказ.

(Продолжение следует)

**Полковник Ю. КИСЛЫЙ.
Фото автора и О. СМЕРНОВА.**

Заметки военного публициста

ЧТО ПОСЛЕ

ГАЗАВАТА?

Едем по Чечне. У пестрых базарчиков на перекрестках, на сельских площадях нам кричат: "Аллах акбар!". День ото дня этот клич становился все громче, все отчаяннее, все истощнее. Теперь кричат все: несмышленная сопливая малышня, исстрадавшиеся от нужды женщины, ослепленные мезьтью мужчины. Солдаты, привыкшие уже ко всему, порою отвечают чеченским своим согражданам: "Аллах воскрес!" или "Спецназ акбар!". Это и вовсе доводит местных правоверных до исступления. Благо отряд уже далеко. Ведь по нам запросто могли бы и пальнуть — война, газават...

Объявили, что войне конец. Но на душе все-таки беспокойно. Если по театральным законам ружье, появившееся на сцене в первом акте, непременно выстрелит по ходу пьесы, то в страшное время всеобщего без-

закония горы кавказского оружия — вулкан, да и только...

Перелистываю свои чеченские блокноты. Один из них, датированный летом 95-го, хранит беглую стенограмму нашего нелицеприятного разговора с сельским населением на востоке Чечни, на границе с Дагестаном. Тогда шли бои за господствующие высоты, войска зажимали боевиков все теснее и вот-вот должны были добить. В боевых действиях наступал очередной пик, а значит, накалялись отношения и с мирными. Помню, страсти в сельской конторе кипели. Простая женщина с открытым лицом и натруженными руками, бывшая колхозная доярка, поднатворела за годы войны и в военных вопросах, и в политических. Сначала она упрекала российских солдат: "Зачем из подствольника ночью стреляли?". Потом уверенно заявила: "Мы с вами — заложники политиков". А еще напомни-

ла страницы нашей общей истории. Нет, кроваво-больной вопрос депортации не поднимался. "Мы воевали вместе, — говорила чеченка, — хоть праведная война была — Великая Отечественная, хоть неправедная — афганская, чеченские парни разве плохо воевали? Нет, чеченцы всегда хорошо воевали!" Я в свою очередь с той чеченкой вполне согласился, вспомнил, что двадцать с лишним лет назад в одной роте со мной, на срочной, служили, и неплохо служили, вайнахи — чеченцы и ингуши, и комбатом у нас, кстати, был ингуш, капитан Аушев. Мы считались товарищами, и отношения наши были вполне безоблачными. Пустился в воспоминания и дагестанец из соседнего села, офицер запаса: "Мы всегда одно святое дело делали — страну охраняли. А теперь воюем. Обидно, что здесь, на войне страдают простые люди. Богатые чеченцы кайфуют в московских ресторанах".

После долгого и нелегкого того разговора расставались мы если не друзьями, то и не врагами. Я отметил для себя, что молодежи ни в колхозной конторе, ни на улице практически не было. В те дни войска проводили операцию, выбивая "духов" с окрестных высот, из своих опорных пунктов и баз те растекались по лесам, не решаясь до поры заходить в села за продуктами, на теплый ночлег...

Другая мирная встреча с чеченцами была у нас еще раньше, в январе 95-го. И старый Хамид, и молодой Хасан надеялись переждать войну на своей уединенной ферме. Старались, насколько это возможно в заварившейся кровавой каше, держать нейтралитет. На советскую власть зла не держал даже депортированный в 1944 году старик, отсидевший, кроме того, восемь лет в Магадане "за мешок пшеницы". "Закон есть закон, — прошамкал он беззубым ртом, — хотя и беззакония мы натерпелись за годы изгнания". Хасан же прежней жизнью, похоже, был вполне доволен: отслужил срочную сержантом в Ленинградском военном округе, жил в Ростове, потом вернулся в родные края в надежде стать если и не богатым, то вполне самостоятельным фермером. А тут Дудаев воцарился — последние три года при нем в пол-

ном мраке прошли: от государства ни копейки не получали, кругом воровство и разбой. Хасан сокрушается: "Переехал сюда из Ростова в 91-м. Взяли землю, и... кое-как сами — где купим, где что... Воруют — продают. Солярку так берем, зерно так же достаем. Конечно, неприятно всякими махинациями заниматься, так жить тоже неохота, но что поделаешь?"

Как в ту еще Кавказскую войну разделяли чеченцев на мирных и немирных, так и нынче пришлось по-разному оценивать поведение здешних жителей. В 95-м в январском Грозном вслед за криками "Аллах акбар!" в нас летели гранаты, мины и автоматные пули. При штурме одного из опорных пунктов "непримиримых" в плен были взяты двое уцелевших боевиков. Подняв руки перед бойцами ОМОНа, они лепетали: "Мы не боевики, мы здесь случайно. Никого не убили, честное слово! Клянусь аллахом, ваших никого не убили!" Мы и сами знали, что в той операции ни наша бригада, ни ОМОН потерь не имели. Но перед позициями боевиков оставались лежать необрунными тела погибших еще при новомодном штурме Грозного российских военных. И их товарищи, другие солдаты не мстить вершили, они громили явных преступников, вооруженных дудаевцев. Справедливо заметил один из старших офицеров: "Аббревиатура НВФ (незаконные вооруженные формирования. — Б.К.) мне кажется странной, полагалось бы употреблять другую — БФ: "бандитские формирования"...

Тех пленных отправили на фильтрационный пункт. Осталась от них на память книжонка под зеленой обложкой — изданная в Грозном в 1993 году пьеса француза Поля Мериса "Шамиль". Весьма забавная с точки зрения литературного качества и исторической правдивости вещичка — сплошь опереточные фантазии, по-французски романтические и душеспательные. Но выпущен сей опус дудаевскими пропагандистами был не случайно. Когда впервые поставили эту пьесу в Париже, Шамиль был еще жив, в 1854 году ему еще оставалось целых пять лет до плена. И был он выведен в пьесе неустрашимым, несгибаемым, непобедимым. Одним кинжалом убивал он тигра да еще

грозил русскому князю: “Бросая вызов справедливости, вы прогневите бога, и вся ваша Россия может исчезнуть с лица земли, подобно тому, как тают капли дождя на раскаленном граните. Берегитесь, князь! Сегодня у меня лишь две сотни солдат, но завтра их будет две тысячи, а послезавтра — двадцать тысяч! Берегитесь! Я не человек, я — снежная лавина!”

Не правда ли, очень похоже на известные безумные угрозы Дудаева и еще одного Шамиля — Басаева испепелить Москву, устроить в России ядерный кошмар. И ведь шли они к тому! Джихад — ад!

На замирении с чеченским руководством в Хасавюрте генерал Лебедь произнес: “Хватит, навоевались!” А в ответ многоголосое: “Аллах акбар!”

На мосту, где было совершено злодейское покушение на генерала Анатолия Романова, надпись: “Аллах над нами! Россия под нами! Победа за нами!”. И вот уже непримиримые в Грозном откровенно издеваются над российскими военными: “А что, разве не так вышло, не по-нашему?”. Попробуй возрази...

Наших солдат и офицеров, прошедших чеченский ад, награждают орденами и медалями России за мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач (или в ходе специальной операции). В самопровозглашенной же Ичкерии есть свои награды. 7 ноября 1996 года глава сепаратистов Яндарбиев подписал указ о награждении орденами и медалями ЧРИ около ста пятидесяти боевиков “за мужество и героизм, проявленные в борьбе с российскими агрессорами в джихаде свободы, и достойный вклад в общее дело борьбы с русизмом”. Про русизм — это из политического наследия Дудаева, из его идеологической платформы. Из тех интервью, которые он гордо давал некоторым самым независимым телекомпаниям в своих потаенных местах, сидя в неизменной пилотке на фоне неременного ичкерийского флага с черным волком. Еще запомнилось чеканное цитирование им поручика Лермонтова в части, касающейся чеченских нравов:

И дики тех ущелий племена,

Им бог — свобода, их закон — война...

Дудаев дал понять, что господин Лермонтов, дескать, был прав и зря не вняли русские голосу своего классика, посягнули на свободу ичкерийцев, пошли в их ущелья, забыв, что это именно чеченская законная стихия — война.

Новоявленные мюриды быстро повязали лбы зелеными повязками и, начиная эфирную перебранку с нашими военными зачастую с откровенного русского мата, заканчивали тираду непременно воинственным “Аллах акбар!”. Именно воинственным. С такой жесткой непреклонностью и беспрекословностью произносилось разве что гитлеровское “Gott mit uns!”. Православное же “Спаси и сохрани!” всегда незлобиво-потаенно оставалось на скромных нательных крестиках, висевших на одном шнурке с солдатским или офицерским медальоном.

Но не станем обсуждать и тем паче осуждать (Боже упаси!) символы и проявления чужой веры. Имеющий глаза да увидит, имеющий разум — поймет, имеющий сердце — почувствует. Речь идет о том, что самопровозглашенная Ичкерия, субъект Российской Федерации (хотя непримиримые утверждают, что Чечня — не субъект России, но субъект аллаха) намерена жить, начинает уже, по законам шариата. Об этом прямо заявляли не раз лидеры сепаратистов в лице первого вице-преьера и министра государственной политики и информации Мовлади Удугова, которого Яндарбиев удостоил высшего ордена Ичкерии “Честь нации”.

В интервью “Общей газете” Удугов сказал: “Надо поставить народ в рамки государственной дисциплины. Методы управления мы не изобретаем, мы выбираем естественный для нас и освященный многовековым опытом шариат. Демократия по российскому образцу ничего кроме войны нам не дала, демократические ценности в глазах народа скомпрометированы... Мы возвращаемся к исламу... Ислам — единственная религия, отвечающая духу чеченского народа. Адат — наше традиционное светское право — согласуется с законами шариата данными нам Всевышним”.

Удугов полагает, что сорока палок — этого прилюдного наказания, предусмотренного шариатом за упот

ребле-
н и е
спиртно-
го, — че-
ченцу дос-
таточно,
чтобы бро-
сить пить.
(Не худо бы
взять это
средство на
вооружение
нашим нарколо-
гам — скоро по-
кончили бы с
пьянством в
России.) Иче-
рийский вице-
премьер также
считал бы по-
лезным и отсе-
чение руки за
воровство. Он,
правда, сетует,
что пока делать
этого нельзя:
сначала госу-
дарство должно
обеспечить ка-
ждого человека
работой и дос-
тойной зарпла-
той. Вернитесь к
началу этих за-
меток — о жизни
в довоенные
1991—1994 го-
ды, во времена
правления Дудаева рассказывал нам
простой чеченец. Начни тогда дуда-
евцы жить строго по шариату, у них и

полно-
ценного войска
бы не набралось —
сколько рук поотрубили бы!
Уголовным кодексом Ичкерии
предусмотрено наказание и за учас-
тие в азартных играх, “к которым от-
носятся также лоте-
рея и любые игры,
исход которых зави-
сит от удачи и везе-
ния”. Знакомый офи-
цер, слушатель во-
енной академии,
как-то признался,
что по ночам под-
рабатывает в ох-
ране казино (вы-
плату денежного
содержания задер-
живают, да и не
хватает его для
прокорма семьи).
Так вот, самые
крутые, самые де-
нежные и самые
азартные в игор-
ном доме — имен-
но чеченцы. Но им
в Москве шариат
не закон. Иначе
сколько палок
пришлось обло-
мать бы о бока
преступников!

Недавно дове-
лось встретиться с офицером наших
войск, вызволенным из чеченского
плена. Более полугода провел он в

горных лесах, в лагерях «непримиримых» боевиков. Нашумевшая тема кавказских пленников не предмет сегодняшнего разговора, хотя работоторговля — солидная статья дохода «воинов аллаха». Знакомый мой кавказский пленник рассказал, что многие, если не большинство чеченцев, взявших оружие во имя «джихада свободы», откровенно признались русскому офицеру в своей ностальгии по «советскому образу жизни», так нещадно подвергаемому ныне ультрадемократами и «новыми русскими» хуле и остракизму. Уставшие от ожесточенной войны, от всеобщего беспредела и безысходности, чеченцы благодарно, по-доброму вспоминали мирное житье-бытье, вольные поездки по Союзу хоть по базарным своим делам, хоть с бригадами строителей-сезонников. Какие устраивали веселые застолья с русскими незлобивыми мужиками! А разве забудешь встречи с красивыми, самыми красивыми русскими женщинами! Совершенно вздыхали нынешние боевики, вспоминая прежнюю мирную жизнь, беседуя с глазу на глаз с русским офицером, своим пленником. Но стоило появиться третьему, который мог стать невольным свидетелем мягкосердечия и «отступничества» — чеченец замолкал, суровел и с еще большей нарочитой жестокостью толкал пленника в сырость, мрачный и затхлый земляной зиндан. Соплеменники должны видеть ненависть к неверному гяру.

А пленный русский офицер, человек зрелый, твердых убеждений и не менее твердой воли, как умел, вел с чеченцами беседы о своей вере, православной. Он сразу заявил, что к мусульманам вполне терпим, но обращать его самого в ислам — дело безнадежное. Не теолог, не богослов, даже отнюдь не фанатичный богомolec, он со спокойным сердцем мысленно приготовился ко всему. Но веры не потерял и не предал. Более того — поддерживал товарищей по несчастью, молодых солдат, которых по здешнему обыкновению силой пытались обратить в чужую веру. У одного из беглецов, вырвавшихся из чеченского плена, сохранился клочок бумаги со словами мусульманской молитвы — бое-

вики заставляли твердить их во время своих намазов. К вероотступничеству склоняли не мытьем, так катаньем. Сдавались те, кто однажды уже стали предателями, — дезертировавшие из части, струсившие в бою, похитившие оружие и боеприпасы, наивно решившие разбогатеть в каком-нибудь отряде наемных «воинов аллаха». Словом, боготерзкие по всему людишки переметнулись к иноверцам. Ну и пусть их! Бог, может, и простит.

Зато в Ичкерии вероотступничество отныне будет караться смертью. Так записано в Уголовном кодексе, которому предпослан девиз «Бисмиллахи-р-рахьмани-р-рахьим!» («Во имя аллаха, всемилостивейшего и всемогущего»). Это, пожалуй, нечто другое, нежели просто «закон суров».

Вряд ли уютно будут чувствовать себя в мусульманской республике иноверцы, люди нескольких поколений, выросшие в великой стране, интернациональном советском государстве, принадлежностью к которому искренне гордились и верующие, и атеисты.

«Фундаментализм нам не свойствен», — утверждал Удугов в том же интервью «Общей газете». Но где гарантии, что после узаконенного палочного наказания, многоженства и утверждения, что нет бога, кроме аллаха, не появятся отряды новоявленных мюридов — работу таких весь мир увидел в Буденновске, Кизляре, Первомайском. Удугов заявляет: «Независимость нам нужна для того, чтобы выжить, чтобы лишить Россию возможности уничтожить нас безнаказанно, как это было через каждые пятьдесят лет в течение трех веков».

Обращают взор в глубокую историю, но не хотят вспомнить завещание имама Шамиля детям — «быть верноподданными Царям России и полезными слугами новому нашему отечеству». Иль дети непослушные, иль цари не те?

Полковник Б.КАРПОВ.

Фото О.СМИРНОВА.

Эхо Чечни

ВЕРНУВШИЕСЯ С ТОГО СВЕТА

В тот день, когда эти десять солдат и офицер оказались окруженными мощной группировкой боевиков, когда на них были брошены основные силы сепаратистов, штурмовавших площадь Минутку, когда прервалась связь, в штабе бригады их фамилии дрогнувшей рукой внесли в список без вести пропавших. Как в арифметике — один пишем, два в уме. На этот раз в уме пульсировала трагическая мысль: “Живыми из таких переделок не возвращаются”. Но они вернулись. Вернулись все. С переломанными ногами, контуженные, пропахшие потом и порохом, смертельно усталые. Вернулись, по сути, с того света, в очередной раз продемонстрировав негибаемую силу воли и мужество российского солдата.

— **Б**ыло их много. Очень много. И все — по нашей душе. Кажись, мы встали им поперек горла, по нам открыли такой бешеный огонь, что временами просто не могли подняться с пола, шлифовали его своими животами. Лупили вражины из автоматов, пулеметов, в окна летели гранаты. Мы меняли позиции и продолжали драться.

Майор-сапер с трудом произносит

эти слова, и глаза его как зеркало: в них отражаются огненные всполохи, разрывы — бой за свою жизнь и жизнь подчиненных. Эту картину в воспаленных глазах начинаешь видеть, невольно проникаясь тяжкими воспоминаниями собеседника.

Впервые встретив Юрия Гришина (фамилия изменена) в Ханкале, не мог не заметить его подчеркнутую антисуперменности. Так обычно выглядит офицер, давно прописавший-

ся на войне. Борода, потертый, выцветший камуфляж, резиновые сапоги... Походка неспешная, скупые неторопливые жесты человека, много повидавшего и пережившего. Это когда затишье между боями, рядом не стреляют, и ты имеешь полное право наслаждаться покоем. Но стоит прозвучать сигналу тревоги, и бывалый фронтовик преобразается в мгновение ока. Будто тугая пружина разжимается где-то внутри. Быстрота без суеты, решимость действовать в резко меняющейся обстановке, уверенно отдавать необходимые распоряжения, управлять людьми, поддерживая их моральный дух личным примером. Вот и майор...

Куда только девалась вызванная усталостью нарочитая его медлительность в то раннее утро, когда быстрыми действиями и математически точными решениями нужно было спасти себя, подчиненных и еще пятерых солдат, оказавшихся рядом?

...В шесть утра они выдвинулись в пешем порядке к площади Минутка. Приказ — доставить боеприпасы заблокированным подразделениям, Гришину с группой саперов — провести разминирование. Уже на подходе, на улице Гудермесской, попали в засаду. Стоявшая неподалеку длинная пятиэтажка была плотно набита боевиками, как осиное гнездо злыми насекомыми. Из окон загрохотали выстрелы. Под перекрестным огнем падали на асфальт убитые и раненые. Кто пытался отступить — тут же получал снайперскую пулю.

Быстро оценив обстановку, Юрий собрал десятерых бойцов и указал на самый "стреляющий" подъезд дома: "Туда!" Дерзкая идея вломиться "в гости" к боевикам оказалась на редкость удачной — в сущности, это была единственная возможность покинуть пятачок смерти перед пятиэтажкой: пан или пропал. Ворвавшись в подъезд, — метр за метром, ступенька за ступенькой, квартира за квартирой — майор и его маленький отряд

перебили всех бандитов, настроенных на подлую охоту, а не на честный бой.

Опешив от дерзости военных, засевшие в соседних подъездах боевики сорвались со своих позиций (что дало возможность войсковым группам отойти с меньшими потерями) и стайей поперли штурмовать внезапно нагрянувших "гостей". Бородатые матери "волки" с зелеными повязками на головах лезли в окна, в двери квартир, пробирались к закрепившимся бойцам через чердак. Лестничные площадки, коридоры огласились топотом десятков ног, грохотом разрывов, гулками автоматными очередями. Внутри дома завязался яростный бой. Майор не хотел просто так отдавать захваченный плацдарм. Еще бы! Ставка — по самому высокому счету: жизнь и воинская честь. Тем более ситуация круто изменилась: теперь чеченцы оказались в роли идущих на верную смерть. У каждого окна, на каждой лестнице их поджидали солдаты, умело расставленные Гришиным. Прошитые пулями тела бандитов скатывались по ступенькам, застывали у входа в подъезд. Вот уже боевой счет атакуемых взвзшиков перевалил за сорок. Видя, что малыми силами военных не выбить, "духи" прекратили операцию по блокированию Минутки и занялись только домом.

Именно тогда в радиозфире появились "достоверные" данные Удугова об окружении "крупной группировки" российских войск в районе улицы Гудермесской. А в это самое время боевики запрашивали помощь. "Крупная же группировка" из десяти солдат и одного майора вовсю гасила огневые точки "духов", ликвидировала снайперов и пулеметчиков. Юрий тоже выходил в эфир и тоже просил помощи. Ему отвечали: "Держитесь, в городе везде идет бой, не можем к вам пробиться". Он перебегал от окна к окну, стрелял по штурмующим, зло ругаясь в радиостан-

цию: "Джонсон" катастрофически терял мощность, садились аккумуляторы, еще немного — и осажденные лишатся последней возможности связаться с базой.

Между тем события развивались по лютному сценарию, навязанному врагами. Подбежавший к майору солдат-наблюдатель сообщил: чеченцы подогнали к дому БМП, шесть КамАЗов с боеприпасами, а боевиков — хренова туча, уже больше двухсот. Гришин, побелев лицом, соединился с авиацией, указал координаты дома и попросил огневой поддержки "вертушек". А дальше — глухо, рация окончательно вырубилась — "сдохли" аккумуляторы, и к вечеру оторванные от эфира бойцы стали числиться пропавшими без вести. Но они не пропали, не погибли — они продолжали сражаться.

Плотность огня наседавших чеченцев возрастала с каждой минутой. Майор и солдаты изредка огрызались автоматными очередями, метко разили бандитов "карманной артиллерией". Был еще у них один подствольник — очень убедительный аргумент в бою. Да вот беда, выстрелов к нему — кот наплакал. Экономили как могли, но израсходовали все на страшно досаждавший пулемет в окне дома напротив: на месте убитого стрелка тотчас возникал новый. Будто голова гидры. И все же воскресавшая трижды огневая точка заткнулась. Намертво. Последним выстрелом удалось и пулеметчика снять, и чертову машинку раскурочить.

Имея двадцатикратное численное превосходство, "волки" постепенно брали верх — в прямом смысле: майор сдал сначала четвертый этаж, потом третий. Бой пошел за второй рубеж "цитадели". Предпоследний...

Во всей этой суматохе кровавой чеченцы просто не успевали обстреливать носившиеся на бешеной скорости бэтээры — так удалось эвакуировать с Минутки раненых, пополнить

боезапас. Одним словом, приковав к себе основные силы противника, одиннадцать отважных воинов помогли однополчанам удержаться в опорных пунктах на площади.

Шесть часов продолжался непрерывный штурм. Наконец в небе застрекотали долгожданные "стрекозы".

— Вниз, быстро! — скомандовал Юрий, не сомневаясь в том, что по дому ударят с воздуха неуправляемыми ракетами.

Кубарем скатились в подвал, где сидели перепуганные жильцы. "Был у них хороший дом, теперь многие останутся без крова, — с жалостью подумал майор. — Страшная штука — НУРСы".

Мажорный гул все ближе...

— Щас как шарахнут! "Духам" — .....! — радостно крикнул кто-то из солдат.

Неожиданно пение боевых вертолетов пошло на убыль, растворяясь в высоте. Над крышей воцарилась тоскливая тишина. Улетели, так и не открыв огня! Наверное, пилоты, безуспешно вызывавшие майора на связь, побоялись взять грех на душу: реактивные снаряды не выбирают, где свои, а где чужие. Зато "духи" не растерялись, и как только дерзкие "гости" вышли из подвала, горячая свистопляска началась по новой. Однако теперь о захвате этажей не могло быть и речи — враги прочно оккупировали покинутые бойцами позиции.

«Что ж, нет сил — пойдем на хитрость!» — подбодрил себя Юрий. Стремительный маневр в тесном пространстве, рывок — и военные, запутав чеченцев неожиданным финтом, ускользнули от преследователей, заперлись в одной из квартир на втором этаже. Забаррикадировали металлическую (вот где им по-настоящему повезло) дверь стиральной машиной, каким-то домашним хламом и затаили дыхание.

На лестничных площадках беспоряд-

дочно грохотали шаги, раздавались крики.

Их искали по всему дому.

Часа через два дверь зазвенела под мощными ударами автоматных прикладов.

— Шурави, сдавайся!

— Ясненько: нас обложили не только "чеченцы", — вспоминает майор. — Нохчи федералов так не называют. Была слышна какая-то иностранная речь — то ли арабская, то ли фарси, поди разберись. Во всяком случае, не чеченская — это точно. По-видимому, наемники совещались между собой — как нас выкурить из укрытия. Они догадывались: шурави именно в этой квартире, только ничего не могли сделать. Мало того что дверь прочная, так еще и открывается наружу. Как ни старайся — не выломаешь. Из РПГ стрелнуть — себе дороже: лестничная клетка узкая, гранатометчика реактивная струя спалит. Оставалось одно — долбить из автоматов... Ну и началось! Очередь за очередью! Пули прошивали дверь и падали в прихожей, весь пол был ими усыпан, как железным ковром. Но дверь все равно не поддавалась. Душманы озверели, дубасили ногами, прикладами, а ей хоть бы что.

Пока боевики возились с дверью, осажденные шепотом держали совет. Солдаты предлагали открыть ответный огонь, но командир возразил, приняв и на сей раз единственно верное решение — ни звука, сидеть тихо и дожидаться темноты. Ночью попытаться уйти.

И они молчали. Сцепив зубы. Видели из окна, как чеченские подростки 10—12 лет добивают наших раненых, срывают с них оружие и несут старшим. Как на грузовых машинах прибивают свежие силы, подвозятся боеприпасы, как мирно беседуют друг с другом бандиты и чеченские милиционеры, совершенно законно получившие оружие для того, чтобы воевать против этих бандитов.

И про укrywшихся русских не забыли "духи". Разрисованная зелеными флажками БМП нацелила пушку на второй этаж неспокойного подъезда. У входа была устроена засада из трех автоматчиков. На крыше соседнего дома разместились пулеметчик со снайпером. Еще один пулеметчик угнезвился на балконе первого этажа.

Юрий приказал засечь огневые точки противника, распределил их между солдатами, указал каждому сектор обстрела. Приготовились к последнему бою, не расставаясь с надеждой ускользнуть незамеченными под покровом ночи.

Тревожная тишина. Часы показывают ровно три. Выглянув в окно, майор решил: пора. Знаками велел подчиненным собраться в большой комнате...

— План такой. Все должны встать на подоконники и по моей команде спрыгнуть на землю одновременно — тогда будет меньше вероятность, что нас заметят. Нормальному стрелку от момента обнаружения цели до открытия огня требуется 4—6 секунд. Эти секунды — наши. Спрыгнув, делаем ноги. Быть в готовности ответить из всех стволов, — тихонько проинструктировал бойцов Гришин. — Уходим в сторону частного сектора. Все, вперед.

Хоть и второй этаж, а высоко — включая цоколь здания, метров шесть, не меньше. Пожалуй, и шею свернуть можно без тренировки-то. К тому же среди солдат — трое раненых. Им и вовсе разбиться недолго. Но все понимали: прыжок — последний шанс уйти живыми.

Спрыгнули Юрий и девять солдат. Один задержался, шепнув вслед: "Я вас прикрою, если что". Разбираться не было времени, и они рванулись через дорогу к одноэтажному домикам. Чувствуя в ногах дикую боль, как-им-то чудом продолжали бежать без остановок. Потом военные врачи будут изумляться, констатируя у каждого из десятирх переломы пяточных

костей, вывихи и смещения позвонков. С такими травмами не то что бежать — стоять настоящая пытка.

Они бежали, словно по остриям воткнутых в землю ножей, собрав волю в кулак: побыстрее бы скрыться в темноте, пока “духи” не очухались. На удивление, вдруг ожила радиостанция. “Ура, живем, парни!”.

Голос майора в эфире в четвертом часу ночи взбудоражил всю дежурную службу родной бригады. К тому времени бандиты заявили об уничтожении “крупного подразделения” федеральных сил на улице Гудермесской — ребят уже считали погибшими.

Они не помнят, как добрались до военного городка, как отвечали на вопросы подбежавших офицеров. Все заглушила боль. Сообразив, что вокруг свои и самое страшное позади, как подкошенные рухнули на землю, не в силах шевельнуться или хотя бы открыть глаза.

Последний боец, оставшийся в квартире, набрался мужества и прыгнул-таки с подоконника. К сожалению, неудачно — переломы его ног оказались значительно серьезнее, чем у товарищей. Кое-как дополз до частного сектора, где его подбрала русская семья. И еще сутки солдат провел там.

Его тоже поторопились внести в скорбный список.

Пришлось потом исправлять ошибку. Восстанавливать вернувшихся с того света в реестре живых.

... **П**рощались с Юрием в Ханкале незадолго до вывода войск из Чечни. Майор передвигался, опираясь на самодельный костыль, выструганный из черенка лопаты, часто останавливался передохнуть — тяжело ступать по этой грешной земле перебинтованными ногами. Но еще тяжелее думать о том, какой кошмар пережила жена, получившая известие: муж пропал без вести. Вдогонку, правда, полетела весть радостная: жив Юра,

спасен. А рубец на сердце все ж остался. И у него, и у нее.

Впрочем, как бы там ни было, это счастье — такие коррективы в бумажках под диктовку изменчивой военной судьбы. Трагедия — когда судьба отбирает последнюю надежду у родных и близких, однополчан. На войне очень редко возвращаются с того света. Не многим жестокие обстоятельства дарят последний шанс вырваться из такого пекла, в котором побывали Юрий Гришин и его отважная команда.

На войне как на войне. Простая и непреложная истина. И тем, кто постигал ее в боях, честно выполняя воинский долг, страна бесконечно обязана. Павшим. Пропавшим без вести. Живым.

Одиннадцать героев страна своим вниманием не обошла. Майор Гришин представлен к ордену Мужества, солдаты — к медали “За отвагу”.

— За награды спасибо, — говорит Юрий. — Но это не главное. Я сапер, за время службы обезвредил тысячи взрывных устройств... Так вот, главное для меня — сознавать, что ты кому-то нужен, что в критической ситуации можешь взять себя в руки, не струсить, повести по-мужски. Вот что по-настоящему ценится на войне. И еще — победа. А у наших войск ее вроде как отняли...

Я понимаю Юрия. Они выстояли в аду стреляющего дома, уложили полсотни вооруженных до зубов боевиков, вырвались из окружения... Ради чего?! Чтобы в госпитале услышать о том, что войска из Чечни выводят, что за их спинами миротворцы обо всем договорились с сепаратистами, и получается, все было зря? Кровь, огромные потери, подвиги тысяч российских воинов. Его, Гришина, подвиг.

Очень трудно смотреть в глаза майору. И больно...

Капитан В.ТОРИН.

Мы продолжаем публикацию писем родителей, чьи сыновья погибли при исполнении служебного долга в Чечне.

Все проходит, все уходит,
только боль остается.
Сердце ранит вопрос:
чья же все-таки это вина?
Нет неправых среди тех,
кто в свой дом никогда не вернется.
Так была ли нужна
непонятная эта война?

В.КОВАЛЕВ.

По страницам Книги памяти

**СМИРНОВ
ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

Узнали, что создаете Книгу памяти павших в Чечне. И я решила написать вам о моем сыне, моем единствен-

ном Олежке, который погиб там, в Чечне.

Родился наш сынок 5 сентября 1970 года в Таганроге. После школы закончил Уфимское высшее авиационное училище. Сколько было радости и надежд! Сына направили служить в вертолетную эскадрилью МВД Северо-Кавказского округа внутренних войск. Мы радовались, что это недалеко от дома.

Олежек наш был веселым, общительным парнем, высоким, рост — 197 см, занимался спортом. Очень любил небо, все говорил мне: «Мама, ты не представляешь, что такое небо!». Мы с мужем радовались успехам сына, но очень переживали из-за частых его командировок в горячие точки, а он нас успокаивал, говоря, что «там все нормально».

17 ноября 94-го года мы были в гостях у сына, и я еще не знала, что вижу моего сыночка живым в послед-

ний раз. Олежек встретил нас радостно. Ему накануне присвоили очередное воинское звание — «старший лейтенант», и он должен был улететь в очередную командировку в Моздок. Сын просил не огорчаться и обещал к новому 1995 году быть дома.

Затем началась война в Чечне. Олежек несколько раз звонил домой, успокаивал, что он в Моздоке, в санитарном экипаже, а значит, волноваться не надо. Но по голосу его я поняла, что сын мой изменился, сразу как-то повзрослел, видя ужасы войны, смерть, боль.

И вот пришел в нашу семью этот черный для нас день — 20 декабря. По телевизору в «Новостях» мы услышали сообщение, что в Чечне сбит санитарный вертолет МВД. Предчувствие беды нас не обмануло...

В 12 часов ночи к нам домой из Ростова приехали командир части, где служил наш сын, и его боевые товарищи со страшным известием о гибели нашего единственного сыночка — Олежки, нашей надежды и опоры...

Санитарный вертолет летел за тяжелоранеными, которым требовалась срочная медицинская помощь. Летел в сложных метеоусловиях — был сильный туман, при заходе на посадку он был подбит из гранатомета. Вертолет загорелся и взорвался в воздухе, не успев сесть. Вместе с нашим сыном погибли еще двое офицеров и два врача.

Похоронили мы своего сыночка в Таганроге на городском кладбище у высокого тополя. Открыли нам гроб с телом сына только на кладбище, чтобы мы могли с ним проститься в последний раз.

До конца своей жизни я буду казнить себя за то, что я, медик, ничем не смогла помочь моему сыну, не смогла спасти его, не смогла защитить. А ведь он жил после взрыва еще шесть часов... За что мне такая судьба выпала — хоронить своего единственного сына? Я плачу каждый день от бессилия и боли. Мой сыночек так любил жизнь, какие планы

строил, какие мечты были — все перечеркнула война. Он собирался жениться весной, детей очень любил, а я так ждала внуков. А теперь не осталось нам с мужем ничего, только светлая память о нашем сыночке и могилка на кладбище.

Благодарю всех, кто помог нам в страшной беде, кто был с нами рядом в нашем горе — наших друзей, родных, знакомых, одноклассников сына и его боевых друзей, которые и сейчас нас не забывают. Большое спасибо и вам, кто хотите сохранить память о наших сыновьях.

Экипаж вертолета — командир корабля майор Александр Анатольевич Гасан, борттехник капитан Анатолий Дмитриевич Савчук и летчик-штурман старший лейтенант Олег Валерьевич Смирнов. — наш Олежек — награждены орденом Мужества. По-смертно.

Материнский поклон вам за память о погибших воинах. Вечная им память.

*Т.В.СМИРНОВА,
г. Таганрог.*

**ДОРОДНОВ
ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

«Я до сих пор не могу поверить, что сына моего нет. Вот пишу вам о нем как о погибшем, да и ребята, служив-

шие с ним, были свидетелями того, как сразила его пуля снайпера, они нам все рассказали. А мне все не верится...

Дима рос послушным, честным и очень ласковым мальчиком, никогда никого не обижал, занимался спортом — борьбой и велосипедом, перед армией закончил курсы водителей. Дима очень любил цветы. Хотел, чтобы его провожали в армию с цветами, но так уж вышло, что провожали без цветов. А встречали морем цветов... Неживого.

В письмах домой Дима никогда, ни одного раза за время службы с 22 июня 1995 года не жаловался на армейские тяготы, писал, что кормят хорошо, служба нормальная. Он не хотел причинять нам беспокойства и боли. Потом письма прекратились. И мы написали в Комитет солдатских матерей. Оттуда написали, что Дима находился в плену, сейчас освобожден. Мы поехали с мужем в часть, где служил Дима. Он радовался нашей встрече, но так мы и не поняли, был он в плену или нет, потому что он говорил, что не был. Повидались мы 31 июля, а 21 августа он погиб.

Трудно поверить, что он больше не вернется домой, мы не услышим его голос, смех, шутки. А сколько у него было друзей! Я никогда не видела, чтоб так рыдали двадцатилетние парни, как было на Диминых похоронах. Они и сейчас не забывают его. Когда хоронили Диму, погода менялась на глазах — то солнце, то дождь. Об этом я сказала ребятам, которые приехали из части уже после похорон, а они говорят: это по нему ангелы плачут.

Еще раз большое спасибо вам за память о наших погибших сыновьях.

*С уважением к вам —
ДОРОДНОВА Татьяна Васильевна,
г. Азов Ростовской области.*

РАКОВ ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Остановилась жизнь... Страшно... Больно...

И лишь желание сохранить память о сыне заставляет жить.

Сыночек родился у нас осенью, 25 октября 75-го года. После школы окончил ПТУ и пошел работать на большой завод автослесарем. Трудолюбивым был, все делал словно играючи. И в армию шел охотно, считал, что каждый парень должен отслужить, чтобы стать настоящим мужчиной.

С 1 декабря 94-го года стал писать сыночек из Южно-Сахалинска, из части внутренних войск. Хорошие такие письма он писал, кое-кто даже не верил, что в армии так хорошо бывает. Писал, что рядом хорошие, надежные друзья, часто ходят на лыжах, что кормят очень хорошо и что он успевает по всем воинским дисциплинам. А от командира письмо нам пришло благодарственное. Как мы рады были за сыночка! Просто счастливы были!

Но неожиданно часть расформировали, а Гену перевели в оперативный батальон. Он писал, что усиленно занимается стрельбой, физической подготовкой. И тут в сердце закра-

лась тревога. Он нам-то писал, что все нормально, но уже тогда знал, что готовят их в Чечню.

А в конце июля мы получили письмо, отправленное из нашего города — из Иркутска. Сыночек наш проезжал мимо родного дома и опустил письмо, в котором сообщил, что едут на три месяца в Чечню. Он был рядом, а мы ничего не знали!..

Вместо трех он воевал там семь месяцев, но о войне не писал ни слова, все, писал, хорошо, берегите себя.

А как он погиб — это уж потом его боевые друзья рассказали, те, кто в живых остался...

6 марта 96-го года маневренная группа, в которой был наш сыночек, выдвинулась на помощь обстрелянной боевиками колонне. Из засады БТР, где находился наш Гена, подбили. Снаряд разорвался рядом. Сыночек погиб мгновенно, а потом еще и обгорел.

Нам о гибели Гены сообщили 20 марта.

Весна была, день ясный, а мы сыночка хоронили...

Он два месяца до "дембеля" не дождался. Ему было лишь 20 лет. Мало что успел он, только деревце, которое посадил перед армией, шелестит листочками. "Живите долго" — это он нам так написал в своем последнем письме.

Говорят, что Гену представили к награде посмертно.

Недавно к нам приезжали его друзья фронтовые, их осталось всего двое из десяти тех живших в одной комнате. Привезли Генины личные вещи, блокнот да наши письма, которые он хранил.

Сердце рвется на части...

Вы хорошее дело делаете, пусть хоть в Книге памяти останутся имена наших детей. И в сердцах их родителей.

*Родители Гены Ракова
Любовь Николаевна
и Геннадий Александрович,
г. Иркутск.*

ОТ РЕДАКЦИИ. Указом Президента России за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, рядовой Раков Геннадий Геннадьевич награжден орденом Мужества (посмертно).

**ТРИФОНОВ
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ**

Здравствуй, уважаемая редакция!

Мой братишка Трифонов Алексей Иванович погиб в Чечне 9 августа 1996 года. Точную картину гибели мы не знаем. Прапорщик, сопровождавший гроб, рассказывал одно. Позже друг, служивший с ним вместе, — другое. Но как бы там ни было — Алешку уже не вернуть. В память о его службе у нас практически ничего не осталось — вещмешок утерян, армейских фотографий он так и не прислал. Друзья рассказывали, что Алеша во время службы сочинял песни и пел их под гитару, но тот "дембельский" блокнот тоже, видимо, не со-

хранился. А так хотелось бы прочитать его мысли...

Родился Алешка 28 августа 1976 года. Чудо-ребенок с черными глазами, густыми волнистыми темно-русыми волосами, длинными пушистыми ресницами, необыкновенно красивым разрезом глаз. Он был очень похож на отца, а так как отец был единственным сыном из шестерых детей, то, естественно, считался продолжателем фамилии Трифоновых. Ну а Алешку вся родня приняла как очередного "наследного принца". Он рос послушным мальчиком, а когда умер отец, то стал маминой опорой и надеждой, так как я в это время уже вышла замуж и жила в другом городе.

Призвали его в армию как-то слишком быстро, в суете. Вечером пришла повестка, а в шесть часов утра ему надо было быть уже на сборном пункте. Я даже не успела приехать на проводы, о чем буду жалеть теперь всю оставшуюся жизнь. Это было 15 декабря 1994 года, а 20 мая 1995 года он был уже в Чечне. Писал успокаивающие письма, видимо, не хотел волновать. Мы очень надеялись, что его отпустят домой после известного указа президента, но до полутора лет службы ему не хватило всего 19 дней, в то время как в Чечне он прослужил уже больше года. Но это в зачет не пошло.

Письма писал редко, с их передачей были проблемы. 5 марта 1996 года от Леши пришло очередное письмо, как оказалось, последнее, в котором он поздравил маму с 8 Марта и с приближающимся днем рождения. Там такие слова были: "И пусть ветерок весенний поцелует тебя за меня..." Это был его последний поцелуй.

2 сентября поздно вечером принесла телеграмму, в которой сообщалось, что Алеша погиб. Гроб мы не вскрывали. Вот так и живем с надеждой в сердце: а вдруг живой?

Извините за почерк, без слез вспоминать обо всем произошедшем просто невозможно. Слишком больно.

*Надежда ТРИФОНОВА,
сестра Алеши.*

И еще. Напечатайте, пожалуйста, наше обращение ко всем, кто знал Алексея по службе в войсковой части 3671. Мы просим откликнуться его сослуживцев: может быть, у кого-нибудь сохранились его военные фотографии, записи песен и стихов. Пришлите, пожалуйста, нам хотя бы их копии. Мы будем вам очень благодарны.

*С уважением — мама и сестра
Алексея Трифонова.*

**Подготовили к печати
капитан С. КОЛЕСНИКОВ,
А. ЯНКОВСКАЯ.**

ОТ РЕДАКЦИИ. Уважаемые читатели, свои воспоминания об Алексее Трифонове присылайте в редакцию, а мы обязательно передадим ваши письма семье погибшего солдата.

Журнал "На боевом посту", газета "Ситуация" продолжают работу по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск, погибших на чеченской войне. Мы просим откликнуться всех, кто мог бы рассказать о своих боевых товарищах. Напишите нам свои воспоминания о них, пришлите фотографии. Наш адрес: 107120, Москва, Сыромятнический проезд, 8. Редакция газеты "Ситуация".

По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России

Последние дни ушедшего года, видимо, поставили точку в двухлетней войне в Чечне. Из республики выведены подразделения 101-й бригады внутренних войск и 205-й бригады Министерства обороны. Новыми местами дислокации соединений стали населенные пункты Ставрополя, расположенные близ административной границы с Чечней.

К сожалению, трудно подвести черту под списком безвозвратных потерь внутренних войск. В последнее время он пополнился новыми именами. В декабре при выводе подразделений 101-й бригады погиб **майор Олег ЗОЛОТАРЕВ**.

В ходе эксгумационных работ обнаружены и опознаны тела нескольких военнослужащих внутренних войск, ранее считавшихся без вести пропавшими. Среди них:

ефрейтор Виктор БОЛТЕНКОВ, капитан Олег ВИЗНЮК, сержант Сергей КОНСТАНТИНОВ, сержант Александр КУСКОВ, рядовой Владимир МАКАРОВ, рядовой Алексей ШТУКАРЕВ, рядовой Алексей КУЗИН.

4 января. На территории одной из войсковых частей внутренних войск, дислоцированной в г. Моздоке (Северная Осетия), начались работы по сборке памятника воинам, погибшим при исполнении воинского долга в Чечне. Этот монумент ранее находился в аэропорту "Северный", в связи с выходом войск с территории республики принято решение о переносе памятника, ставшего символом чести и славы воинов внутренних войск.

7 января. Святейший патриарх Московский и Всея Руси Алексий II наградил командующего войсками Приволжского округа внутренних войск генерал-лейтенанта Бориса Максина орденом Святого благоверного князя Даниила Московского. Этой награды генерал удостоен за работу по воспитанию военнослужащих войск в духе любви к Родине, уважения к русским традициям.

9 января. В ГУКВВ МВД России состоялась встреча заместителя министра внутренних дел — командующего внутренними войсками генерал-полковника Анатолия Шкирко с вдовами и детьми военнослужащих, погибших в горячих точках. По словам командующего, будет сделано все для увековечения памяти военнослужащих, погибших при выполнении служеб-

ного долга. Уже сейчас ведется работа по созданию Книги памяти погибших в Чечне. Принято решение о сооружении в Москве памятника "Сынам России — воинам внутренних войск". Генерал-полковник А.Шкирко отметил, что достигнута принципиальная договоренность с руководством Ассоциации семей погибших сотрудников органов внутренних дел о том, что вдовы смогут участвовать в работе этой организации. В будущем можно подумать и о создании своей войсковой организации вдов. Встреча проводилась в рамках благотворительной акции для семей погибших. В программе десятидневного пребывания в Москве вдовы и дети военнослужащих побывали на новогодней елке в Центральном театре Российской армии, совершили обзорную экскурсию по столице, посетили знаменитую Третьяковку, Оружейную палату, Большой театр. Как заверил командующий, такие встречи будут проводиться и впредь. "Мы должны сделать все для того, чтобы увидеть, как светлеют лица детей, как высыхают слезы на глазах вдов", — сказал он.

17 января. Губернатор Калининградской области Леонид Горбенко направил 8 тонн гуманитарной помощи военнослужащим 101-й бригады, выведенным недавно из Чечни. Самолет с продуктами питания и теплыми вещами приземлился в аэропорту города Буденновска.

22 января. Состоялось заседание Совета Федерации, на котором наряду с другими документами обсуждался Федеральный закон "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации". По результатам голосования принято постановление одобрить данный закон и направить его на рассмотрение Президента России.

28 января. Благотворительный фонд "Консул" обеспечил финансовую поддержку, включая приобретение гражданской одежды и обуви нескольким военнослужащим внутренних войск, прошедшим лечение в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск после ранений, полученных в Чечне, и направленным на реабилитационный отдых в Объединенные Арабские Эмираты.

Подборку подготовил подполковник В. ПАНЧЕНКОВ, начальник пресс-бюро внутренних войск МВД России.

“Нетрадиционная” война

Разбитая армия многому научится.

Немецкая мудрость.

Принято считать, что наиболее значительный опыт ведения “нетрадиционной” войны в настоящее время имеют вооруженные силы США. Слов нет, Вьетнам многому научил американских военных. Об этом свидетельствует характерный факт: вопросам организации антиповстанческой борьбы посвящена первая (!) глава наставления, предназначенного для корпуса морской пехоты. Впрочем, прогнозируя вероятность конфликтов в будущем, извлекают выводы из драматических уроков прошлого не только дальновидные и прудумотрительные янки. В армиях, силах правопорядка и безопасности ряда стран Европы, Азии, Латинской Америки также уделяют самое серьезное внимание подготовке подразделений специального назначения к проведению контрпартизанских операций. Эта задача, в частности, успешно решается в ФРГ.

Краткий исторический экскурс. Спецформирования для борьбы с партизанами на оккупированных территориях в германских вооруженных силах были созданы во время второй мировой войны. Их общее название — “ягдкомандо” (охотничья команда), бойцы носили нарукавные знаки с изображением оленьих рогов. В своей деятельности они руководствовались инструкцией, требовавшей, чтобы в команды охотников отбирались бесстрашные и хорошо подготовленные солдаты, готовые действовать в любой обстановке. На командные должности рекомендовалось назначать изобретательных и находчивых офицеров, хорошо знавших тактические приемы мстителей. Наиболее благоприятными для боевой работы считались районы, где партизаны совершали переходы, направляясь к объектам диверсий, и пополняли продовольственные запасы.

Что касается тактики, то ключевой момент состоял в том, чтобы, приспособившись к местным условиям и подражая противнику, скрытно подойти к нему, внезапно атаковать и уничтожить. При встрече с превосходящими силами неприятеля от боя, согласно инструкции, следовало уклоняться.

Структура "ягдкомандо" (каждое подразделение имело численность от взвода до роты) давала возможность активно бороться с партизанами небольшими группами, наиболее приспособленными для проведения беспоконных операций, разведки боем, подрывных акций с целью нарушения системы снабжения неприятеля, нейтрализации попыток организации новых отрядов. К охотникам прикомандировывали саперов, кавалеристов, связистов, переводчиков и местных жителей — надежных и проверенных.

Если "коммандос" продолжительное время находились в одном районе, то предполагалось, что все их приготовления находятся под наблюдением партизан. Поэтому перед командиром ставилась задача — скрыть от противника развертывание своих сил перед каждой операцией, ввести в заблуждение партизанскую разведку, предприняв движение в район, находящийся в противоположном направлении от места намечаемых действий. Туда группа должна была прибыть лишь спустя некоторое время, используя обходные пути. Для обеспечения скрытности и внезапности действий считалось нецелесообразным посылать в штаб текущие донесения, кроме особо важных. Исключался контакт бойцов с местным населением. Все передвижения и остановки тщательно маскировались, а в случае обнаружения команда оставляла свой район. Переходы совершались ночью. В дневное время, выставив охранение, охотники отдыхали в скрытых местах.

Важная роль отводилась разведке. Наблюдение велось из мест, удобных для нанесения ударов, на путях передвижений партизан. Чаще всего о

действиях мстителей судили по оставленным ими следам. Успеху дела способствовала также хорошая маскировка и тесное взаимодействие.

После уничтожения неприятеля карты и документы следовало сохранить, а оружие и боеприпасы привести в негодность. Сбор трофеев проводился под прикрытием огневых групп, ибо партизаны часто отступали в одном месте лишь для того, чтобы атаковать в другом.

При формировании бундесвера ФРГ опыт контрпартизанской борьбы "ягдкомандо" был учтен как в штатной структуре частей и соединений, так и в системе подготовки личного состава. Уже в 1956 году каждый батальон имел егерскую группу из 10—15 бойцов, а армейский корпус — роту егерей. Овладение тактикой диверсионных действий становится важным элементом боевой учебы западногерманских войск. В подразделениях появляются офицеры и унтер-офицеры, имеющие диверсионную подготовку. Их обучение проводилось на специальных курсах бундесвера и в американском диверсионном формировании — 10-й группе специального назначения "зеленых беретов" в местечке Бад-Тальц.

Спустя два года создается центр подготовки западногерманского спецназа на базе 1-й парашютно-десантной дивизии в Шонгау. Многие офицеры этого соединения в годы войны служили в диверсионной дивизии абвера "Бранденбург", орудовавшей по принципу "никому пощады не давать, самим пощады не ждать", и научились проводить операции там, где регулярные войска еще не начинали действовать либо не могли выполнить поставленную задачу. Своим опытом бывшие фашисты охотно делились с молодыми коллегами. С 10 марта по 7 мая 1958 года были проведены секретные сборы большой группы офицеров. Они занимались 629 учебных часов, из которых 244 часа провели в глухих лесах, а 264 — в горах. И результаты не замедлили сказаться. Во

время совместных учений с американскими спецназовцами под названием "Швабия" отличились бойцы капитана Бербериха из 252-го десантного батальона. Его крутые ребята шесть дней и ночей без передышки преследовали группу "зеленых беретов". Изнуренные янки были вынуждены обратиться за помощью к немецким крестьянам, предложили им доллары за еду и возможность вздремнуть в стоге сена. Крестьяне баксы взяли, а о спящих американцах немедленно сообщили парням капитана Бербериха.

Сегодняшний бундесвер руководствуется инструкцией "Обеспечение безопасности вооруженных сил", обобщающей опыт ликвидации иррегулярных и специальных формирований в мирное и военное время. По взглядам военных специалистов ФРГ, тактика действий в "нетрадиционной" обстановке включает задачи по защите территорий и важных объектов, контрразведывательные, режимные и разведывательные мероприятия, специальные методы и способы борьбы с партизанами.

Согласно требованиям инструкции, **для обеспечения надежной защиты территорий и объектов от нападения противника необходимо** постоянно контролировать подступы к ним, развернув систему наземных и воздушных наблюдательных пунктов, оснащенных оптической, телевизионной, инфракрасной и радиолокационной аппаратурой. Охрану объектов целесообразно организовать на дальних (10—15 км) и ближних (3—4 км) подступах, по периметру объектов и около жизненно важных центров. Требуется иметь хорошо замаскированные огневые точки, резервы на БТРах, автомашинах и вертолетах.

К контрразведывательным мероприятиям относятся:

— тайная проверка граждан, подозреваемых во враждебной деятельности;

— тщательный отбор лиц, привлекаемых для обслуживания военных объектов;

— наблюдение за установленными

и возможными агентами противника;

— агентурное проникновение в ряды партизан;

— захват и перевербовка агентов противника;

— подслушивание и перехват переговоров и передач, ведущихся по техническим средствам связи;

— обеспечение внутренней безопасности в учреждениях и воинских частях;

— обеспечение сохранности документов, содержащих военную тайну, и введение цензуры.

Все контрразведывательные мероприятия делятся на активные и пассивные, их проведение требует значительного времени и может ожесточить местное население.

Режимные мероприятия проводятся для усиления контроля за гражданским населением, чтобы ограничить его передвижение и пребывание в определенных районах.

К ним относятся:

— запрещение политических митингов и демонстраций;

— регистрация населения и выдача пропусков (специальных удостоверений и предписаний), подтверждающих личность или разрешающих передвижение, вход на объект;

— проверка документов и светомаскировки;

— установление запретных зон и введение комендантского часа;

— ограничение работы транспорта и средств связи;

— контроль за производством, транспортировкой, хранением и распределением оружия, взрывчатых веществ, продуктов питания.

Немалый интерес представляют указанные в инструкции **методы контрпартизанской борьбы**. Так, в зависимости от обстановки, поставленных задач и характера действий противника определяется уязвимость важных объектов для обеспечения их защиты от терактов, при необходимости проводятся операции по освобождению захваченных заложников. Создаются ложные партизанские отряды. В сре-

де повстанцев вербуются агентура (этот процесс включает девять этапов — выявление, оценка агента, первичный контакт, период установления доверия, взаимное расположение, вербовка, проверка, обучение агента и во руководство его деятельностью). В районах, находящихся под контролем партизан, организуется подпольная работа. К слову, инструкция предъявляет к подпольщикам очень высокие требования. Они должны хорошо знать режим конспирации, правила поведения при захвате и во время допроса, уметь легализоваться, войти в доверие, планировать и проводить подрывные акции, устраивать тайники для хранения оружия и информации о противнике, изготавливать отравляющие и взрывчатые вещества, уходить от погони и слежки, вести наружное наблюдение за интересующими объектами и лицами, быстро избавляться от компрометирующих документов, передавать зашифрованные донесения из тюрьмы.

При проведении карательных провинопартизанских акций особо важная роль отводится **окружению**, которое в инструкции определяется как действия участников операции, выражающиеся в оцеплении участка местности, где находится противник, с целью не дать ему скрыться и обеспечить последующий его захват или уничтожение, отрезав пути отхода и последовательно ликвидировав по частям. Существует несколько тактических способов уничтожения окруженного неприятеля.

Сужение кольца окружения путем одновременного продвижения к центру всех блокирующих частей. Хотя этот способ кажется простейшим, он, тем не менее, может быть применен только в небольших районах. На обширных территориях использовать его нецелесообразно, поскольку из-за большой величины кольца блокирующие подразделения не могут продвигаться с одинаковой быстротой. В силу этого между ними нарушается связь и появляются бреши,

сквозь которые может легко прорваться противник.

"Охота на куропадок". Этот способ заключается в том, что подразделения одного участка кольца окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, остаются на своих позициях. К ним атакующие силы оттесняют партизан, как куропадок. Следует иметь в виду, что повстанцы могут предпринять попытку прорваться через боевые порядки атакующих подразделений, поэтому в тылу последних на достаточном удалении должны находиться резервы. "Охота на куропадок" рекомендуется в том случае, если известны направления возможного прорыва и пути, которыми может воспользоваться противник при попытке выйти из окружения, а также если часть блокирующих войск занимает удобные для обороны позиции (у реки, у лесной полосы), что делает попытки прорыва на таком участке безнадежными. Тогда оттеснение партизан к этим позициям легко ведет к их уничтожению.

Вбивание мощных клиньев. После того как блокирующие войска заняли назначенные им рубежи, силами подразделений смешанного состава вбиваются клинья по направлению к центру кольца окружения или к уже известным местам расположения лагерей партизанских отрядов. Окружающие войска в это время остаются на своих позициях. Такой метод с самого начала лишает партизан свободы действий. Они теряют возможность выявить силами своей разведки слабые места в кольце для прорыва. Партизаны, энергично атакуемые в их главном лагере, оказываются перед необходимостью разбиться на несколько групп. Когда это достигнуто, войска окружения начинают наступать, охватывают противника с флангов, входят в соприкосновение с отрядами, прорвавшимися внутрь кольца, и дробят их на мелкие группы, которые затем легко ликвидируются. Для уничтожения партизан в больших

"котлах" часто требуется несколько дней.

Использование ударной группы. Если партизанский отряд построил постоянный лагерь и разведывательные данные говорят о том, что он будет его оборонять, то этот район должен быть окружен, а из резервов формируется сильная ударная группа. Она продвигается от кольца окружения, атакует лагерь и уничтожает партизанский отряд. Задача окружающих сил — не допустить отход противника, а в дальнейшем прочесать район, чтобы обнаружить укрывающихся повстанцев.

Когда противника застигают врасплох, по нему наносится решающий удар и организуется стремительное преследование. Преследующие войска действуют двумя группами. Одна — с фронта, с привлечением служебных собак, другая — проникает на пути отхода, двигаясь параллельно или на вертолетах. Обе группы стремятся в кратчайший срок объединить свои усилия. Внутри зон, контролируемых партизанами, могут устраиваться засады, проводиться поисковые мероприятия и налеты, выставляться заслоны, секреты и дозоры.

Засада заключается в заблаговременном и скрытном расположении группы на ожидаемых или вероятных путях движения противника для внезапного нападения на него в целях захвата пленных, документов, образцов оружия.

Поиск — это способ разведки, заключающийся в скрытном подходе группы к намеченному объекту, внезапном нападении на него для захвата пленных, документов. Объект поиска — одиночные солдаты и группы противника (связные, наблюдатели, расчеты пулеметов).

Налет — акция, в отличие от бесшумно проводимого поиска сочетающаяся огонь и внезапный стремительный удар, который заканчивается короткой рукопашной схваткой. При налете учитываются силы противника, условия местности, время года и суток. Бойцы делятся на три группы

— ударную, отвлекающую, обеспечивающую.

Заслон — подразделение, выставляемое для прикрытия направления, на котором выявлено продвижение или внезапное появление противника. В случае наступления заслон может выставляться против обойденных и отсеченных групп партизан, когда не предпринимается их немедленное уничтожение.

Секрет — орган сторожевого охранения из 2—3 солдат, выставляется на определенное время на скрытном подступе к своим позициям с задачей своевременно обнаружить противника и сообщить командиру.

Дозор имеет цель установить расположение огневых средств противника, промежутки или стыки в его боевых порядках, выявить заграждения и препятствия, возможность их преодоления или обхода.

К специальным методам контрпартизанской борьбы инструкция причисляет и психологическую войну, проводимую для подрыва морального духа противника, веры в командиров. На одном из учений, проходивших в Западной Германии, была использована листовка с таким содержанием: "Вас не призывают сдаваться — вы сами будете вынуждены в течение часа прибежать к американцам за помощью. Этот простой кусочек бумаги радиоактивен! Пока вы читаете эти строки, через ваши пальцы пройдет достаточное количество рентгеновских лучей, чтобы создать в теле смертельную дозу радиации. Листовка специально обработана, чтобы умертвить вас в течение нескольких часов, если вы немедленно не перейдете к нам и не обратитесь за помощью. Мы гарантируем вам спасение".

Одним из методов психологической войны является террор против руководителей партизан. Их уничтожение, как считают военные специалисты ФРГ, должно производить устрашающее воздействие на противника.

Для боевого обеспечения карательных акций привлекаются силы и средства агентурной, войсковой, воз-

душной и радиотехнической разведки, которые осуществляют сбор данных, регистрацию, обработку (анализ, синтез, классификацию, хранение), оценку собранных данных и целенаправленное распределение информативного материала.

Интересный метод оценки информации предложил бывший руководитель западногерманской разведки Рейнгард Гелен. Он называется “АМБОЦ”, где А (арт) — вид информации, М (менге) — количество, Б (бешаффенхайт) — качество, О (орт) — место, Ц (цайт) — время.

Оценка информации проходит три стадии.

Во-первых, установление достоверности информации. Для этого следует учитывать источник, из которого она получена, кто передал. Показал ли себя источник достаточно надежным в прошлом? Могла ли быть добыта информация при данной обстановке?

Во-вторых, установление точности информации. Учитываются моменты: подтверждают ли полученную информацию другие источники? Совпадает ли полученная информация с имеющимися сведениями по этому вопросу? Не противоречит ли информация уже установленным данным? В каком отношении она подкрепляет эти данные?

В-третьих, дальнейшая проверка должна ответить на вопросы: в чем смысл информации? Какое она имеет значение? Изменяет ли она значение ранее полученной информации? Повышает ли значение имеющихся сведений? Способствует ли разрешению вопросов, вызывающих сомнения?

Степень надежности источников информации и добывающих ее органов отмечают буквами: А — абсолютно надежный, В — обычно надежный, С — надежный, D — не всегда надежный, Е — ненадежный, F — надежность установить нельзя.

Степень достоверности разведанных обозначают цифрами: 1 — подтверждается, 2 — вполне достоверно, 3 — возможно достоверно, 4 — дос-

товерность сомнительна, 5 — достоверность маловероятна, 6 — достоверность установить нельзя.

Специалист в области войсковой разведки армии США полковник Таусенд разработал 37 основных правил для разведчика. Вот некоторые из них:

1. Офицер разведки не прорицатель, и надежность его предсказаний не больше, чем у любого другого офицера.

2. Есть два основных элемента информации о противнике — дислокация и численность, исходя из этого определяются его возможности.

3. Во всякой боевой обстановке есть известный или неизвестный риск, поэтому смыслом разведки является уменьшение или устранение неизвестного риска для командира.

4. Знание командиром грядущей опасности — высший предел его осведомленности.

5. Возможности противника определяются для того, чтобы установить, что ему противопоставить. Определение производится до начала действия. Как только действие начато, численность и дислокация меняются, а следовательно, изменяются и возможности. Командир должен предусмотреть противодействие на любой вариант действий противника.

6. Информацию имеет лишь тот, кто стремится добыть ее.

Готовясь к антиповстанческим операциям, полезно вспомнить и мнение американского специалиста Парета: “Нанести поражение партизанам можно только путем лишения их источников снабжения, разведывательных данных и защиты, которые обеспечивает поддержка народа”.

К этому выводу профессор пришел после изучения опыта вьетнамской войны. Боевые действия российских войск в Чечне еще раз убедительно доказали его правоту.

**Майор милиции
С. ДРЕСВЯНИН.**

28 февраля многотиражной газете "На боевом посту" бывшей дивизии имени Дзержинского, нынешней ОДОН исполняется 75! Кстати, она на два года старше самой дивизии, поскольку выходить начала еще в отряде ОСНАЗ.

ПЕРВАЯ ГАЗЕТА

Может, и не мне бы выступать с заметками к этой дате — журналистов через редакционный коллектив прошло немало. Но я все-таки решил проявить инициативу и дерзну произнести к юбилею газеты Слово просто по праву старшего. Абсолютно уверен, что знаком с этой газетой и связан с ней не штатной должностью, а читательским, авторским интересом дольше и больше всех прочих.

Впервые номер многотиражки попал в мои руки в конце 1940 года, когда я начал службу в 3-м мотострелковом полку ОМСДОН (на учебном пункте газету новобранцам не доверяли). А в конце февраля или начале марта 1941 года на газетной странице впервые появилась фамилия красноармейца Беликова.

Дело было так. Шли трехдневные полевые тактические учения, завершавшие зимний период обучения. После пятидесятикилометрового марша на лыжах в заданный район рота заняла оборону. Помню, как люто мы мерзли. Если днем еще как-то пригревало солнышко, то ночью морозы доходили до двадцати градусов. Костры разводить не разрешалось, и мы, чтобы не дать дуба в своих шинелишках да юфтевых сапогах, всю ночь до одурения прыгали, толкались, кувыркались. К утру ничего не хотелось, кроме как заснуть. Но

мечта эта оставалась недостижимой: во-первых, негде прикорнуть, во-вторых — непрерывно менялись позиции. Хотя, исполняя команды, мы толком и не соображали, откуда наступает "противник" и каков он, но дело солдатское — знай окапывайся да маскируйся...

И вот, когда рота, выставив охранение, стала в хвойном бору на bivуак и был привезен обед, услышал я чей-то требовательный зов: "Красноармеец Беликов!".

Ко мне подошел младший политрук. "Гринь, корреспондент дивизионной газеты", — представился он. Теперь уже не помню, кто из командиров порекомендовал ему меня, и пришлось мне окованной рукой нацарапать в корреспондентском блокноте несколько фраз о том, как отделение действовало в обороне и кто из моих товарищей отличился.

С того дня сотрудники редакции взяли меня на заметку и просили быть их постоянным военкором. Однако, сменив в начале войны место службы, я некоторое время в газету не писал. Лишь в конце сорок первого — начале сорок второго года, оказавшись на комсомольской работе, стал близким для редакции человеком уже потому хотя бы, что ежедневно (а газета выходила тогда шесть раз в неделю!) ездил сюда за

*Лучшие военкоры красноармейской газеты "На боевом посту".
В первом ряду — Н. Иванов, Г. Ганшин, И. Белikov, Г. Антоненко, Ф. Шумов.
Во втором ряду — Ф. Буров, А. Попов и П. Марков*

очередным номером для своего отдельного батальона боевого обеспечения. Получал свежие газеты, а заодно оставлял свою корреспонденцию, причем чаще всего зарифмованную. Я и до призыва малость пробовал писать стихи, впрочем, благо-разумно бросил впоследствии это занятие. Но тогда сам редактор многотиражки просил меня побольше писать стихов, внушая, что в суровую военную пору именно поэтическое слово звучит наиболее громко, доходчиво и вдохновляюще. Еще бы! У нас у всех на устах были стихи Симонова, Суркова, Твардовского...

В 1942 году отмечалось двадцатилетие газеты. В юбилейном номере был помещен групповой снимок с подписью "Лучшие военкоры", где среди других оказался и я. Этим же снимком была проиллюстрирована статья о газете "На боевом посту" в журнале "Пограничник". В редакционном архиве того газетного номера, увы, сегодня нет. А вот в моем домашнем, понесшем за годы службы немало потерь, снимок тот сохранился, и, пожалуй, для меня он дороже всех других, появившихся на газетных полосах в разные годы...

Хорошо помню тогдашнего редактора Льва Мирова. Когда он ушел в журнал "Пограничник", редактировать многотиражку стал Николай Кочеш-

ков, не имевший ни строевого, ни политического звания и лишь позднее получивший старшинские погоны. После увольнения из дивизии и до конца своих дней он трудился в ТАССе сначала собкором за рубежом, затем в аппарате агентства. В 1962 году, когда я был начальником политотдела дивизии имени Дзержинского, в торжественной обстановке отмечали 40-летие газеты. Я разыскал Николая Кочешкова, пригласил на вечер в ГДО. Так состоялась наша встреча через двадцать лет...

Замечу попутно, что через редакцию дивизионной многотиражки вышло в мир большой журналистики и литературы немало достойных людей. В фотохронике ТАСС хорошо знали и высоко ценили спецкора Николая Акимова, немало лет отдавшего газете "На боевом посту". В начале пятидесятых с ней активно сотрудничал рядовой Алексей Овсянников, ныне главный редактор журнала "Полиграфист и издатель", а до этого почти полтора десятилетия редактировавший еженедельник "Книжное обозрение". Можно также назвать поэтов, членов Союза писателей Валентина Корчагина, Евгения Ерхова, Евгения Артюхова...

Но вернемся, однако, в военные годы. Газета при Кочешкове с минимальным штатом, с самой прими-

тивной полиграфической базой выходила без срывов и перебоев ежедневно. Таким был темп, диктуемый жизнью. Не помню, когда периодичность издания была изменена, а штаты редакции увеличены. И совсем уж не возьму в толк, как могло случиться, что уже в наше время газета месяцами вообще не появлялась в руках солдат дивизии, прошедших, кстати, в это самое время немало горячих точек?!

Говоря о многотиражке, на первый план следовало бы выдвинуть главный вопрос: о чем и как она писала все эти годы? Перелистав вновь сохранившиеся с 42-го года подшивки, можно отметить не только удаchi и находки, но и казенный язык, мертвый штамп, наивность и упрощенность в постановке и освещении тех или иных проблем. Но не будем забывать, что на газетных полосах лежит печать времени. Упрекать ее со трудников, авторов проще всего. Но как при этом не напомнить о том невероятном режиме запретов и ограничений, которые сковывали творческие возможности редакционного коллектива! Перечень всякого рода "нельзя", "не разрешается" был чрезвычайно обширен. По сути, показывать в газете можно было лишь солдата и сержанта с его отделением, и то не во всех случаях служебной и боевой деятельности. Фамилиям офицеров взводного и ротного звена, упоминаемым в публикуемых материалах, велся строгий счет. Ну а грозный гриф "Из части не выносить!" действовал столь устрашающе, кара за исчезнувший пронумерованный экземпляр была столь сурова, что некоторые ротные замполиты (политруки), получив газету на подразделение, иногда просто держали ее под замком, чтобы затем в девственной чистоте и сохранности вернуть обратно. Лишь с ослаблением этих драконовских перестраховочных мер газета наконец-то пришла к солдату, ее комплект свободно лежал в ленинской комнате каждого подразделения.

Качество газеты, ее доступность, актуальность публикаций, а следовательно, и интерес к ней у воинов всецело зависят от людей, которые делают эту газету. От их изобретательности, творческого подхода, умения проникнуть в жизнь и быт солдата, стать близкими ему по духу, настроению. Все это, разумеется, не

так-то просто и удаётся разным людям по-разному. Тут сменой клише в заголовке не обойтись, порой нужна еще и смена журналистского почерка. За время службы в войсках я знал многих редакторов очень разных по опыту и творческому багажу, свойствам характера, отношению к порученному. Одно дело, скажем, Дмитрий Стоманахов, и совсем другое — Алексей Давыдов. Стоит заглянуть в годовой комплект, сравнить то, что появилось на свет при одном и другом — разницу обнаружить не составит большого труда. Ничего странного тут нет: в редакции работают живые люди.

В бытность мою начальником поллитотдела дивизии газету выпускали три офицера. Позднее все они почти одновременно оказались в редакции журнала "На боевом посту". Так вот пока они трудились в многотиражке, в ней почти не затухал то скрытый, то прорывавшийся наружу вплоть до трибуны партийного собрания конфликт между редактором и корреспондентом-организатором. Редактор — офицер подготовленный, ответственный, честный, но по натуре своей чересчур осторожный, суховатый, педантичный, боялся малейшей вольности. Для него "шаг влево, шаг вправо" был равнозначен побегу со всеми вытекающими отсюда последствиями. А корреспондент-организатор был специалистом в области малых форм сатиры и юмора, искал любую возможность прибегнуть к излюбленному жанру — басне, небольшому фельетону, редактором не почитаемым. Да к тому же корреспондент порою погрешности допускал; фамилии перевирал... Словом, мне не раз приходилось снимать напряжение, улаживать недоразумения. Но дело делалось: газета выходила, читалась, волновала...

Семьдесят пять лет — возраст солидный, ветеранский. Чувствую это опять-таки по себе: мы ведь почти ровесники с газетой. Однако сравнение ее с человеком вряд ли будет правомерно и удачно. Газете, в которой сменяются поколения и выпускающих ее, и читающих (а читательство у нее всегда молод), дряхлеть и стариться, уходить в запас и отставку не дано. Ей предписаны постоянная молодость, свежесть мыслей и чувств, яркость слова.

**Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.**

Рассказывают ветераны

Граната для замнаркома, или В наручниках на Лубянке

Началась эта история задолго до того, как совершились основные ее события — еще когда я учился в восьмом классе средней школы. Уже тогда я стал увлекаться военной техникой. Постоянно что-то мастерил, изобретал. Начал с усовершенствования рогатки и дошел до изготовления ручной гранаты. Однажды испытание очередного взрывного устройства окончилось для меня печально — граната взорвалась в руках. К счастью, заряд был слабым, и все обошлось тем, что у меня на левой руке стало меньше пальцев.

Прошло несколько лет. Я окончил десятилетку, затем Московское военно-техническое училище НКВД им. Менжинского и получил назначение в 190-й полк внутренних

войск, который в то время дислоцировался в городе Березники Пермской области.

Получив техническое образование, я еще больше увлекся творчеством. В одной из газет Уральского военного округа появилась статья. В ней говорилось: «Талантливый рационализатор не отступал от мысли изобрести ручную гранату. Здравомысленно осмыслив свою неудачу в детстве, он упорно совершенствовал свое первое изобретение. И вот результат: на выставке, проходившей в окружном Доме Красной Армии, внимание посетителей привлекла ручная граната. Ее автором был воентехник 2-го ранга Соловьев В. Ф. Это изобретение удостоено денежной премии».

Вскоре после появления статьи, да еще и с фотографией в полк пришла телеграмма из Москвы. Меня вызывали к командующему внутренними войсками НКВД СССР. В телеграмме оговаривалось, что мое изобретение должно быть при мне. От такого неожиданного вызова стало как-то не по себе. Шутка ли, телеграмма из штаба войск, минуя все инстанции — прямо в наше захолустье. Понять мое состояние может только военный человек, представляющий, что является собой должностная иерархия и служебная субординация в войсках. В полку это прекрасно знали, и потому не на шутку переполоши-

РАЦИОНАЛИЗАТОР

Смышле-
ный и
пытливый
ко
всему. Учи-
ник 7-го клас-
са одной из
московских
средних
школ Виктор
Соловьев за-
думал сде-
лать гранату.
Повзросле-
в, он остался
много
беспокоить
ночей, мину-
ты, связан-
ные с неудач-
ными опытами.
Но упор-
ство победи-
ло! Наконец,
граната гото-
ва. Осталось
испытать ее
взрывную си-
лу и совер-
шенство уда-
рного меха-
низма...
Однако ис-
пытания про-

лись: не ударил бы в грязь лицом их подчиненный. Командир, политрук, опережая друг друга, стали вызывать меня и давать всевозможные советы и наставления, как себя вести в столице. Командир полка майор Лошманов сам пришел в оружейную мастерскую, которую я возглавлял, пожелал ни пуха ни пера, повертев в руках гранату, шуточно обронил: "Не взорвалась бы в кабинете командующего".

В Москве меня принял начальник Главного управления внутренних войск генерал-майор Любый. В войсках он слыл смелым военачальником. В каждой черточке его лица, в каждом жесте чувствовалась волевая натура военного руководителя крупного масштаба. Принял он меня доброжелательно. Мы беседовали. Я даже немного осмелел, поскольку разговор шел о моем увлечении. Он внимательно изучил устройство гранаты, задал несколько вопросов по ее конструкции. Потом кому-то позвонил, а мне сказал, что со мной хочет поговорить заместитель наркома Аполлонов, к которому мы сейчас и поедем. У меня от этих слов челюсть отвисла. До сих пор высшим должностным лицом, с которым мне доводилось общаться, был командир полка. Если случалось иногда заходить в его кабинет, то тогда я испытывал некоторое волнение. И вдруг... вызов к заместителю наркома. К общению с руководителями такого ранга я в то время просто морально не был готов. Видимо, это объяснялось не столько робостью, сколько тем, что еще не успел приобрести достаточного опыта военной службы. Спустя несколько лет я без смущения заходил в такие кабинеты и свободно общался с министрами Н. П. Стахановым, В. С. Тикуновым, Н. А. Щелоковым. А в училище я, как закончивший десятилетку, был зачислен без экзаменов. Не прослужив предварительно ни одного дня в армии. Да и сама учеба в

училище была скомкана началом Великой Отечественной войны. Вместо трех лет мы проучились всего лишь восемь месяцев и были выпущены досрочно в звании воентехников 2-го ранга. В тот грозный период на неокрепшую психику многих юношей моего поколения в одночасье обрушилось много сложных для восприятия, необычных, непонятных, тревожных событий. Через две недели после выпуска я в первый же налет немецких самолетов на Москву нелепо, от осколка своего же снаряда получил ранение. Дело в том, что наши счетверенные пулеметы "максим" располагались на крыше училища. А почти рядом, в районе железнодорожной станции Лосиноостровская, стояла батарея зенитных орудий московской зоны ПВО. Ее пушки вели огонь почти вертикально, и осколки разрывающихся снарядов как горох сыпались на наши головы. Они были очень горячие. Помню, сначала почувствовал сильный ожог, а потом уже боль. Получили ранения и еще несколько человек. На следующую ночь выдали каски.

...Поехали мы на прием к заместителю наркома внутренних дел. На Кузнецком мосту у бюро пропусков генерал высадил меня из машины, предварительно проинструктировав, чтобы я получил пропуск и явился в здание наркомата. Номер подъезда и комнаты будут указаны в пропуске.

А время-то какое было! 1942 год. Немцы еще только-только отброшены от Москвы. В городе особое положение, светомаскировка, патрули, проверка документов на каждом шагу. На стенах домов листовки с призывами к бдительности, разоблачению шпионов и диверсантов. Провокаторов и бандитов, застигнутых на месте преступления, комendantские патрули задерживали нередко.

Когда я подошел к суровому се-

рому зданию наркомата, вдоль стен которого ходили часовые с винтовками, меня охватило неприятное чувство тревоги. Я вдруг подумал, что допустил какую-то ошибку, но решительно не мог предположить где и когда.

Я вошел в четвертый подъезд знаменитого дома на Лубянке и предъявил пропуск. Один из часовых, стоявших друг против друга, спросил, что у меня в чемодане. Спросил тихим, будничным тоном. Бывает, что чем тише к тебе обращаются, тем громче взрывается сердце. Я от его вопроса похолодел. У меня, кажется, на лбу появились даже капельки холодного пота. Молнией мелькнула мысль — пропал! Сейчас меня схватят как террориста.

Картина более чем детективная: в особо режимное здание входит военный с небольшим чемоданчиком, а в нем боевая граната с детонатором. Черт меня дернул тогда взять с собой этот взрыватель. Помню, я еще колебался, даже советовался с командиром полка. Мы решили, что все-таки нужно взять. На тот случай, если высокое начальство захочет посмотреть гранату в действии. Вообще-то, продемонстрировать это было несложно. Граната была без взрывчатки. Показать, как сработает детонатор, можно было в любом подвале или дворе.

Сейчас у меня возникло такое чувство, какое возникает у человека, падающего в пропасть и осознающего, что никакая сила его не спасет. Я растерялся и пробормотал что-то невразумительное. Тогда меня попросили открыть чемодан. В чемодане, завернутая в полотенце, лежала граната со взрывателем. Я ее завернул, чтобы она там не перекатывалась и не стучала при ходьбе. Сердце провалилось в пятки. Дальнейшее происходило как в тумане.

Опомнился я в комнате с решеткой на окне. Меня тщательно обы-

скали, отобрали документы, все мое имущество, которое состояло из носового платка, мыла и зубной щетки. Через несколько минут пришел лейтенант госбезопасности и с порога громко спросил:

— Для кого предназначалась граната?

Я был так ошеломлен случившимся, что думал в эту минуту только о себе, и смысл вопроса до меня не доходил. Поэтому невпопад переспросил:

— Какая граната?

Мой вопрос он, видимо, принял за попытку “косить под дурачка”. Выходя из себя, лейтенант прогремел:

— Как какая граната?! Твоя граната, идиот!

Я был растерян, но четко представлял, что ничего худого не замышлял, и потому ответил хоть и нелепо, но правду:

— Для замнаркома Аполлонова.

На этот раз мой ответ, кажется, понравился. Он означал, что комендантская служба охраны здания оказалась на высоте и, проявив революционную бдительность, задержала террориста при попытке проникнуть в особо режимное здание с целью совершения террористического акта. Однако допрос продолжался стремительно. Я был ошеломлен все увеличивающимся темпом, который не давал возможности перевести дыхание. Вопросы падали один за другим, словно удары молота. Я был оглушен, почти ничего не слышал и потому отвечал часто невпопад. Более того, своими дурацкими ответами я “катил на себя бочку”, усугубляя тем самым и без того отчаянное положение. Я даже, желая выглядеть честным, заявил, что мой отец перед войной был арестован, впоследствии реабилитирован, хотя за язык меня никто не тянул.

Лейтенант вышел, а я, вспомнив плакат на улице с призывом о бдительности, сидел и гадал: сразу

меня расстреляют или будет хоть какое-нибудь разбирательство. Так до сих пор я не могу понять, почему тогда сразу не объяснил, что иду по вызову, что меня ждут именно с этой гранатой, что она без тротила, что это мое изобретение. Или мысли мои тогда перепутались, или давило на психику солидное учреждение, а может, стремительный ход событий не способствовал тому, чтобы правильный ответ пришел в голову в нужный момент.

Вскоре появились два конвоира, надели на меня наручники и повели куда-то по очень длинному коридору. Один шел впереди, второй сзади, я — между ними с сомкнутыми руками.

Перед войной Берия “раскрыл” заговор среди военных. Чтобы придать большую достоверность сфабрикованным делам, требовалось выявить как можно больше “заговорщиков”. Было казнено почти без всякого разбирательства много ни в чем не повинных, преданных Родине военнослужащих. Вот вам и еще один заговорщик — террорист Виктор Соловьев. В такой ситуации шансов на спасение у меня почти не оставалось. Не выходила из головы мысль о запале. Если начнется разбирательство, как я объясню его присутствие в корпусе гранаты? Ведь такая болванка даже без тротила способна нанести серьезное увечье человеку.

Опустив голову, с мрачными мыслями я понуро шел по длинному коридору, отчетливо осознавая, что помочь мне сейчас может только чудо. И это чудо свершилось. Навстречу нам в расстегнутой шинели быстрым шагом шел генерал Любый. Заметив его издали, конвоиры попытались было затолкать меня в какую-то небольшую будочку наподобие телефонной, но генерал остановил их. Вид у него был грозный, на лице — решительность и негодование. Он остановил

конвой, показал свое удостоверение и сказал:

— Заместитель народного комиссара Аполлонов приказал воентехника 2-го ранга Соловьева не задерживать. Он вызвал его к себе.

— Он с гранатой, товарищ генерал, — ответил солдат.

— Это его изобретение. Он должен показать гранату замнаркома.

Мне хотелось расцеловать моего спасителя генерала, даже конвоиров — так я был счастлив. Но оказалось, что целовать конвоиров было преждевременно. Они заупрямились, стали ссылаться на какую-то строгую инструкцию. Один из них подошел к телефону, прикрепленному прямо на стене коридора, и кому-то доложил о происшедшем. На том конце провода что-то долго уточняли, переспрашивали. Но генерал, не дождавшись конца разговора, вырвал трубку и сам стал объяснять ситуацию. Затаив дыхание, я пытался угадать, что говорят ему в ответ. Генерал нервничал, повысил голос и заявил, что взрыватель тоже берет на себя и никакого расследования проводить не требуется.

Я был спасен.

В последующем командующий меня не забыл. По его распоряжению я вскоре был отозван в Москву, сразу же после окончания войны направлен на учебу в военную академию. Учился с удовольствием и в 1948 году на “отлично” защитил дипломный проект. Между прочим, сам того не подозревая, предложил в нем вариант разрешения одной проблемы, который по тем временам казался фантастическим. Но это уже другая история.

В. СОЛОВЬЕВ,
полковник в отставке,
ветеран внутренних войск.

Владимир ОГНЕВ: «Я против войны. Но солдата глубоко уважаю».

— Организация, возглавляемая вами, — правопреемник Литфонда СССР. С чем, Владимир Федорович, связываете вы необходимость продолжения его деятельности?

— Нам уже исполнилось 135 лет. И главная задача, стоящая перед нами, — «вспомоществовать нуждающимся... литераторам... которые по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственными трудами» — не только не исчезла после распада СССР, но ста-

К Владимиру Федоровичу Огневу — известному критику и литературоведу, кинодраматургу, председателю Международного литературного фонда — в писательской среде с большим уважением относятся за его поистине подвижническую деятельность. Он руководитель головной, практически единственной организации писателей бывшего СССР. Огнев решительно выступает против нынешних разрушителей всего и вся. Узнав, к примеру, что мэрия болгарского города Пловдива приняла кощунственное решение о демонтаже памятника Воину-освободителю (знаменитый «Алеша»), Владимир Федорович заявил: если зловещее решение осуществится, он откажется от звания почетного гражданина Пловдива. Благодаря его активной гражданской позиции, позиции других здравомыслящих людей этому акту вандализма (по одному из проектов «Алешу» предполагалось... переделать в макет бутылки из-под кока-колы!!!) осуществиться было не суждено.

С председателем Международного литературного фонда В. Ф. Огневым встретился и побеседовал журналист Дмитрий КОРОЛЕВ.

ла звучать еще более актуально. Не секрет, что за границей сегодня оказались многие русские литераторы, которые не могут найти себя в новых условиях. Тысячами нитей связаны с русской культурой и писатели других национальностей. Возведение границ между республиками бывшего СССР также отрицательно сказалось на их жизни и творчестве.

Давая свое согласие на избрание председателем Литературного фонда, я наметил для себя главную цель — сохранить, а по возможности и приумножить тот положительный опыт, что был накоплен российскими писателями. В основе деятельности общества, замечу, изначально лежали традиции гуманистические, и отнюдь не случайно Литфонд помог декабристу Бестужеву возвратиться из ссылки, оказал существенную материальную поддержку семье Белинского, вдове Кюхельбекера, сыну Радищева...

Важно, что с самого начала своей

деятельности фонд не замыкался на великороссах, распространяя благотворительность на писателей многих национальностей, живших на просторах империи. И это способствовало развитию той традиции, которая, что называется, в крови у русского народа. Показательно, что устав Литфонда написал автор "Хаджи-Мурата", что именно Литфонд выкупил из рабства родственников Тараса Шевченко, а сам великий украинский поэт был принят на вечере, устроенном в его честь, так восторженно, что разволновавшись, вынужден был на время покинуть сцену. Символично и то, что первым председателем Литфонда стал Евгений Ковалевский — писатель-путешественник, знавший историю многих племен и народов от Монголии до Африки.

Оставаясь верным этой традиции, МЛФ активно помогает писателям, не по своей воле оказавшимся за границей, писателям национальных республик России, и прежде всего тем, кто вынужден сегодня жить и работать в горячих точках страны.

Сама жизнь продиктовала фонду его собирающую силу. Распад Советского Союза, отсутствие объединяющего писателей творческого центра заставили нас стать центром нового объединения как творческих союзов, так и отдельных писателей бывшего СССР.

— Как я понимаю, Владимир Федорович, Международный литфонд все активнее занимается вопросами, которыми раньше преимущественно занимался Союз писателей СССР. Вы пробуете влиять на издательский процесс, оказываете помощь уже не только отдельным писателям... Вы все меньше и меньше напоминаете "кассу взаимопомощи" — с чем это связано?

— Выход за рамки "интендантской", как я говорю, функции МЛФ — это веление времени. Чтобы выжить, мы должны надеяться прежде всего на самих себя, должны зарабатывать деньги. Как именно, вопрос сегодня не из легких. Самый, пожалуй, трудный. Но мы не отчаиваемся. Наряду с издательской деятельностью (мы создали фонд издательских инициатив, обращаем внимание общественности и издателей, спонсоров на произведения, которые, имея национальное и общечеловеческое

значение, могут стать одновременно и коммерческими изданиями) решительно подаем свой голос в защиту той собственности, которая еще вчера принадлежала всем писателям СССР. Поддержана моя идея экстерриториальности имущества Международной творческой организации. За пределами СНГ тоже начинают налаживаться связи. Сейчас думаем о совместном использовании Дома творчества в Дубултах для встреч европейских писателей. Кстати, литераторам внутренних войск знакомы прекрасные Дома творчества в Дубултах, Пицунде, где проводились их творческие семинары.

Парад суверенитетов прошел, и обнаружилось, что жить стало отнюдь не лучше. Я часто получаю письма от своих друзей-писателей из-за границы — стран СНГ и Прибалтики. И почти все они сожалеют, что нарушились или вообще оборвались связи, существовавшие прежде. Сужение культурного пространства, расселение писателей по национальным квартирам отрицательно сказалось на их жизни и творчестве. Как образно выразился азербайджанский писатель Рустам Ибрагимбеков, разрушение оросительной системы, пусть и снабжавшей водой в первую очередь тех, кто растил сорняки, обернулось для настоящих тружеников земли все той же засухой. Необходимо обратить внимание на тот бесспорный факт, что часто лучшее, что возникало в национальных литературах, впервые издавалось и находило признание за пределами той республики, где жил и работал писатель. И лишь спустя годы публиковалось на его родине.

Сегодня уже нет "железного занавеса". Но ему на смену мы почему-то возводим новые. Мой хороший друг поэт Иван Драч, которого вместе с Линой Костенко я считаю лучшими современными поэтами Украины, будучи одним из лидеров "Руха" и занимаясь больше политикой, чем литературой, также зачастую перегибает палку, не желает замечать рядом кого-либо другого. Многие писатели сегодня разделены.

Другая сторона этого вопроса. К сожалению, я вынужден констатировать: говоря об общеевропейской литературе, стремясь к общеевропейскому культурному пространству, мы не смогли ознакомиться с западной

литературой в лучших ее проявлениях. И тут я полностью согласен с писателями, с которыми не согласен в другом. Происходящее сегодня на телевидении, эти бесконечные американские сериалы, совершенно пустые книги, девятым валом хлынувшие на прилавки наших книжных магазинов, — это худшее проявление западной культуры! Одни считают это тлетворным влиянием Запада... Я выражусь иначе. Подобно тому, как в советские времена мы переводили не самых талантливых зарубежных писателей, мы опять берем у западноевропейской литературы далеко не лучшие ее образцы. Известно, что по-настоящему большой художник никогда не идет за политикой шаг в шаг. Он должен быть выше ее и стараться своим творчеством влиять на политиков.

С другой стороны, подчеркну еще раз, я не принадлежу к тем литераторам, которые считают, что мы должны во всем равняться на Запад, рассматривать книги западных писателей как высшие образцы для подражания. Я отнюдь не считаю, что все иностранное лучше. Более того, я убежден, что тот духовный потенциал, который был у русской литературы XIX века и который удалось сохранить лучшим отечественным писателям современности, в целом выше, чем существующий в настоящее время на Западе.

— А как быть, Владимир Федорович, с литературой советского периода? Останется ли, на ваш взгляд, что-нибудь от этой эпохи, или это уже только история?

— Вопрос очень сложный, в каждом конкретном случае свой ответ. Но в принципе мне очень не нравятся "похороны советской литературы". Наряду с серыми, бесталанными произведениями, печатавшимися у нас миллионными тиражами, до читателей доходили и истинные ценности, хотя, как правило, они были в тени, замалчивались официальной критикой. В это время писали, публиковались, пусть и с трудом, Булгаков, Платонов, Пастернак... Тут ни убавить, ни прибавить, как говорил Твардовский. Но и тот же самый Твардовский, которого молодые новоявленные графоманы, провозгласившие себя постмодернистами, не прочь смешать с грязью, не заслуживает уничтожительного разговора о

себе. Да, он был членом коммунистической партии, верил в революцию. Но это не повод для того, чтобы отрицать его творчество.

При всех недостатках произведений, созданных в прежние годы, — они всем хорошо известны, и говорить об этом уже банально — большинство их было человеком, и литература, другие виды искусства выполняли ту функцию (необходимость ее, правда, многие ныне отрицают), которая была им свойственна во все времена. Я имею в виду функцию воспитания. Вспомним, какие прекрасные "мультишки" показывали раньше по телевидению. В отличие от нынешних, американских, они были со смыслом. В игровой форме они формировали в глазах ребенка образ человека, гражданина, пусть, может быть, это и громко сказано. С мультфильмов, с детских книг, создаваемых лучшими писателями, начиналось формирование человека, то воспитание, с которого, как говорил Жан Жак Руссо, начинается сам человек.

— Если не ошибаюсь, вам приходилось писать на эту тему?

— Да, в самой первой моей книге, весь тираж которой был уничтожен в 1957 году, — такое в советское время случалось не часто — впервые обратился к теме воспитания. Там была статья "Воспитание гражданина". Сейчас я вижу, что ничего в ней не было крамольного. Кроме того, что я говорил: литература не должна, по Гоголю, воспитывать в человеке "кувшинное рыло", то есть чиновника-исполнителя, слепого. Когда эту статью прочитал Виктор Некрасов, он сказал: "Хорошая статья. Нельзя, чтобы из детей вырастали..." — он употребил ненормативное слово. Что же получится из нынешних детей, когда они насмотрятся всей этой мути, начитаются (если, впрочем, вообще будут читать!) той "литературы", что им предлагают издатели, любой ценой мечтающие разбогатеть, я не знаю. Могу только предполагать...

Мы сегодня хлебнули так называемого дикого капитализма. И воочию убедились, что это не подарок для культуры. Я вижу много положительного, что происходит в нашем обществе, я сторонник демократии, но все издержки перемен я ощущаю сегодня на самом себе. У меня в столе лежат три законченные рукописи, и

я не могу найти издателя — такого у меня еще никогда не было. Аналогичные проблемы возникают, пожалуй, у всех писателей, которые не хотят опускаться до порнографии, не хотят потворствовать низменным чувствам, расцветающим сегодня в душах многих людей.

Я глубоко убежден: к прошлому возврата нет. И ни в коем случае не надо к нему стремиться! Но ответить на вопрос: “Что мы должны сегодня строить в России, какое общество?” — мы непременно должны. Демократия — это та ценность, к которой я, многие другие деятели культуры всегда стремились. Но одной демократией, как говорится, сыт не будешь. Государство должно поддерживать культуру, должно заботиться о людях старшего возраста — и в этом смысле в слове “социализм” я ничего плохого не вижу. Покончили мы с тоталитаризмом — хорошо. Но мы не должны разваливать государство! Не должны забывать, что Россия — это наш общий дом, в котором существовать, жить людям самых разных национальностей, самых разных политических взглядов...

— А как относятся ваши коллеги — писатели из республик Северного Кавказа — к идее так называемой независимости от России? Писатель Яндарбиев, на ваш взгляд, это правило или исключение?

— Исключение, убежден в этом. Деятели культуры — я уже говорил об этом — против размежевания. Все здравомыслящие люди выступают против необдуманных решений, могущих обернуться насилием и кровью, принести в наши семьи непоправимое горе...

Если рассматривать позицию национальных писателей, так выразимся, с профессиональной точки зрения, то нельзя не отметить, что влияние русской культуры благотворно сказалось на их творчестве. Русская культура никогда не подминала их, наоборот, благодаря переводчикам — а в России, заметим, была создана уникальная школа художественного перевода — их творчество как бы получало новый импульс, становилось известным далеко за пределами национальных республик. Я знал Расула Гамзатова еще когда он был студентом Литературного института. Уже тогда было видно, я писал об этом в

книжке о нем, что Гамзатов — это “неограниченный алмаз”. Я не буду говорить, что без влияния русской культуры он как большой поэт не состоялся бы, но, безусловно, она дала ему многое. И может ли сейчас Гамзатов плохо относиться к России? Почему, наконец, к ней должны плохо относиться другие горцы?

Я общаюсь не только с писателями. Знаком я, к примеру, с Магомедом Магомедовым, председателем Госсвета Дагестана. Разговаривал с президентом Кабардино-Балкарии Коковым... Это все очень достойные люди. Не потому что они представители региональной элиты — мне очень не нравится это выражение, — а потому что они представители своего народа, выражают его чаяния. И я уверен — им чужды идеи фундаментализма, расовой и национальной непримиримости.

Закономерен, правда, вопрос: почему взорвалась Чечня? Причины трагических событий в Чечне — не в межнациональных отношениях. Кровь людей пролилась на алтарь корыстных интересов тех, кто в действительности мало, очень мало задумывается о своей национальной принадлежности. Деньги — вот что для этих людей главное. Ради них и была развязана эта так называемая “новая кавказская война”.

И если уж винить кого-то, то ни в коем случае не тех, кто просто обязан был выполнить приказы! И во времена Ермолова, и сегодня, в конце 90-х, военнослужащие взяли за оружие не по своей воле. Это их долг. К тому же в большинстве своем русские воины не склонны совершать недостойные поступки, и когда их обвиняют во всех смертных грехах, договариваются аж до того, что они, мол, нелюди в человеческом обличии (?!), я всегда очень переживаю это. Русский солдат, наоборот, милосерден и человечен и, что признано везде в мире, является одним из лучших представителей этой профессии.

Когда в начале перестройки встал вопрос о дедовщине и некоторые молодые писатели выступили на эту тему, я, человек военный, прошедший войну, был немало удивлен. Я служил в армии достаточно долго, не сразу был демобилизован и могу со всей ответственностью утверждать: ничего подобного после войны не

было! Негативные явления, проявившиеся в армейской среде в так называемые годы застоя, — это следствие тех деформаций, которые зрели в нашем обществе в целом, и непосредственно армия, военнослужащие здесь, думаю, не виноваты. И упрекать только военных не следует.

Известна история с памятником "Алеша". Другой аналогичный пример — демонтаж в Вильнюсе памятника генералу Черняховскому, освобождавшему в годы войны Прибалтику от фашистской чумы. Почему так жестоко, кощунственно поступили местные власти? Ничем иным, как мстостью слабого, говорю я, это объяснить нельзя. Слабого не потому, что Болгария и Литва по сравнению с Россией — крошечные страны, а потому, что всякое неблагородство — это прежде всего проявление слабости. Если обратиться к нашей недалекой истории, то мы можем вспомнить, что Живков, тогдашний болгарский вождь, действительно предлагал Брежневу включить его страну в состав СССР. У болгар есть, наверное, повод для обид... Но при чем здесь, спрашивается, русский солдат (генерал Черняховский), по сути, тоже был простым солдатом! Он, не жалея живота своего, сражался с фашизмом, нес народам Европы освобождение от немецкого ига, и теперь именно о него пытаются вытереть ноги! Как это мелочно, недостойно...

Серьезные претензии есть у меня и к нашим средствам массовой информации, к тем из них, которые буквально ополчились против человека с ружьем. Они так же винят во всех грехах армию. Винят того, кто виноват в чеченском конфликте меньше всего! Очень редко по телевидению и радио можно услышать слова поддержки своих вооруженных сил. Средства массовой информации явно льют воду не на ту мельницу...

Другая сторона этого вопроса. Я против войны. Я считаю, что в XXI век человечество должно вступить без военного противостояния. Но армия, нравится это кому-то или нет, безусловно должна быть сохранена. Пусть она будет много меньше, но она должна быть всегда готовой к отражению агрессии врага. В мире, в котором мы живем, полностью исключить вероятность войн, увы, пока нельзя.

И когда я смотрю по телевидению на мам, которые собираются ехать в Чечню забирать своих сыновей, испытывая к ним жалость, я с резким неодобрением отношусь к средствам массовой информации, навязывающим простым людям такой путь решения проблемы. Не с армией, повторю еще раз, надо воевать.

Мы должны сделать все, чтобы в нашем обществе больше не было самой почвы для возникновения вооруженных конфликтов.

— Вооруженный конфликт в Чечне не единственный сегодня. Идет война и в Югославии... Как специалист по этой стране, видите ли вы что-либо общее, что привело к столь печальной развязке?

— Я действительно долгое время работал в Югославии. Югославы даже наградили меня одним из своих самых почетных орденов — Югославским Знаменем с Золотой звездой на ленте. Итогом моей работы стала книга "Югославский дневник", опубликованная в 85-м году. И, сказать по совести, я никогда и предположить не мог, что в этой цветущей стране все сложится столь трагическим образом. Я потрясен событиями в Югославии, огорчен так же, как и распадом СССР. В Югославии, конечно, были свои внутренние проблемы — многонациональность, различное вероисповедание и т. д., — но даже в самом страшном сне не могло приниться, что как единое государство она перестанет существовать и превратится в джунгли, где любой вопрос решается с помощью оружия, где кровопролития с каждым днем становится все больше. В чем главная причина этого? Большая роль в развязывании войны в Югославии, думаю, принадлежит Западу. Я не сторонник во всем искать происки империализма, во всем обвинять Америку, но она, безусловно, приложила руку к тому, что Югославия превращена сегодня во второй Ливан и что конца и края этому, по всей видимости, еще долго не будет видно. Если сравнивать события в Чечне и Югославии, можно прийти к само собой напрашивающемуся выводу — они во многом схожи. И нашим спецслужбам, думаю, в этом следует хорошенько разобраться...

Иван КОЗЛОВ

Повесть

3

Я сижу в той же комнате, на том же троне, при тех же хрустальных декорациях. И так же созерцаю мадам Петухову. Сейчас она в шикарном вечернем платье, брошь со сверкающими камешками сияет у правого плеча. Вырез у платья такой, что при большом желании можно рассмотреть соски великолепных грудей. Бочковой разрез обнажает ножку почти до пояса. Хорошая ножка, сильная. На кой только черт она мне ее демонстрирует?

За моей спиной на сей раз не топчутся хранители ее прекрасного тела, но в квартире мы явно не одни. За стеной, наверное, кухня, там то шумит, то умолкает вода.

— Беляев, ты разобрался со смертью Валентина?

Неопределенно пожимаю плечами:

— Нужно еще время, чтоб все понять.

— Надеюсь, я у тебя не на подозрении?

Продолжение. Начало в № 1.

Я проделываю тот же жест, но теперь уже без слов.

— Но все-таки, Беляев, Валентин ушел из жизни добровольно или ему помогли в этом?

— До окончания расследования моя информация носит закрытый характер, — говорю я нарочито официально и загадочно.

— Да брось ты... Для меня ничего закрытого не существует.

— Даже грудь открыта, — хамлю я.

— А что, плохая грудь? Но это детали...

— Две очень хорошие детали...

Она словно не услышала меня, повторила:

— Это детали. Сейчас я, к примеру, могу тебе сказать, где ты служил, какие посты занимал, за что тебя попросили из органов, по какому адресу живут твои бывшие жена и дочь.

— Дочь мне не бывшая.

— Да, я неправильно выразилась, но во всем остальном ошибок не допускаю.

Открылась дверь комнаты, к нам вплыла девочка лет семнадцати, толкая впереди себя легкий столик на колесах. Колеса буксовали в высо-

ком ворсе ковра. Сдвинутые хрустальные рюмки от этого соприкасались и позванивали, в высокой бутылке плескалась бесцветная жидкость.

Столик остался между нами, девочка ушла, а Петухова спросила:

— Ты не удивлен, что мы все знаем?

Мне страшно неприятен этот вопрос:

— С некоторых пор я подобному не удивляюсь. Давай перейдем к делу.

— После водки с ветчиной.

— Я думал, вы только импортное все пьете.

— Мы знаем, что пить. Это настоящая водка, из старинных запасов, которыми кормились старые русские.

— Очень старые русские...

Под водку и надо трепаться ни о чем. Под водку любой треп обязательно обретет стройную систему, строгие рамки. Люди перестают хитрить, перестают рассчитывать ходы, начинают как бы блиц играть.

— Как правильно говорить: кормились или поились?

— Жрали, — отвечаю я. — Если за чужой счет, то жрали.

— Кстати, о счете.

Она встает, тянется к полке, и разрез платья соблазнительно ползет вверх. Она что, рассчитывает меня голыми ногами взять, что ли?

Мадам нашла на полке то, что искала, и протягивает мне длинный белый конверт:

— Ты не знаком с почерком младшего Плахетина?

— Равно как и старшего.

— Тогда просто поверь и не трать времени на экспертизу: это писал Жорик.

На конверте корявым почерком выведено: "Беляеву за Вал."

Я вопросительно гляжу на Ришелье.

— Чего-то не понимаешь? Здесь — сумма, которую тебе должен был отдать Жорик. Отдаю я. Ты честно пахал, во многом разобрался. По крайней мере понял, что Валентина никто не убивал, что он сам пустил себе пулю в голову. Или не так?

Пить я, конечно, умею, но все же играю блиц.

— Не так. У меня есть подозрение, что Валентина убили.

Сейчас она начнет защищаться. Или покупать меня, уже более открыто. Чтоб я не лез в это дело.

— Я хорошо тебе заплачу, — сказала Петухова после некоторого молчания. — Действительно хорошо, если ты назовешь мне имя убийцы.

— Даже если это будет твое имя?

Она не вздрогнула, не побледнела. Лишь досадливо нахмурилась.

— Глупая шутка. Валя был для меня больше, чем компаньон. У меня не было никакой причины, чтобы...

Она замолчала, потянулась к бутылке, наполнила рюмки.

— Ты знаешь человека, у которого могли быть такие причины? — спросил я.

— Не знаю. Все наши его уважали.

— И тем не менее прокатили на сходке.

Ришелье улыбнулась:

— Я знаю, вы отслеживаете ситуацию... Но тут вам дали неправильную информацию. Валентин сам не захотел быть в законе. Он сказал, что надо уважать традиции, что пора кончать с беспределом. Поскольку состоящие в браке не могут быть в законе, то обсуждать тут нечего. Он, заметь, ни у кого для этой цели не просил рекомендаций, инициатива шла, как говорится, снизу.

Ришелье мыслила и говорила по-мужски. Логика у нее была сильнее эмоций. Впрочем, это понятно, она выбрала для обитания такую среду, в которой, чтобы добиться успеха, надо действовать не только при помощи женских чар, но и извилинами того полушария, которое не различает полы...

Хотя ножку-то она мне демонстрирует. Или я размечтался, а она не для меня так разоделась? Ждет еще кого-то или отбывает на великосветский раут. Правда, не похоже, чтоб она спешила от меня избавиться. А ведь время уже позднее.

— Ты так говоришь, что хочется имя Плахетина в святцы занести. Он в церковь не ходил?

— Не надо пошлостей. Я лишь стараюсь тебе доказать, что ни у кого не было повода убивать его. Знаю, ты был опытным ментом, но тут, думаю, ошибаешься.

Может быть, может быть... Но куда же деться от несуразницы: в день смерти Валентин одновременно побывал на двух разных квартирах?

— Зачем все-таки к тебе заезжал Плахетин?

Она вздохнула:

— Если б ты знал, как неприятно чувствовать себя подозреваемой!

Если б я этого не знал! Пережил я это, пережил... Потому и здесь сейчас, а не в служебном кабинете.

— Зачем, говоришь? Валентин не любил телефонов, он ненавидел их. Чтоб перекинуться со мной двумя-тремя словами, он или сюда приезжал, или назначал где-нибудь встречу. Бывало, мы и дважды в день виделись, без серьезных причин. Чтобы вместе чаю попить, веришь?

Я промолчал.

— В тот день он заскочил в три часа. "Все, говорит, после Нового года с Жоркой решу вопрос. Пусть к бабке едет. Представляешь, я к нему в гости приехал, а он мне предлагает план, как взять пункт обмена валюты". Я еще спросила: хоть план-то толковый, а Валентин: "Совершенно идиотский план, но дело даже не в этом. Я не хочу, чтоб брат пошел этой дорогой".

Вот такими-то устами глаголет истина! Правильно говорят: о нравственности больше всего кричат сластолюбцы.

— На том наш разговор и закончился.

— Кто тебе сообщил, что Валентин убит? Нина?

— Нет, я с ней никаких дел не имею. Жорик позвонил, часов в восемь вечера.

— А сам Жорик?..

— А сам Жорик застрелен сегодня, когда штурмовал пункт обмена валюты. Три пули в голову.

Мы помолчали. Когда я почувствовал, что молчание затянулось до неприличия, спросил:

— Зачем ты меня вызвала? Поручить на сей раз разобраться со смертью Плахетина-младшего?

Она прищурила глаза:

— Нет. Мне просто не с кем по-человечески поговорить, понимаешь? И не только поговорить. Останься сегодня у меня. Ты сильный мужик...

Ни хрена себе покупочка!

Я качаю головой и развожу руками, что должно означать сожаление:

— У меня поздним вечером деловая встреча.

Ришелье, думаю, мне не верит, но это уже ее дело. Я озабоченно смот-

рю на часы, прощаюсь и резво мчусь к выходу.

— Мы еще вернемся к этой теме? — то ли спрашивает, то ли утверждает хозяйка, поглаживая себя по бедрам.

— А почему бы и нет? — неясненько отвечаю я.

Внизу меня ждет "БМВ", дверца уже распахнута, водитель за баранкой, Борик — сама вежливость — осведомляется:

— Домой? К офису?

— Домой.

Адрес я не называю, но машина мчит в нужном направлении. Если вы думаете, что мне от этого становится приятно, то вы ошибаетесь.

* * *

Михайлов ржет, слушая, как я в один вечер убежал от двух женщин. Михайлов бессовестно врет, что если бы он был на моем месте... Ведь сам же знает, что врет! Я его вечность знаю. Он и в двадцать рысаком не был, а сейчас, в сорок восемь...

— Мишка, — говорю, — я тебе больше в таком случае не наливаю. Водка снижает потенцию, а ты на такое замахнулся...

Только после этого испуганный Михайлов меняет пластинку, и мы можем говорить о деле.

Пункт обмена валюты находился при коммерческом магазине, и в зале сидел сержант-милиционер из вневедомственной охраны. Когда в магазин ворвались двое в масках, сержант пошел на них. Первым выстрелил Плахетин, пуля попала в плечо милиционеру. Но тот открыл ответный огонь, уложил Жорика, ранил в ногу его напарника. Четыре выстрела — четыре попадания.

Михайлов притащился ко мне в десять вечера. Он словно подслушал мою фразу о том, что у меня запланирована деловая встреча. Черт его знает, что на уме у Ришелье, но если она даже установила наружное наблюдение за сильным мужиком, то убедилась, что мужик этот сказал ей правду. Если наружка сечет нас визуально, то шефине пойдет донесение, что объект сидит за столом с гостем — огромным, с медведя, и оба пьют водку.

— Теперь о старшем братике покойного. — Михайлов старательно разделявает селедку, это его любимая закуска, и я всегда держу одну-две рыбешки на случай его визитов. — Наши там халтурно сработали, очень халтурно. Даже отпечатки пальчиков с той же чашки с кофе не сняли. Пацанва. Все пули выпущены из одного ствола, из той самой пушки, которая была в руке Плахетина.

— Петухова, что она собой представляет? — спрашиваю я.

Михайлов делает губы жопкой и зловеще шепчет:

— Старик, ты понимаешь, что требуешь разглашения профессиональной тайны?

Он, конечно, шутит, но от этой шутки меня всего выворачивает. Это действительно так. Я лицо постороннее, и за передачу информации служебного содержания Мишку могут не просто взгреть, а...

Кажется, мысли эти проступили на моем лице, и потому Михайлов кончает игру:

— Ришелье-Петухова занимается сейчас легальным бизнесом.

— Никакого криминала?

Он пожимает плечами:

— Ты видишь криминал в том, что правительственный чиновник на оклад строит загородную виллу? Чистого криминала нет, есть, как говорят, нюансы. Но их выяснять себе дороже, потому что по той же Петуховой придется тревожить тех же правительственных чиновников. А если уж наводить порядок, то надо не с Петуховой начинать...

— Не пой военных песен, — кривлюсь я. — Нашел кому объяснять, это во-первых, а во-вторых, мы отклонились от темы.

— Это наш новый шеф, — оправдывается Михайлов. — Представляешь, говорит, порядок с себя надо начинать. Красивый лозунг, на все времена. Это как чистить реку Москву в районе впадения Яузы, рассчитывая на то, что после этого верховья и низовья ее очистятся. Нет, ты, шеф, прими соответствующий документ, назови в нем вора воров, и мы с этой бумажкой за неделю...

— Миша, — прошу я, — хватит, Миша. Давай лучше о женщинах поговорим.

Михайлов вздыхает и смотрит на меня так, будто я отнял у него люби-

мую игрушку. Михайлов иногда любит трепаться на общечеловеческие темы — о добре, честности и справедливости. Я этого с некоторых пор не переношу.

— Плахетина, девичья фамилия Новакова. Нечего о ней говорить. Закончила школу и тем же летом уехала с Валентином в Москву. Мать ее действительно купила дом на Кубани, зять отвалил энную сумму.

— Может, Плахетин таким способом откупился от нее, а? Может, изнасиловал девочку, и чтоб избежать нового суда... Такого ничего не прописывается? Человек из зоны вышел, а тут девочка-первоцвет... Хотя нет, Плахетин бы этого не сделал.

— И у меня таких фактов нет.

Мы некоторое время молчим.

— Миша, — нарушаю я молчание, — хочешь загадку загадаю?

— Как темную кошку в темной комнате отыскать, что ли? Так я же тебе говорил.

— Это похожая. Ты знаешь, чем камнепад в горах можно вызвать, а? Ты же в молодости лазил по горам.

Мишка, как компьютер, прокручивает в своей массивной голове массу вариантов ответа. Он настолько изучил меня, что я почти не сомневаюсь: ответит правильно.

— Свистом решил заняться, да?

Я довольно улыбаюсь:

— Точно! Художественным свистом. Мне больше ничего не остается делать.

* * *

Пусть Нина Плахетина думает, что в магазине я столкнулся с ней совершенно случайно. А что, мало ли случайностей происходит в мире?!

Она тащила огромную, забитую продуктами сумку, и я, как рыцарь, предложил ей свои услуги носильщика. Женщине мое предложение не очень понравилось, но у меня был тон не просителя, а повелителя, и Плахетина одарила меня ношей.

Подожли к ее дому, к лифту, я бесцеремонно зашел в кабинку, спросил:

— Какой этаж?

— Спасибо, я уже сама... У меня в квартире такой бардак, что просто невозможно принимать гостей. К маме в гости собралась, вещи упаковываю.

Тем более, решаю я, надо посетить сие жилище.

— Ничего, я к бардаку привычен. Раз уж встретились, то хочу, Нина, решить с вами один вопросик. Пустяк, но не назначать же из-за него отдельное свидание?!

Лифт остановился на седьмом этаже. Приехали. Плахетина нервно и потому долго возится с ключом, я молча наблюдаю за ней. Всего двадцать, а выглядит старше. Не старее, а именно старше. Мудрее, что ли. Или косметика виновата? Многовато косметики. Девочку, видно, никто не учил тому, что все эти помады и пудры в конечном счете старят кожу.

Ага, открылась дверь. Попадаю в просторный холл, ставлю на пол тяжелую сумку, осматриваюсь. Да нет, особого беспорядка не наблюдается. По мне, квартира содержится просто образцово. Посреди комнаты, которую видно с того места, где стою, действительно сгрудились чемодан, сумка, пакет, но общей картины они не портят. Плахетиной можно принимать участие в конкурсе "За образцовое жильё".

Она не снимает шубку, смотрит на меня. Я тем не менее разоблачаюсь, вешаю куртку и предлагаю:

— Может, на кухню пройдем? Хочу посмотреть, как сочетается белый мраморный пол с черной облицовочной плиткой.

Плахетина явно растеряна.

— Вы уже были здесь?

— Нет, мне Жорик говорил. Предлагал свои услуги по ремонту офиса.

— Проходите. — Она вяло показывает рукой, куда надо идти. — Извините, я не буду раздеваться, меня немного знобит.

Это хорошо, решаю я, не будет видно коленок, шубка подлинней короткой школьной юбочки.

Кухня действительно выглядит здорово. Гарнитур, подсветки, горящие даже днем, дивная посуда. Я усаживаюсь на мягкий удобный диванчик того, что зовется кухонным уголком, но здесь он совершенно не такой, какие продаются в наших магазинах. Настоящая кожа, спинка высокая, под голову. Я продолжаю глазеть по сторонам, но Плахетина прерывает мое занятие:

— Вы что-то говорили о пустянном вопросе.

— Ах да, Нина... Вы бы присели, вам лучше сейчас присесть.

Она садится не на диван, а на деревянный стул, стоящий почти у порога, возле двери кухни.

— Понимаете, Нина, в вашем рассказе о том, как Валентин убил Седину, ранил вас, а потом поехал домой, чтобы застрелиться, было одно такое место, которое я бы хотел прояснить...

— Давайте проясним.

Нет, шубка тоже коротковата, опять коленки светятся. Прекрасные, черт возьми, коленки!

— Да я уж прояснил сам. Получилось немного не так, как вы говорили, Нина... Вы меня не угостите кофе?

Она подошла к одному из многочисленных шкафчиков, открыла его. Я увидел ряд баночек.

— Вам какой?

— Я не спец в них. Любой растворимый, чтоб быстрее было.

Плахетина включила электроплиту, поставила на конфорку чайник, а передо мной — сахар, вазочку со сгущенкой, чашку. И села опять на тот же стул, словно говоря, что компанию мне составить не хочет.

Я взял чашку в руки, стал внимательно ее рассматривать, словно это была не чашка, а диковинное произведение искусства.

— Вот и тогда все дело было в кофе, — бухнул я. — На чашке нет следов Валентина, представляете? Он вроде же был дома один, заварил кофе, поставил чашку у кровати на столик, а отпечатков его не оказалось. Зато, знаете, чей отпечаток на ней нашли?

У Плахетиной пятнами пошли щеки. Как бы с ней истерика не случилась, подумал я. Ошибся в прогнозах. Женщина заговорила на удивление спокойно.

— Чашка... Я действительно не помню, что делала с чашкой. Погорела на такой мелочи!

— Я догадываюсь, как все было, — сказал я. — Но не совсем понимаю, зачем вы это сделали.

— Зачем? — Она удивленно взглянула на меня. — А я что, могла поступить иначе? Седина звонила мне почти каждый день по телефону и сообщала, в каких позах имел ее Валентин, этот гад. Она получала кайф от того, что мучила меня. Она ненор-

мальной в этом была, понимаете? Я не выдержала, взяла пистолет и поехала к ней. Вот и все.

— Не все.

— А, Плахетин... Когда я вернулась домой, он валялся в постели. Книжку читал. Кофе попросил. Я, естественно, на взводе была, не служанка, говорю. А он: "Ну как же не служанка? Я тебя купил, денег, знаешь, сколько за тебя отвалил?" Он правду говорил, между прочим. Я не хотела за него замуж выходить, ревела даже, когда мать уговаривала. Матери нужны были деньги, свой дом... Я возненавидела ее после этого, даже письма не пишу... Ну вот, после того как он мне сказал про служанку, я не выдержала. Поднесла ему пистолет к виску... Он даже не сообразил ничего. Потом себе руку прострелила и вернулась на квартиру к Сединой, позвонила оттуда в милицию. Что еще неясно?

— Говорят, он очень хорошо относился к женщинам.

— Может быть. Но представьте себя на месте жены этого хорошо относящегося...

— Он давал вам большие деньги?

— Нет, честное слово, нет. Он давал мне действительно как домработнице: на питание, на одежду. Вначале, правда, делал подарки...

— На что же вы собираетесь жить?

— Продам квартиру, куплю меньшую, можно в пригороде.

— У вас чересчур светлые планы на будущее.

Она поняла, что я хотел этим сказать, но опять-таки ни капли растерянности нет в ее глазах. На удивление сильная девочка. В двадцать лет и по меньшим поводам мужичье паникует, а эта сжалась, как пружинка, но сообразать не перестала.

— Вы же понимаете: я убила преступников.

Убила профессионально. Впопыхах так не сделаешь. Видно, готовилась, планировала, прикидывала... Не учла лишь, что муж по дороге домой заскочит к Ришелье.

— Вы убили преступников, но надо доказать их вину и судить. А если вы рассчитываете на награду за их ликвидацию, то, мягко говоря, ошибаетесь.

Да нет, у нее и не было таких наивных мыслей, слишком мудр сейчас прищур темных глаз. Шубка запахнулась. Ну вот, опять черное с крас-

ным. Черный свитер и красная юбка. Видно, это ее любимые цвета. На шее — тоненькая желтая цепочка. Золото ей тоже идет.

— Теперь, Нина, я понимаю: перстни мужа вы взяли не как память о нем, а как материальную компенсацию за то, что выпало пережить. Где они?

— Перстни? — Она привстала со стула, слабо улыбнулась. — Да, я взяла их. Они в сумочке. Принести?

Вообще-то мне они ни к чему, разве что можно посмотреть, какие украшения любил Плахетин.

Нина вышла в коридор. Там нет ковра, и я слышу ее легкие быстрые шаги. Мне трудно мгновенно сорваться с мягкого диванчика, вывернуться из-за стола. Дурак, забрался в уголок, уютно посидеть захотелось...

Я только пересекаю порог кухни, а входная дверь уже захлопывается. Ничего, я неплохой спринтер, есть еще шансы не остаться в дураках.

Да что же это за замок такой! Весь в рычажках, кнопках, ручках. Будто предназначен для того, чтоб не только не вошли, но и не вышли. Ну... Ну... Ага!

Я наконец открываю дверь, но понимаю, что торопиться уже незачем. Лифт, унесший Плахетину вниз, стих. Надо быть не спринтером, а дурнем, чтобы мчаться с седьмого этажа по ступенькам и надеяться отыскать беглянку. Район здесь не периферийный, людской поток бурлит по тротуару.

И тут я предпринял самое разумное, что только можно было предпринять в такой ситуации. Я вспомнил, что на плите закипает чайник, вернулся на кухню и сел пить кофе. Я еще раз убедился, что в хороших домах дрянной кофе не держат, даже если он растворимый.

Кое-что новенькое я понял и о себе, но поскольку эти понятия облеклись в форму ненормативной лексики, то лучше об этом промолчать.

4

Телефонный звонок.

По большому счету, я хозяин своего времени, как и любой пенсионер, тем более сегодня воскресенье, и хочется подряхнуть дольше обычного. Хотя бы до открытия булочной, где я отовариваюсь хлебом и

кефиром. Здоровый, кстати, завтрак: стакан кефира, сухарь. В будние дни я только так и питаюсь. Кулинарничать начинаю в выходные. О, я страшный любитель покулинарничать! Я могу даже яичницу себе поджарить. Правда, частенько от этой затеи останавливает меня то, что потом приходится мыть сковороду.

Да что же он все не умолкает, звонок?

Я вздыхаю и тянусь к телефону.

Незнакомый женский голос желает мне доброго утра, и мне ничего не остается делать, как быть взаимно вежливым.

— Александр Андреевич, я бы хотела с вами сегодня встретиться, если можно, во второй половине дня.

Ну вот, воскресенье — коту под хвост. Хотя я ведь на него ничего и не планировал, кроме похода в булочную.

— А вы по какому, собственно, поводу?

— Я по поводу измен мужу.

Вот так.

Нет, воскресенье всегда должно весело начинаться, иначе какое же это воскресенье? И не запомнится ничем.

— Я не совсем вас понял. Повторите по буквам, если можно.

Веселый, жизнерадостный хохот в ответ.

— Моя фамилия — Полянская. Это вам что-нибудь говорит?

— Это мне говорит ваше имя: Элеонора. И все. Подробности при встрече, я так понимаю?

— Лучше, конечно, не по телефону, потому что подробности такие... Как в вашу контору проехать и к какому часу?

Договариваемся на пятнадцать.

За полчаса до указанного срока я являюсь в свой офис. С порога критическим взглядом осматриваю то, что должно называться кабинетом. Жуткое зрелище. Мутные от пыли окна, мебель черт-те как стоит. Надо, пожалуй, все-таки пригласить позтадизайнера Юру Прокофьева, пусть если не сделает что-нибудь, то хоть посоветует. Вообще-то, секретаршу надо завести и наделить ее полноправными функциями уборщицы. Умая секретарша нужна, скромная, такая, чтоб денег не просила. Хотя, кое-что у меня уже появляется. К

примеру, сумма, которую оставил мне Жорик Плахетин, считаю, отработана честно.

Но пока приходится самому собирать с полу смятые бумажки. Какого черта я их здесь раскидывал? Дурацкая привычка осталась еще с тех времен, когда я сидел в одном кабинете с Михайловым. От него и перенял это: швырять, как баскетболист, бумагу в корзину. Иногда попадал.

А Полянская пунктуальна. Ровно три часа — и звонок у двери.

— Разрешите?

Нет, ну какая же она Ленка? Безусловно, Элеонора! Вся в помаде, в туши, в золоте. Раскованные манеры, веселый нрав, стрейчи в обтяжку, пышный свитер под норковой шубкой... Западноевропейская женская порода. Элен, и никак иначе. Хотя вроде и там одеваются поскромнее, если судить по телефильмам.

— Не ожидали, что я к вам явлюсь?

— Ну почему же не ожидал. Раз позвонили...

— Да нет, я о другом. Вы же с мужем моим хотели встретиться, так?

Олег Львович мне звонил пару дней назад, спрашивал, могу ли я принять его. Я ответил, что можно приезжать прямо хоть сейчас, но вот так, сразу, Полянский приехать не решился, сказал, что через некоторое время перезвонит, а сейчас он просто признателен, что я согласен заняться его делом... Однако больше Полянский мне не звонил. Зато прибыла Элеонора.

— Это не я с вашим мужем хотел встретиться, а он со мной. Тут есть разница.

Западноевропейская женщина плюхнулась на диван, покачалась, проверяя упругость его пружин, забросила ногу на ногу:

— Как-то у вас тут... Как комната жилая, а не кабинет.

— Это плохо?

Она пожалала плечами:

— Не знаю. Нормально. Вам сюда даже женщин водить можно. Или потому так все и обставили?

Вообще-то она на двадцать лет моложе меня, могла бы и попридержаться язычок. На эту тему я могу еще с Михайловым потрепаться, но не с пигалицей, которую впервые вижу. Надо сейчас из своей морды сделать суровое выражение лица и направить разговор в нужное для меня русло. Хотя, с другой стороны, воскре-

сенья сегодня, пусть какая-никакая, а разрядка — этот треп.

— Я уже стар для женщин.

— Вы? — Она окинула меня смешливым взглядом. — Фи! Старый! У меня недавно роман с одним ученым был, ему шестьдесят три, можете себе представить? Такой живчик!

— Элеонора, — я перешел с ней на "ты", — думай, что говоришь. Я могу эти твои признания против тебя же и использовать.

— Используйте. Донесите все Полянскому — я только спасибо скажу. — Она беззаботно хохотнула. — Честно признайтесь: вам ведь уже кто-то обо мне говорил?

— Ну, в общих чертах, — замылся я, вспомнив звонок Анны Тарбы.

— Тогда вы уже знаете, что я поряточная стервова, люблю общаться с мужиками и ни во что не ставлю своего дражайшего и умного супруга... Кстати, у вас курить можно?

Курить я тут вообще-то никому не позволял, даже Михайлову, но сейчас махнул рукой:

— Давай. Пепельницы только нет, возьми листок бумаги. Что-то я не пойму тебя, Элен.

— Ха! — опять зажигательный хохоток. — Чего тут понимать? Я больше не могу жить с занудой, Александр Андреевич! Не могу! Вот и все. "Элен, — она начала передразнивать мужа, — голубушка, а что, если отказаться от сделки с Ярославом, а заключить договор с Читой? Как ты, голубушка, думаешь?" А голубушка эта уже не думать хочет, она в постели уже созревшая лежит, томная, у нее груди и живот ноют... — Полянская махнула рукой, разгоняя сигаретный дым, спросила: — Это ничего, что я так откровенно говорю?

— Откровенно и надо. Апочему муж у тебя советы по таким вещам спрашивает? Бизнес — это ведь его удел?

— А... его удел лекции студентам читать, чем он когда-то и занимался. Это потом решил себя попробовать. Денег назанимал у родителей, знакомых — прогорел в пух, я думала, придется и квартиру продавать. Нет, только дачу и машину продали. С долгами рассчитались, на оставшееся опять решили предпринять кое-что. Ну, купить, продать. Только теперь я командовала, где купить и кому продать. Видите, я черненькая, глаза у меня такие... Цыганская

кровь, видно, есть. Вот и предсказала, угадала. Раз, другой, третий. Рискнула по-черному, все до копейки в одно дело вложив. Повезло, привалило нам. И дачу опять купили, и машину. И тут он чокнулся...

Элеонора придавила темный тонкий окурок, скомкала листок и швырнула в корзину. Не попала, но не обратила на это внимание. Я чуть не рассмеялся. Мне действительно было весело. Весело и легко.

— Действительно чокнулся, не смейтесь, — продолжила она. — Задумал вступить в партию предпринимателей, завел тетради, какую-то дурацкую отчетность перед самим собой вести начал. Я ему: Олег, деньги появились, поехали Грецию посмотрим или хотя бы Турцию, в кабаки ночной сходим. Нет, у него теперь одно в голове: как больше денег сделать. Меня замечать перестал, я ему, пожалуй, только для консультаций и нужна. Ну, думаю, ладно, расшевелю тебя все равно. Пошли как-то на деловую встречу с мужичком одним, я этому мужичку пару раз подмигнула, задом перед его глазами пошатала. Потом сели, значит, за стол переговоров, он мне одной рукой под юбку лезет, а другой в бумажки мужу тычет: с этим, мол, согласен, с этим — нет. А муж карандашом галочки ставит. Я ему и говорю: Олег, на твоих же глазах жену лапают, дай ты по морде этому хмырю! Так сам хмырь перепугался, отклонялся и слинял после этого. А мой брякнул: "Ты такую сделку сорвала!" Как же я его возненавидела!

Да нет, думаю я, глядя на нее, никакая она не западноевропейская, наша, рязанская девка. Ленка, а не Элеонора.

Она закурила новую сигарету:

— А дальше, Александр Андреевич, если хотите — записывайте, чтоб Полянскому потом рассказывать. Первый раз в жизни я ему из-за злости своей и изменила. Приехал к нам один, скажем так, коллега, аж из Читы. Остановился в гостинице. Муж меня туда и посылает: с ним, мол, хитрость нужна, гибкость, ты сможешь. А не боишься за меня, спрашиваю. Он глазами хлопает: "Что, боишься, не справишься?" Теперь, говорю, наверняка справлюсь. Читинец оказался почти моих лет, женат, двое детей. Как же он меня!.. Верите,

Александр Андреевич, я ему потом всю грудь слезами облила. Он: "Тебе плохо, Лена?" А я о своем: "Ах ты, сучок старый, Олег Леонидович, что ж ты уворовал у меня! Я и не знала, что такое кайф" Но это можно опустить, да?

— А почему старый? Сколько ему лет? — спросил я.

— Сорок четыре. У нас разница большая. Я ж говорю, он у нас лекции читал. Я за него замуж на четвертом курсе вышла. А как не выйти? Представительный, лысый, знает все, машина есть, дача. Студентке — предел желаний, что ей еще надо? Да, так я про читинца завершу-то. Он меня, значит, расспрашивает, чего я плачу, а я ему и выложила: "Вова, я с тобой первый раз мужу изменила, веришь?" А он: "Ну ты даешь!" Как на ангела, на меня смотрел. Не понял, наверное, и какие бумаги подписал.

Потом другие мужики были, и молодые, и старые. По-разному у нас любовь протекала, но ни с кем не было так хорошо, как в первый раз, и так плохо, как с мужем. Они все-таки женщину во мне видели. Поняла я это дело — и к Полянскому: разводимся. А он ни в какую. Тогда я ему про читинца, про других выкладываю все: смотри, какая я дрянь! Все равно не дает развода. Вот так и живем.

— А если плюнуть и уйти?

— Так плевать-то на многое придется, Александр Андреевич! Без копейки остаться, когда знаешь, что и твоя тут доля есть... А у меня сыну всего два года. Плюнуть плюну, а куда уйду?

Я почесал затылок. Анекдот, да и только.

— Почему же он не дает развод? Так любит ребенка?

— Да он его ни разу, по-моему, и не нянчил. Я же говорю, что предсказывать могу, в сделках сильна. Вот что он боится потерять. Раздел имущества для него ерунда, тем более я много ведь и не запрошу, была бы крыша над головой, а сама голова у меня варит, проживу. Через полгода того же Полянского заткну за пояс.

— Чего же твой муж от меня хочет?

— Это он вам скажет, когда придет. Чувствую, просить будет проследить за мной. А чего следить? Я все рассказала.

Она одевается, я провожаю ее по ступенькам вниз. Надо немного пройтись, пока проветрится от сигаретного дыма кабинет. Дым я перенешу неважно.

— Элеонора, а зачем ты имя поменяла?

Она на некоторое время замирает, потом серьезно смотрит на меня и говорит:

— Чтоб Ленку Русакову не замарать. Это моя девичья фамилия — Русакова.

На улице падает снег. Мороз градусов семь. Все белое и опрятное. Я иду с роскошной женщиной к автобусной остановке.

— Лена, — спрашиваю, — значит, ты точно решила разводиться? Или все же можно ставить какие-то условия мужу?

— Условия? — Она опять весело смеется. Потом становится серьезной. — Меня, Александр Андреевич, можно трахнуть, с моего же разрешения, но купить — никто не купит. А условия — это торгашество, так ведь?

На трассе она ловит частника и уезжает. А я иду домой собирать рыбацкие причиндалы. Завтра у Михайлова выходной после дежурства, поедем на Московское море гонять плотву. Мотыля, правда, маловато, так что придется брать больше водки.

* * *

Мы едем ранней калининской электричкой. Сердобольная Мишкина жена — когда-то, до нашего с Ларисой развода, она все время ставила меня в пример мужу, сейчас уже не ставит, но все равно относится ко мне хорошо — напекла столько пирожков, что в рыбацкий ящик они не поместились. Мишка так и припер их на вокзал в пакете, а поскольку ходить по водоему с пакетом в руках будет крайне неудобно, мы расправляемся с пирожками с остервенением. Знаю, что Алена выпекала их для меня. По начинке сужу, по капусте. Она ведь в курсе, что пирожки с капустой — моя любовь.

— В неотопливаемом, между прочим, вагоне едем, — говорит Михайлов. — Намек понял?

У меня фляжка во внутреннем кармане, тепленькая, мы разливаем ее в термосные крышки. Выпиваем.

— Прости, друг, — покаянно потупил глаза Михайлов. — Вагон, оказывается, отапливаемый.

— Да нет, это нам теплее стало.

— Но не жарко еще?

— Не жарко. Вроде как продувает.

— Так в чем же дело...

Вообще-то мы далеко не алкоголики. Даже не выпивохи. Ну что такое для двоих взрослых мужчин триста граммов? Да под пирожки, да горячий чай на травах сверху. Разогрев нужен лишь для разговора.

Мы толкуем о Плахетиной.

— К матери, Миша, она, конечно, не поедет. Это она мне свистела насчет поездки на Кубань. В пакетах и сумках вовсе не подарки были. Посуда, ложки, вилки, одежда, консервы. Первое, что нужно для проживания при переезде в новый дом.

Мы с Михайловым уже знаем, что Нина, оказывается, продала свою квартиру, продала со всей обстановкой, мебелью. Когда я разговаривал с Плахетиной, а потом пил кофе, то сидел, оказывается, уже в кухне некоего Сулейменова, главы фирмы, связанной с нефтяными делами. Документы на жилье в столице, ранее принадлежавшее Плахетиним, были в порядке, комар носа не подточит. Куда подевалась хозяйка, Сулейменов, естественно, не знал.

— Такая не пропадет, — говорит Мишка, и я с ним соглашаюсь на все сто процентов. — И потом, мы еще можем услышать о ней. Ладно там муж или Седина, но она же самого Беляева вокруг пальца обвела.

Мне остается только обижаться:

— Будь ты на моем месте, то, конечно, сразу бы ей наручники надел, да?

— Может, скоро и буду на твоём месте. Нас, если не ошибаюсь, эсбэшники крутить начали, причем основательно взялись.

— Тебе-то чего бояться?

— Да тебе вроде тоже бояться нечего было.

Под водочку и под стук колес я расслабляюсь. Я опять прокручиваю те события, которые со мной случились.

Я вел самое заурядное дело по убийству владельца двух коммерческих киосков. Убили его профессионально, одна пуля в грудь и вторая, контрольная, в затылок. Таких исполнителей найти обычно трудно, тем более не депутата или известного

журналиста пришили, а коммерсанта, потому начальство не больно давило. Но я стал ковыряться. Бывает со мной такое. Это как у хорошего вратаря, мечта которого — вытащить "мертвый" мяч.

Марев — так звали убитого — решил, дурачок, жить честно и независимо. Отказался платить дань, отказался от "помощи" тех, кто предлагал ему "крышу" и покровительство. Его сначала избивали, потом сожгли один магазинчик, потом, поскольку он стоял на своем, вообще убрали.

Я вышел на сборщиков податей и дальше по этой цепочке прошел три рубежа. Кто хоть немного занимался этим, тот может понять, чего мне стоили те три рубежа.

Когда в поле моего зрения попал майор Сенокосов, я сначала не подумал о нем ничего плохого. Бывает такое: и министры в некоторых делах каким-то боком проходят. Начинаешь разбираться — бок, он и есть бок, нет их вины. Я, честно признаться, думал, что и здесь так же будет.

Сенокосов из райотдела милиции. Первоначальная, непрокачанная еще информация говорила о том, что подати от нескольких торговых точек района стекаются к нему, а затем идут куда-то выше. Я майора этого даже за жабры еще не взял, я только-только начал его в фокус ловить, и тут...

И тут меня поймали на взятке. Вызвал я на допрос парня одного, который якобы что-то видел и слышал, когда Марева убивали. Явился этот паренёк мне с конвертом: "Это вам, но посмотрите, когда уйду". Мне вообще-то таких условий не ставят, но я иногда принимаю правила игры своих клиентов, так с ними общий язык легче найти. Бросил я конверт в стол; побеседовал с парнем, понял, что ни хрена он толкового мне не сообщит, простился с ним, вытащил этот конверт, смотрю — купюры. И тут молодцы заходят, берут меня под белы ручки...

Что было дальше — вспоминать и под водку не хочется. Финал истории таков. Вызвал меня генерал Латынин: "У тебя пенсия есть? Вот и уходи без лишнего шума и разборок. Мы-то твою честность знаем, да ведь начальство у нас почти все сменилось, новые люди пришли. Попадешь им под горячую руку — сам понима-

ешь, чем это закончиться может. А так — спустим на тормозах, даю слово”.

Я бы не сдался, да пропал этот свидетель, хозяин конверта. Даже Михайлов его пробовал найти — бесполезно. А ведь и это могло обернуться против меня. Мне это дали понять. И я сдался.

Конечно, может быть, Сенокосов к конверту с деньгами отношения и не имеет, может, по какому другому поводу меня подставили, но я все-таки думаю, что это были два действия одного спектакля. Почему так думаю? А потому, что не первый год замужем. Любую сложную комбинацию я бы разгрыз, но такую простенькую и гаденькую... Расчет был именно на это. Меня подставили свои, подставили профессионалы... И судить вроде не за что, и шум поднимать неохота, и доказывать невиновность сложно... И пенсия с учетом кавказских льгот есть. Уходи на отдых, Беляев...

Электричка остановилась прямо на мосту, и мы, упросив машиниста, выскочили вместе со сменной бригадой поезда на платформу. Крутой спуск — и уже лед под ногами. Михайлов сверлит его быстро и легко, будто штопор в пробку вгоняет. Практика, ясное дело.

— Миша, — говорю я, — сделай и для меня пару лунок, буду очень признателен.

— Очень — это сколько?

Я вытаскиваю флягу...

* * *

О своих великих кулинарных способностях я уже говорил. Достать из холодильника яйцо, стукнуть его ножом и выплеснуть содержимое на сковородку я еще могу. Только в последнее время понял самый главный секрет в приготовлении яичницы. Яйца, оказывается, надо выплескивать на уже разогретую сковородку. Дело не в том, вкуснее или нет становится от этого блюдо. Дело в том, что так после завтрака, естественно, легче мыть саму сковороду.

Ладно, чего это я о глазунье-то? Глазунья — мелочь. А что делать с двумя килограммами окуней, которые шевелятся в моем пакете? Выбрасывать жалко, чистить неохота.

Соседям раздать? Или соседке? А что, это мысль, если она под моим чутким руководством сварганит уху. Теоретически я знаю, как это делается, так что консультации беру на себя.

Я снимаю трубку и набираю ее номер. Светлана Васильевна дома. Кашель у нее, оказывается, прошел, и это, конечно же, прямая моя заслуга. Уху она никогда в жизни не варила, но может, естественно, попробовать. Правда, не знает, найдутся ли специи. Я заверяю, что специи с собой, достаю из кухонного шкафа бутылку коньяка — больше никаких специй у меня нет. Потом чищусь, бреюсь, облачаюсь в костюм, который последний раз надевал, наверное, год назад — больше свитера люблю, и топаю к метро. По пути заскакиваю в магазин. Есть перец, есть лаврушка, есть сушеный укроп. Все, теперь полный порядок!

Остается решить последний вопрос: заходить ли в свою контору. Скинуть там куртку и подняться этажом выше уже без нее, чтобы создать впечатление, что я посещаю Светлану Васильевну просто как сосед, а не еду повидать ее с другого конца города. Да, прихожу я к выводу, надо зайти к себе... Но уже у входа в подъезд поднимаю глаза и вижу, как серенькая моя соседка улыбается и машет рукой. Теперь неудобно задерживаться, и я поднимаюсь сразу на ее пятый этаж.

Она уже стоит у открытой двери:

— К себе лучше не заходите, не то опять вас либо красотки куда-нибудь уведут, либо на “БМВ” увезут.

— О, вы даже марку машины запомнили.

— Серый цвет, водитель блондин, второй, который с вами съустился, русский, толстый. Манеры хорошие: так изящно вам дверцу открывал...

Да, Борик воспитан. Ему шею мылят, а он дверцы распахивает и дежурно улыбается. Может, тоже, как я, своего часа ждет? С ним надо уху остро держать. Пути Господни неисповедимы, не ровен час, встретимся когда-нибудь.

А под красоткой соседка моя имеет в виду, ясное дело, Лену-Элеонору.

— Вы и ее так внимательно рассматривали?

Светлана, кажется, смутилась:

— Извините, не подумайте, что сле-

жу специально. Просто тоскливо в четырех стенах, вот и торчу у окна.

— И что вы можете сказать о красотке?

— Богатая женщина. Норка, пальцы в кольцах. В чем-то невезучая.

Я удивленно и молча взглянул на Светлану Васильевну. Шубку, конечно, из окна можно рассмотреть, но невезучесть... Та заулыбалась:

— К вам, думаю, счастливые не приходят. Милиция — она ведь не загс.

— Я не милиция.

— Ну, частный сыск. Какая разница?

Огромная разница, дорогая моя соседка, говорю я сам себе. Огромнейшая просто, если учесть некоторые нюансы. Это как если после футбольного московского "Спартака" ты переходишь играть в тот же "Спартак", но, к примеру, калужский. Твой класс остался, да все вокруг — не то...

Мы проходим на кухню, я эффектно высыпаю рыбу в глубокую кастрюлю и откашливаюсь, готовясь инструктировать повариху.

— Окунь! — радостно говорит та. — О него можно все пальцы поколоть. Вы займитесь рыбой, а я — картошкой. Фартук наденьте, иначе чешуя к костюму прилипнет.

Мне становится грустновато. Этак я бы уху и дома сварил, если б кто окуня почистил. Но грусть скоро проходит. Я начинаю блаженствовать от запаха жилой кухни. Здесь пахнет дрожжами, лавром, здесь тепло от живой плиты. Я всю еду готовлю электрокипятильником. У меня на кухне не живут тараканы, там им нечего делать.

— Что раньше в воду бросать, картошку или рыбу?

Вот насчет последовательности я не помню. Знаю, соль надо по вкусу, перец по вкусу, лаврушки побольше...

— Естественно, — отвечаю я.

— Что естественно?

— Естественно, — говорю, — надо в кулинарной книге посмотреть. У вас есть кулинарные книги?

— Я читаю несколько иные произведения. — Она растерянно улыбается и смотрит на меня. — У меня неплохая историческая библиотека, я сама по образованию историк...

— Ладно, — решительно машу я ру-

кой. — Все бросаем одновременно. Картошка сварится — уха готова. Согласны? А специи — по вкусу. У меня вкус хороший, так что я стану рядом с кастрюлей и буду уху дегустировать.

— А я пойду накрывать на стол.

Светлана Васильевна выскакивает из кухни, я смотрю ей вслед. Серенький мохнатый свитер, серенькая юбка — длинноватая, хотелось бы, чтоб она была покороче, серые камешки в ушах. Ей бы подошла фамилия Мышкина или что-то в этом роде.

— Светлана Васильевна, — бестактно ору я на всю квартиру. — Я до сих пор не знаю, как ваша фамилия.

— Серова, — отвечает она.

Мои пальцы непроизвольно разжимаются, и вся лаврушка, которую я держал в руке, летит в кастрюлю. Я беззвучно хохочу и радуюсь тому, что перец в уху уже высыпал.

— Это что, ваша девичья фамилия?

— Девичьей некуда. Я не была замужем.

— Уха у меня уже готова. Что делать дальше?

— Берите кастрюлю и несите сюда.

Я вхожу в комнату, откуда раздался ее голос, и замираю на пороге. Вот так-так. Здесь, оказывается, две женщины. Исторички нет, а у стола возится симпатичнейшее пестрое создание с длинными ногами. Славенькая флиурка. На тонкой талии широкий белый ремень, такие же белые колготочки... Господи, чего это я в последнее время все ножки рассматриваю?

— Здравствуйте.

Женщина разгибается над столом, поворачивается ко мне и улыбается:

— Это теперь так принято? Дважды здороваться?

Кастрюля не лаврушка, кастрюлю я не уронил. Но челюсть, надо полагать, у меня отпала. Светлана Васильевна посмотрела на меня и рассмеялась.

— Как только спину кофтой прикрыла, так и не узнали, да? Или до сих пор не узнаете? Показать следы от банок?

— Позже, — сказал я. Потом понял, что сморозил глупость, решил исправиться, но вышло, наверное, не лучше. — Вы совсем иная. Вы сейчас просто красавица.

— Иная? Значит, обычно я выгляжу страшилой?

От нее, прежней, остались только серые глаза и волосы, лежащие на плечах. Даже голос изменился.

— Вы так и будете стоять? Уха остынет. Садитесь, я разолью по тарелкам. И потом, давайте перейдем на "ты", а? Вы меня в таком виде видели, что на "ты" уже можно переходить смело, без традиционных брудершафтов. Тем более целоваться мне нельзя, еще немного кашляю. А рюмки что, тоже мне наполнять?

Сели за стол. Серова зажгла трехрожковый тяжелый бронзовый светильник и выключила люстру.

— Я когда пишу, вот так сижу, с таким освещением.

— Что пишешь?

— Конспекты, статьи. Я читаю курс лекций по истории славян.

— Нравится?

Она покачала головой:

— Нет. Из аудитории меня слушают два-три человека. История им до лампочки. Я, пожалуй, уйду оттуда.

— Есть куда уходить?

— Есть чем заняться. Буду писать монографии.

— О чем?

— О царствовании Ивана Третьего. Интересное время было.

— Интересней, чем сейчас?

Мы выпили, начали наперебой восхищаться ухой. Потом Светлана вынула из духовки еще горячий пирог. Пирог был с капустой. Налили под пирог.

Светлана включила магнитофон, стоявший в углу комнаты, к столу не вернулась, остановилась у окна.

— Луна какая полная!

Мужик из магнитофона пел с хрипотцой, задумчиво и не по-русски. Это было к лучшему, слова не отвлекали.

Я встал и приблизился к Светлане. Ну а чего, все идет нормально. Если встречаются два взрослых человека, и оба знают, зачем встречаются, и обоим хорошо от этой встречи, то что же тянуть?!

Я положил ей руки на плечи:

— Где луна?

Она соединила свои ладошки с моими, чуть опустила их, так, что я коснулся пальцами ее груди. Над левой бухало сердце. Я поцеловал ее в шею, и она повернулась ко мне, подставляя для поцелуя губы:

— Бог с ним, с гриппом, да? Теперь я тебя лечить буду.

— Прямо сейчас?

Мои освободившиеся руки скользнули на ее бедра. Она чуть дрогнула и прильнула ко мне.

— Если хочешь, прямо сейчас.

Все правильно, все верно, так все и должно было случиться. Я знал, что это случится, еще когда она принесла нам с Тарбой кофе.

Она тихонько толкнула меня в грудь:

— Пойдем.

И тут окно озарилось багровым светом, тотчас страшный грохот разорвал тишину, вслед за ним зазвенели стекла: посыпались, видно, на нижних этажах.

— Что это? — спросила Светлана. — Пойдем на балкон, может, оттуда что увидим?

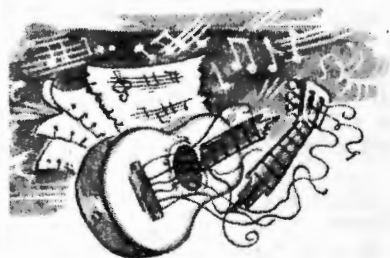
Мы пробежали на балкон. Отсветы пожара видны были за углом дома, оттуда же раздавались крики. Кто-то сильно стонал.

— Мне надо вниз, — сказал я.

— Я с тобой.

(Окончание следует)

Владимир КОЧЕРГИН

Две магнитофонные кассеты со сборниками песен офицера ГУКВВ полковника Владимира Кочергина "Дорогами Чечни" широко разошлись по всей России. Он с болью писал и пел о судьбе своей и товарищей, о событиях, свидетелем и участником которых был сам. Этой теме остается верен и поныне.

На мою гитару нету похоронки...

ПЕСНЯ О ПОГИБШЕЙ ГИТАРЕ

Загребели руки от песка и пота,
 Но струну погибшую
 тронуть мне охота.
 Жаль, что не допела
 подруженька гитара, —
 Много ли тротила
 надо для удара?
 Эх, моя гитара,
 разорванные струны,
 Как бы ты сыграла
 для моей фортуны!
 Спела б о комбате,
 Спела б о ребятах
 Тех, кто в медсанбатах.
 В швах да рваных ранах.

Скольким бы калекам
 сил вдохнула новых,
 Слезы осушила
 сиротам и вдовам,
 Правду от неправды
 сразу б отделила,
 С кем идти в разведку,
 мне определила.
 Эх, моя гитара, оборванные песни,
 Голос твой печальный
 больше не воскреснет
 В песне о комбате,
 В песнях о ребятах
 Тех, кто в медсанбатах
 В швах да рваных ранах.

Вот стою и горблюсь
 от бронезилета.
 Холодок под сердцем,
 хоть бушует лето.
 Огонек окурка в рукаве я прячу:
 Снайпер лупит метко,
 Снайпер лупит зряче.
 На мою гитару нету похоронки.
 Жизнь моя — дорога,
 Глубоки воронки:
 Память о комбате,
 Память о ребятах
 Тех, кто в медсанбатах
 В швах да рваных ранах.

ЗЕМЛЯК

Шагнули за черту,
 Которую не видно,
 И дым во рту —
 Здесь хуже, чем в аду —
 Как крепко бьют!
 До чертиков обидно.
 Рукой не шевельнуть,
 И я ору.
 А ствол горяч
 И пулями плюется.
 "Пригнись, браток!" —
 Ко мне земляк несется.
 Ну, черт шальной!
 А он в ответ смеется,
 Палит из АКМа на бегу:
 — За Саню! За Алеху!

За страну!
За тех, кто пал в бою
И кто в плену!

Уж кровь ручьем
По рукаву струится.
В ходу ножи,
И некогда молиться.
Страх отступил,
Нам удалось отбиться,
Но радость коротка,
И я ору:
— “Дух” в тыл зашел!
Мгновенье остается,
Чтоб увернуться,
А земляк смеется,
Палит из АКМа на бегу:
— За Саню! За Алеху!
За страну!
За тех, кто пал в бою
И кто в плену!

И резко наступила темнота.
И вспышки,
Словно высверки салюта.
Я слышу —

Подступает тошнота,
Мне не хватает воздуха как будто.
Ну а земляк...
Он рядом...
Мне сдается,
Что все еще по-прежнему смеется,
Как и тогда,
Стреляя на бегу
За Саню, за Алеху,
За страну,
За тех, кто пал в бою
И кто в плену.

Откуда этот грохот,
Этот свист?
То воздух рвут винты.
И борт завис,
“Вертушка” распахала синеву.
Неужто это с нами наяву?
Но слышу я,
И значит, я живу:
“За Саню! За Алеху!
За страну!
За тех, кто пал в бою
И кто в плену”.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

Широк и многогранен мир увлечений этого умудренного жизнью человека, прошедшего Великую Отечественную. Он автор десятков поэтических книг, художник, скульптор, педагог, воспитавший многих литераторов, в том числе и из внутренних войск.

ТЕ ПЕСНИ БЫЛИ О РОССИИ...

ВРАЖДА

“Ты правый, я левый!” —
“Мы просто враги”.
Сказали друг другу
Мои сапоги.
И начали оба
То жать, то давить,
Мне не в чем по улице
Стало ходить.
То правый, то левый

Сапог заскрипит.
Глаза мои лезут
Порой из орбит.
Какое мне дело
До спора сапог?
Мне нужно их сбросить,
Чтоб думать я мог.
Чтоб мог я работать
Нормально и жить,
Мне нужно быстрее
Сапоги заменить.

КАЗАЧИЙ ХОР

Казачий хор, казачий хор
Мне люб и дорог с давних пор.

Когда-то в детстве я юнцом
В станичном хоре пел с отцом.

То были строгие года,
Их смысла полая вода.

Кто пел в том хоре, тех уж нет.
В моей душе — их светлый след.

Их голоса во мне порой
Звенят ручьями под горой.

Мы в привокзальном клубе пели
Внизу, чтоб нас не углядели.

Те песни были о России,
Что братья кровью оросили.

Те песни были о Кубани,
Что не согнулась в рог бараний.

Те песни были о любви,
Как Храм Господень на крови.

Казачий хор, казачий хор
Мне люб и дорог с давних пор.

ФИЛАТИХА

Торчат хвостами в небо
На горке семь дымов —
Филатиха, деревня,
Содружество домов.
Там, за речным изгибом
Есть карасиный пруд —
В нем караси в два локтя
Жиреючи живут.
В нем рыбка золотая
Царит на самом дне.
Она пообещала
Служить до смерти мне.
Но вот какое горе —
Иван-сосед, мой друг,
Тем летом обернулся
Хапугой из хапуг.
Он яблони и груши —
Весь сад мой — порубил,
Забор мой переставил
И землю прихватил.
Таскаю по Москве я
С тех пор мешок тоски.
В деревню нашу ехать
Мне стало не с руки.
Но все же очень скоро

Я возвращусь туда,
Где золотая рыбка
Живет на дне пруда.
Она меня жалеет
И ждет давным-давно.
В ее подводном царстве
Всего полным-полно.
Она Иван Иваныча
Сумеет превратить
Во что-нибудь такое,
Что будет в речке жить.
Ну, предположим, в щуку
Иль рака, иль ерша,
Пока не возродится
В нем добрая душа...
Торчат хвостами в небо
На горке семь дымов.
Филатиха, деревня,
Содружество домов.

КИТОВРАС

Жил-был
И живет до сих пор среди нас
Крылатое чудо —
Мужик Китоврас.
Первейшим, заметьте,
Он был казаком
И лучшим на свете
Из лука стрелком.
Он может меж звездочек
Вольно парить,
Но здесь, на земле —
Только прямо ходить.
Создали его наши древние боги,
Чтоб он охранял
Эту степь и дороги.
Но боги не дали подруги ему,
Чтоб жизни под стать
И в любви по уму.
С тех пор над Россией
Он вечно летает,
Крылатый и мудрый,
Но счастья не знает.
Как близок и дорог
Он многим из нас —
Крылатый мужик,
Полуконь Китоврас.
В мечтах мы горазды
Свободно парить,
Но в жизни лишь прямо
Умеем ходить.
И хитро обходят нас наши враги.
Уж негде свободно
Поставить ноги.
Но все, как всегда,
Победит Китоврас.
Не раз он от бед
Нашу Родину спас.

На канале РТР состоялась премьера документального фильма. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы не такое обстоятельство: его снял военный корреспондент.

В жизни трудно избежать двух вещей: узкого кругозора, если замкнуться только в своей работе, и неосновательности, если выйти за ее рамки. Счастлив тот, кто нашел золотую середину, кто стал профессионалом своего дела, имея разносторонние интересы.

Но в последнее время в среде офицеров и прапорщиков редко встречаются те, кого отличает не только рвение в службе, но и увлечение, позволяющее раскрыть творческие возможности. Кто-то, быть может, возразит: "Какие уж там увлечения! После службы единственное желание — это выспаться!" Да, к сожалению, большинство людей проводят свой досуг либо на диване, ли-

бо за шумным столом, либо у экранов телевизоров. Эти занятия не требуют больших усилий, но они лишают нас радости созидания, обедняют личность, сводя жизнь к скучному существованию.

Мало того, те, кто не зарывает свой талант в землю, порой подвергаются насмешкам сослуживцев и неодобрению со стороны начальства.

О прапорщике Владимире Гамалее я узнал от его коллег по службе. И отзывы о нем были, скажем так, не самые лестные: вот, мол, выскочка, ищет славы. А я сразу подумал, что так могут говорить, скорее всего, о человеке интересном и талантливом. И не ошибся. Уже первая встреча с Владимиром произвела на меня неизгладимое впечатление. Этот человек увлечен редкой деятельностью. Нет, он не собирает старинные монеты, не коллекционирует бабочек. Он снимает фильмы. Не такие, что показывают в телепередаче "Сам себе режиссер", а настоящие, серьезные фильмы на профессиональном уровне.

Страсть к киноискусству проявилась у него еще в детстве. Он был всегдаем сельского клуба в брянской глубинке. И хотя многим его сверстникам тоже нравилось плясать на экран и жить другой жизнью, у маленького Володи это увлечение оказалось более глубокоим.

Первые попытки снять собственный фильм были робкими и наивными. Он рисовал кадрики, много кадров, и с помощью фонарика и белого куска простыни показывал друзьям примитивные мультфильмы. Эта ручная киноустановка была гениальным достижением детской мысли, а возникшее тогда желание стать режиссером привело его в кинотехникум.

Но Владимир понимал, что для реализации мечты мало быть просто кинемехаником. Он стал участвовать в представлениях народного театра при районном Доме культуры, играл роли во многих спектаклях. Владимиру повезло с наставниками, которые помогли ему почувствовать в себе актера и показали, как руководить людьми в творческом процессе. А в 1972 году его мечта сбылась: он купил любительскую кинокамеру.

Как оказалось, снимать фильмы — дело не только интересное, но и трудоемкое. Особенно сложным процессом является проявление пленки. Сотни метров ленты ушло на то, чтобы снять первые десятиминутные фильмы "Память" и "Воспоминания" о партизанах отряда имени наркома НКВД СССР Лаврентия Бери. После 1953 года начисто забыли об этом героическом отряде, одном из самых боевых в брянских лесах. Политическая конъюнктура возобладала над исторической правдой. Оказалось, что партизанского отряда, пустившего под откос несколько немецких составов с живой силой и техникой, но названного именем будущего врага народа, как бы вообще не было. Владимир Гамалей, рискуя навлечь на себя неприятности, решил восстановить справедливость и воздать

должное своим землякам — ветеранам партизанского движения. Фильм получился высокопатриотическим и для того времени довольно смелым. Но это и помешало ему дойти до массового зрителя...

Теме Великой Отечественной Владимир Гамалей верен во всей своей творческой деятельности. Конечно, не он открывал ее в кинематографе, но то, что она подробно и широко разработана, его не смущало: Гамалей хотел донести до людей свое видение войны. Любая война — это позор человечества, но люди, ставшие на защиту своей Родины, достойны бессмертной славы — эта мысль красной нитью проходит через все его фильмы. Патриотическая нота звучит в лентах "Баллада о матери", "Отзвуки прошлого", "День председателя", "Война и мир". Они небольшие — по 10-20 минут. Но за ними годы тяжелого, кропотливого труда — съемка, монтаж, озвучение...

Несмотря на общественную значимость работ режиссера-самоучки, единственным финансистом, покрывающим расходы на создание короткометражек, был он сам, а главным критиком, продюсером, нередко и актером — его мама Людмила Георгиевна. Благодаря этой семье останутся в памяти потомков те ветераны, которые согласились "говорить в камеру". Многих уже нет в живых, а кадры сохранили молодежные лица, твердые голоса и блеск орденов и медалей.

Но любому художнику, артисту, поэту необходимо признание. Каждый талантливый человек хочет, чтобы его творчество увидели и оценили как можно больше людей. И порой дорога к известности пролегает через различные презентации и фестивали.

Уже первые фильмы Владимира Гамалея стали победителями сначала областных, затем всероссийских и всесоюзных конкурсов. Высокую оценку и награду получила его лента "Под чарующей лаской" о

великой русской певице Анастасии Вяльцевой, про которую многие наши современники даже и не слышали. А в конце прошлого — начале нынешнего века она была примадонной российской сцены, всеобщей любимицей и легендой при жизни. По влиянию на слушателей (но не по голосу!) с ней можно сравнить в наше время ну разве что Аллу Пугачеву. Песни в исполнении Анастасии любил царь Николай Второй, подаривший ей для гастролей вагон, отделанный красным деревом. Она не стремилась петь там, где ее не понимали — за рубежом. «Все едут искать славы за границей, я же нашла ее дома» — эти слова Вяльцевой неплохо бы знать современным российским «звездам».

Перед Владимиром Гамалеем стояла нелегкая задача — снять фильм о певице без участия главной героини. Используя патефонные пластинки, дореволюционную хронику, съемки пейзажей Брянщины — малой родины Вяльцевой, Гамалеем все-таки донес до зрителя образ великой русской артистки.

А вообще, возвращение позабытых имен стало козырной картой в

творчестве Владимира Гамалея. Его ленты о малоизвестных страницах истории России смотрятся на одном дыхании. Порой даже не верится, что их снимал любитель, тем более военный, который в сознании обывателя ни на что иное не способен, кроме как на «упал — отжался!». Теперь, когда мы вынуждены заботиться об авторитете и имидже внутренних войск, таких людей надо поднимать на щит, а их увлечения использовать для пропаганды воинской службы. И тут способности талантливого прапорщика могли бы пригодиться как нельзя кстати. Тем более что у режиссера в погонах имеется большой опыт съемки лент о мужестве и героизме военнослужащих. Пример тому — фильм «Сердце солдата».

Событие, которое проносится на экране как вихрь, произошло в Прибалтике, где Гамалеем начинал свою службу. Солдат за добросовестное выполнение обязанностей был отпущен в увольнение в город. Ради спасения ребенка молодой симпатичный парень пожертвовал своей жизнью... Участвовать в съемках фильма-памятника пожелали все очевидцы трагедии, медперсонал «Скорой помо-

Кадр из фильма «Голос земли»

щи" и даже семья девочки, которая в то утро едва не попала под колеса КАМАЗа. Только героя дублировал его друг. Что это были за съемки! До сих пор Владимир Гамалей вспоминает о них с ужасом: ведь для того, чтобы все выглядело по-настоящему, девочка переходила дорогу перед едущей машиной! Риск был, и хотя его свели к минимуму, нервы тот кадр пощекотал достаточно. А какая ответственность лежала на режиссере! Ни о каком повторном дубле не могло идти и речи, надо было снимать с первого раза! Но все получилось как нельзя лучше. И просматривая картину, я не мог сдерживать слез — так она меня потрясла. Недаром "Сердце солдата" получило награду на калининградском областном смотре и диплом на Всесоюзном кинофестивале в Москве в 1985 году.

Он продолжал работать. Зрители его произведений находят любопытными и новые картины — "Яблочко", "Голос земли" и "Умиряющий батальон", отснятый уже видеокамерой. В первой аллегорически отражен период перестройки в нашей стране. Муравьи, соловьи, лягушки и прочие земные твари — персонажи басен Эзопа, Лафонтена и Крылова — красноречиво передают умонастроения россиян до и после распада Союза. А в образе грозы Гамалей сумел предсказать дальнейшее развитие нашей истории.

Вторая картина — "Голос земли" — самая что ни на есть художественная, хотя и займет ваше внимание всего на полчаса. Этот психологический фильм снят по мотивам рассказа писателя-фантаста А.Михайловского "Путь" "Каравеллы". В небольшом помещении клуба, приспособленном под студию, силами прапорщика и солдат соорудили пульт управления космическим кораблем с мигающими лампочками, сшили костюмы астронавтов. Энтузиасты, помогавшие режиссеру, а это были и рядовые, и лейтенанты, и жены офицеров, со-

ставляли своеобразный коллектив художественной самодеятельности, только с киноуклоном. Сложность представляло то, что некоторые люди покидали студию, приходили новые, роли разучивали сначала, а сотни метров пленки отправлялись в урну. В конце концов многострадальный фильм военнослужащие успели снять до того, как командир части решил прикрыть вызывавшую раздражение "лавочку".

Третья упомянутая лента посвящена родному батальону связи, вернее, его медленному движению к упадку. Приходит в негодность аппаратура, сыплется штукатурка, но самое страшное — уходят квалифицированные кадры. В этом, по субъективному мнению автора и героев фильма, виновато командование, разжигавшее интриги внутри батальона. С режиссером можно соглашаться, а можно и не соглашаться, но похвально уже то, что он поднял, не убоившись начальственного гнева, эту проблему. В Московском округе внутренних войск, где успели посмотреть этот фильм, он вызвал бурную реакцию от поддержки до неприятия.

Гамалей, сам того не ожидая, внедрился в область тележурналистики. Злободневные, актуальные его видеосюжеты на тему отживающих свой век российских деревень уже нашли свое место на каналах РТР и НТВ. У него есть оригинальные задумки.

Сейчас Владимир Гамалей заочно учится на режиссерском факультете ВГИКа. Пишет учебное пособие для начинающих видеолюбителей. Ведь чтобы снять стоящий фильм, мало знать, на какую кнопку видеокамеры нажимать. Надо уметь работать со светом, правильно построить сюжет, нетопорно смонтировать сцены, наложить звук и знать другие заморочки. И он напишет эту очень нужную книгу.

**Старший лейтенант
Г.СИМОНЕНКО.**

Уголок фалериста

ЗА ПОКОРЕНИЕ...

Известно, что Кавказская война, связанная с присоединением Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к России длилась с 1817 по 1864 год. Военные действия в Дагестане закончились пленением Шамиля в ауле Гуниб в 1856 году. В честь этого в 1860 году была учреждена медаль "За покорение Чечни и Дагестана", которой награждали всех участвовавших в экспедициях и сражениях — генералов, солдат, чиновников, добровольцев.

Медаль изготовлялась из серебра и носилась на груди на Георгиевско-Владимирской ленте. Отчеканено было 147 тысяч медалей.

Полное завершение Кавказской войны было отмечено учреждением в 1864 году медали "За покорение Западного Кавказа". Ею также награждали всех принимавших непосредственное участие в экспедициях и военных действиях против горцев за Кубанью и на вос-

"За покорение Чечни и Дагестана"

"За покорение Западного Кавказа"

точном берегу Черного моря.

Изготовлялась медаль из серебра и носилась на груди на Георгиев-

ско-Александровской ленте. Отчеканено 210 тысяч экземпляров.

О.ДУНАЕВ.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Эта рыба — одна из самых известных и распространенных в средней полосе России. Да что там говорить, о ней знает и стар и млад, что называется, от Москвы до самых до окраин. Трудно найти речушку, озеро, пруд, где нет этого, по расхожему выражению, хозяина водоема. Завсегда-тай он и крупных искусственных и естественных водохранилищ. Мало кто, хотя когда-то бравший в руки удочку, не лавливал его. Надеюсь, читатель понял, о ком речь — о всездущем ерше, конечно же.

Ерша не спутаешь ни с какой другой рыбой. Тело его с заостренной головой сжато с боков, покрыто некрупной чешуей. Кроме необычайно обильной слизи, характерной особенностью его является колючий и мягкий спинные плавники, слитые вместе. Глаза — слегка нависают, за что его нередко называют пучеглазым. Окраска "колючки" может быть нескольких оттенков. Это зависит от водоема и места обитания. Ерши, населяющие большей частью песчаные грунты, несколько светлее тех, которые держатся на илистом дне. Спинка у ерша серо-зеленая с мелкими черными пятнышками, бока — с желтизной, а брюхо светлое. На спинном и хвостовом плавниках тоже темные пятнышки, остальные плавники без

пятен. На жаберных крышках — шипы.

Одна из причин широкой распространенности и многочисленности ерша — ранняя половая зрелость (с возраста 2-3 лет) и высокая плодовитость (в несколько приемов весной-летом самка откладывает до 100 тысяч и более икринок).

Что еще характерно для этой рыбы? Она весьма компанейская, держится стаями, обычно у самого дна. Предпочитает глубины,

Рыбы наших вод

откуда выходит на кормежку к обрывистым берегам, где легче добыть пищу. В реках ершей можно чаще встретить на участках с мягким илистым грунтом, с ямами. Нередки скопления их около свай, в камнях, около мостов, пристаней. "Колючки" не любят сильного течения, выбирают для стоянок тихую воду.

По весне ершиное племя подтягивается ближе к берегу, как бы несколько рассредоточивается, а по осени вновь сбивается в крупные стаи, перемещается поглубже. С наступлением морозов, как правило, стаи ершей скатываются в ямы, где и зимуют. Найти такую яму — мечта не одного рыбака.

Ерш очень прожорлив.

По количеству потребляемой пищи на единицу собственного веса он — из чемпионов чемпионов. Практически он всеяден, питается круглый год. В его меню всевозможные личинки, ручейники, мотыль, черви и т.д. и т.п. Не брезгует он молодью и икрой рыб, за что, собственно, его так костерят любители поймать стоящие трофеи.

Как я уже отмечал, ловится хозяин водоема практически весь год. За исключением, может быть, половодья, когда вода мутная.

Утверждают, что, когда подходит ерш, кроме него, уже ничего другого поймать не удастся. Это так, да не совсем. Не раз случалось ловить эту рыбу вперемежку, например, с окунем (в частности, на Московском море, на мелях, недалеко от железнодорожного моста через водохранилище). И даже наряду с подлещиком и лещем. В доказательство сошлюсь на конкретный случай.

Сидели мы с компанией на Омутнинском заливе Ивановского водохранилища в районе Большой Волги. С вечера я на бровке затопленной некогда здесь речушки на приличной глубине забросил кормушку, набитую сухарями. Утром потихоньку подгреб, встал на растяжках, чтобы не пугать сторожковую рыбу. Вскоре поплавки двух удочек легли аккуратно рядом с пенопластовым буйком. Увы, ни манкой, ни геркулесом, ни перловкой рыба не соблазнилась. Насадил червяков. Стали попадаться ершишки с мизинец. Неплохо, конечно, для предполагаемой вечерком ушцы. Но был соблазн взять на прикормленном месте что-то покрупнее, пове-

соее. А если поднять повыше насадку? Ерш — рыба придонная, как утверждают бывалые, обычно выше 30-50-сантиметров редко поднимается за крючком с наживкой. Подрегулировал поплавки. Но и тут не пошло дело. Тогда я взял бамбуковую трехколенку с боковым кивком на кончике (она всегда у меня под рукой), насадил на мормышку мотыля и начал облавливать пространство вокруг кормушки. У дна, как и на червей, клевали ерши. Но когда, играя мормышкой, поднял приманку выше, отчетливо увидел характерный подъем кивка. И через минуту-другую я уже подводил под опущенный в воду подсачек увесистого подлещика. К концу рыбалки в моем садке было с десяток таких же, а то и покрупнее красавцев, иных вполне можно было называть лещами...

Слов нет, ерш в самом деле наносит определенный вред водоемам, сокращает поголовье более ценных рыб. Но опять же интересный вопрос: к каким — сорным или не сорным — относятся, к примеру, там, где разводят осетров, стерлядь, форель, сом, судак, жерех?.. Не говоря уже о леще, карасе, лине и прочая, и прочая.

Ответы на затронутые здесь и многие другие вопросы, думается, все-таки дала сама природа. В ней все рационально и уравновешено. И не стоит, пожалуй, нам пытаться оспаривать ее законы.

А теперь самое время коснуться и того, за что так любят настоящие гурманы ерша. А жалуют они его, хозяина водоема, за неповторимый вкус, который приобретает уха, если в ней присутствует хотя бы десяток-другой "колючек". Пусть даже не ахти каких по размеру. Я знаю немало друзей-

товарищей по увлечению, которые за ершами для ущицы специально в весьма не близкие концы катаются. Признаюсь, со своим давним товарищем, бывшим коллегой по службе, ныне пенсионером и... известным российским писателем-детективщиком Иваном Трофимовичем Козловым, издавна непременно перед каждым Новым годом, а также всегда по весне, по последнему льду (пару-тройку раз) ездим на Московское море ершей ловить. А потом угощаем семьи друг друга, как бы состязаемся, у кого уха слаще и знатнее получится.

Трофимович признает уху только из одних ершей. Я же предпочитаю двойную. Готовлю ее, если в нескольких словах, так. Ершей всех, сколько наловлю, промываю. Не очень тщательно, чтобы не смыть всю слизь, ведь она тоже вкус будущей юшки формирует. Потрошу, удаляю жабры (но не счищаю чешую, если даже улов невелик). Осторожно извлекаю и, промыв, откладываю в отдельную посуду ершиную икру, ее порой

набирается достаточно много. Подготовленных "колючек" заливаю водой, бросаю в нее пару-тройку очищенных и не порезанных луковок, столько же морковок, довожу воду до кипения и отвариваю все минут пятнадцать-двадцать. Выкладываю в дуршлаг (без лука и моркови, естественно) и скалкой тщательно разминаю отваренных ершей, пока они не превратятся в кашу. Затем несколько раз полученную массу как бы промываю бульоном, помешивая при этом ложкой. Насыщенный бульон при необходимости разбавляю кипятком (на предполагаемое количество порций ухи). И уже в нем варю пару-тройку картофелин, нарезанных кубиками, горсточку, не больше, пшена, ершиную икру, вновь запущенные лук и морковь. Когда картошка будет почти готова, запускаю в кипящий бульон рыбу покрупнее (какая осталась от прошлых рыбалок в холодильнике). Чаще всего это разделенные на порционные куски окуни, подлещики, щука. Заправляю все специями по вкусу. Сваренную рыбу, картошку, морковь непременно вынимаю из ухи, украшаю зеленью и подаю на отдельном блюде — для желающих. А юшку, эту неповторимую вкуснятину, которая, уверяю вас, как знаток, под стать стерляжьей ухе, разливаю по тарелкам участников трапезы. Если деликатес варится на костре, обычно, по классике, юшка пьется из кружек. В котелок в подобных случаях в конце варки ухи выливаются традиционные сто граммов водки.

Ну что, потекли у вас слюнки? А то как же!

**Полковник
В. АФАНАСЬЕВ.**

Чего только не придумаешь...

*Ни пуха ни пера***Выбрасыватель подвел**

Прошедшей зимой интересный случай произошел с моим другом, старым, опытным охотником. У него тульское двуствольное ружье, которое он приобрел еще до Великой Отечественной войны. Оно и тогда уже было "не первой свежести", а сейчас совсем износилось. Но менять его он упорно не хотел.

— Это старье когда-нибудь тебя подведет, — не раз выговаривал я Яковлевичу.

— Понимаешь, Михалыч, — отвечал он, — жалко расставаться с ним. Привык. Да и стреляет еще не хуже новых.

Действительно, хотя многие детали у тулки износились со временем, било оно что надо — кучно. Кроме того, радовала глаз красивая букетная насечка на его затворной коробке и курковых досках.

Но, на беду, мое предсказание сбылось. Как-то выпала ровная поро-

ша. Решил Яковлевич потропить русаков. В тот день неудачи преследовали его с самого утра: пропуделял по первому, затем еще двух зайцев прозевал. А тут подоспела и главная накладка.

Выйдя на противоположную сторону лесозащитной полосы, увидел ветеран бегущую лису. После трех невезений вновь вспыхнула надежда на фарт. Радостно застучало сердце. Укрывшись за ближайшим де-

ревом, стал наблюдать за зверем. Снежная кухта на ветвях и кустах хорошо маскировала его в белом халате. А кумушка, не ожидая засады, медленно продвигалась к нему. Подпустить бы ее поближе да стрелять. А он вдруг подумал, что находящаяся в стволах дробь мелка для лисицы. И решил поменять патроны. Быстро переломил ружье, а выбрасыватель не сработал, патроны остались в казенниках.

Константин Яковлевич достал нож, чтобы поддеть гильзы, но они сидели туго, не поддавались. И ружье не закрывалось.

Лисица тем временем уже в тридцати шагах. Вся будто из золота с белой кисточкой на пушистом хвосте.

Ушла кума от моего приятеля...

Совет начинающим да и опытным охотникам: при малейшей неисправности ружья срочно обращайтесь в оружейную мастерскую. Тогда минуют вас подобные казусы.

— Решил на этот раз дома с семьей выходной провести...

**Полковник в отставке
В.ЖУКОВ.**

*Бывальские — молодым***Короткие советы**

Как часто причиной обидных сходов крупной рыбы при ловле на мормышку бывают обрывы лески из-за того, что она перерезается острыми краями отверстий металлических приманок. Чтобы избежать этого, прежде чем привязать мормышку, нелишне раззенковать ее отверстие. Это легко сделать сверлом малого диаметра или острым концом ножа. Некоторые с этой же целью в отверстие мормышки вставляют кусочек оболочки провода (кембрик) — вполне оправданно.

Наряду с другими способами, мотыля можно хранить в термосе, куда кладут кусочки льда, приготовленные предварительно в холодильнике. На них в узком и длинном марлевом мешочке опускают мотыля, смешанного со спитым чаем. Прочная тонкая нитка или рыболовная леска стягивает мешочек и выпускается из горлышка термоса, нисколько не нарушая плотную посадку пробки. Вода, что образуется от подтаявшего льда, периодически сливается. Достоинство указанного способа в том, что таким образом мотыля удастся сохранить в течение нескольких недель, даже постоянно перевоза его в тепле.

От долгого хранения вяленая рыба пересыхает, становится не такой вкусной. Да и вид приобретает не очень привлекательный. А ведь дело можно поправить. И совсем просто. Для этого нужно завернуть перележалую во бли во влажную бумагу и на несколько дней упрягать в целлофановый пакет. И вся недолга.

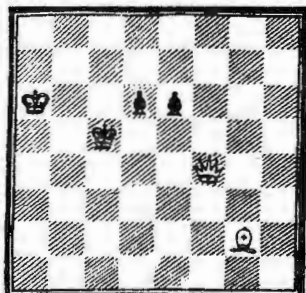
В.СЕДОЙ.

шахматный клуб

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

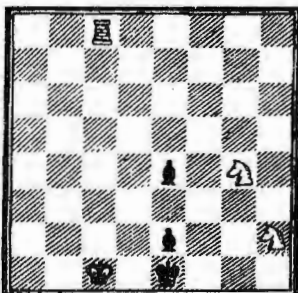
МИНИАТЮРЫ

№ 6

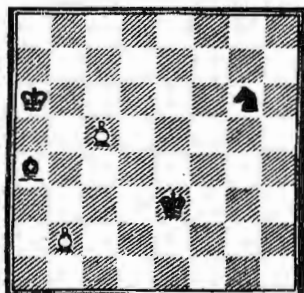
Мат в 3 хода

№ 7

Мат в 4 хода

№ 8

Ничья

Первые две миниатюры предлагаем решить. Ничья в этюде № 8 достигается так: **1. b4 Kpd4 2. b5! Кр:с5 3. b6! Ке7 4. b7 Кс6 5. b8Ф! К:b8+ 6. Кра5!!** Изумительный финал, именуемый позиционным патом, при любом ходе слона пат!

Неортодоксальные задачи стали в последние годы весьма популярными. Приводим для решения две оригинальные позиции.

№ 9. **Кpg1, Фg8, Лf4, пп. e2, f2, g5 /6/ — Крh3, Ла1, Лd7, Сb1, Кd8. пп. a2, e6 /7/,** обратный мат в 2 хода.

№ 10. **Кpf6, Ла1, Сg7 /3/ — Крс3, пп. a2, с2, f7 /4/,** кооперативный мат в 3 хода.

Решение шахматных задач и этюдов есть превосходная гимнастика для головного мозга, это одновременно и отдых, и работа, и общение — самая важная жизненная потребность человека.

Шахматная азбука

Безошибочных шахматных партий не бывает, ошибки допускают шахматисты всех рангов. Причины ошибок как в области знания теории игры, так и в области психологии борьбы, уровне интуиции и чутья. В 70-е годы Р.Фишер выиграл матчи у претендентов Б.Ларсена и М.Тайманова с фантастическим результатом — 6:0. На вопрос, не изобрел ли он новый стиль игры, ответил: "Нет, я не изобрел никакого нового стиля, просто я делал меньше ошибок, чем мои соперники".

Ошибки бывают на всех стадиях партии. Приводим окончание партии: **Кpd4, Лb6, пп. с3, g2 /4/ — Крh4, Сс4, пп. a5, b5, h6 /5/.** Черные могли добиться ничьей, но они сделали ошибочный ход — **1...h5?** И белые осуществили классическую матовую комбинацию: **2. Лg6! a4 3. Крс3 a3 4. Крf4 a2 5. Лg3! Се6 6. Лh3+!**

С:g3 7.g3X. Черная пешка не успела сделать последний шаг до желанной цели. Недаром говорят: шахматы — это трагедия одного темпа.

При окончании партий возможно возникновение не только задачных, но и этюдных комбинаций. Посмотрите следующую позицию: **Кра2, Фс1 /2/ — Кра4, Фе7, пп. a5, b6, e4 /5/,** ход белых. Материальное преимущество черных неоспоримо, но позиционное — за белыми. **1. Фс4+ Фb4 2. Фс6+ Фb5 3. Ф:e4+ Фb4 4. Фd3!** и черные сдались.

А вот позиция, в которой чемпион мира Т.Петросян, игравший белыми с В.Корчным, допустил роковую ошибку: **Кpg4, Лg6, пп. a2, b3, c4, d6, e4, h5 /8/ — Крf7, Лf8, пп. a7, b6, c5, e5, f4, h6 /8/,** ход белых. Позиция белых превосходна, но неправильный ход ведет их к гибели: **1. Л:h6?? f3! 2. Кpg5 Кре8** и белые вынуждены сдать.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, № 1, 1997)

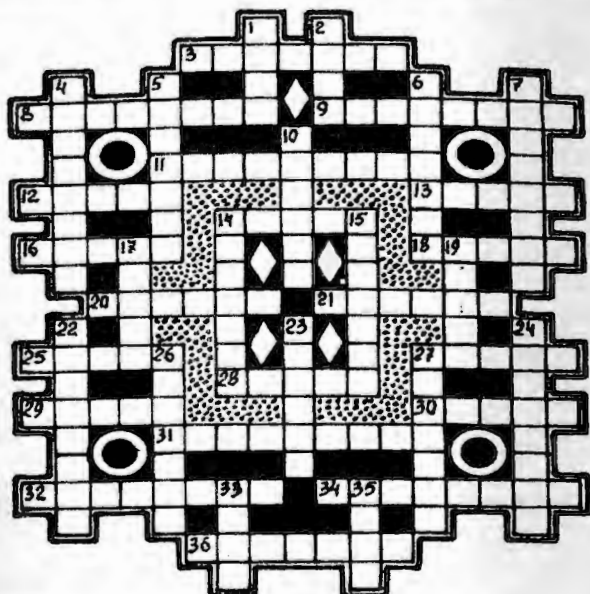
№ 2. **Крh1, Лb2, Се1, п. a7 /4/ — Кра8, Фd6, Са6 /3/,** ничья. **1. Лb8+ Кр:a7 2. Cf2+ Кр:b8 3. Сg3! Ф:g3, пат; 3...Сb7+ 4. Крh2.**

№ 3. **Крс3, Лd4, Сb6, п. f3 /4/ — Крс5, Ch8, Ке6, Кf2, п. h2 /5/,** ничья. **1. Лh4 h1Ф 2. Л:h1 К:h1 3. f4+ Крf5 4. Крf3 К:f4 5. Cd4! С:d4, пат.**

№ 4. **Кpd4, Лс8, Cf2, Сg2, Kh3, п. g4 /6/ — Крh2, Фg3, пп. f3, h4 /4/,** кооперативный мат в 2 хода. **1. Фb8! Лс2! 2. Фg3! Сg1X!**

№ 5. **Крс4, Cd4 /2/ — Крb1, п. b2 /2/,** кооперативный мат в 2 хода. **1. Кра1 Крс3 2. b1С! Крb3 X!** Если вместо белого слона поставить на поле d4 белого коня, то решает **1. Кра1 Крb3 2. b1К! Кс2 X!** Просто, но не лишено обаяния.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3.Боеприпас для поражения живой силы и техники противника на близких расстояниях. 8.Боевая гусеничная бронированная машина, вооруженная одним-двумя пулеметами, предназначенная для разведки и связи. 9.Частая и продолжительная стрельба из орудий. 11.Русский композитор. автор песен военных лет "Заветный камень", "Одинокая гармонь" и других. 12.Способ военных действий по овладению крепостью, оборонительным сооружением. 13.Маневр войск. 14.Торжественное прохождение войск и боевой техники. 16.Легковооруженный пехотинец в Древнем Риме. 18.Оперативное объединение, предназначенное для выполнения крупных оперативных задач. 20.Маршрут регулярных полетов транспортных самолетов. 21.Часть прибрежной акватории, предназначенная для стоянки военных кораблей и судов. 25.Группа заговорщиков, незаконно захватывающих власть и правящих диктаторскими методами. 27.Прием, применявшийся в воздушном, танковом и морском бою. 28.Момент начала полета летательного аппарата с экипажем для выполнения определенной задачи. 29.Роман Ю.Бондарева о героизме солдат во время войны. 30.Узел ходовой части танка. 31.Отверстие в стене оборонительного сооружения для ведения огня из орудий, минометов, пулеметов и для наблюдения. 32.Доброволец в

составе партизанских сил на территории, занятой противником. 34.Применение вооруженной силы одним государством против независимости другого. 36.Составная часть пороха.

По вертикали: 1.Важный в стратегическом и политическом отношении пункт, где размещаются войска. 2.Боевая гусеничная машина. 4.Летчик, которому посвящена книга Б.Полевого "Повесть о настоящем человеке". 5.Вооруженные силы фашистской Германии в 1935-1945 гг. 6.Военачальник, возглавлявший княжескую дружину на Руси с X в. 7.Белорусский писатель, автор романов "Партиза-

ны", "Каратели". 10.Способ получения сведений о противнике. 14.Русский живописец, автор картины "Фашист пролетел". 15.Взрывчатое вещество. 17.Отравляющее вещество кожно-нарывного действия. 19.Воин придворной охраны при великих князьях и царях в России XVI-XVII вв. 22.Один из военных преступников второй мировой войны, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии в 1944 г. 23.Воин, военный человек в любом звании. 24.Военнослужащий, входящий в состав боевого расчета артиллерийского орудия. 26.Право захвата воюющими государствами находящихся в их портах торговых судов других стран. 27.Русский конструктор стрелкового оружия, создатель первой автоматической винтовки. 33.В древнегреческой мифологии бог войны, несущий гибель и разрушения. 35.Эмблема государства.

Составил Е.КУЛИКОВ.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 1

По горизонтали: 5.Каземат. 6.Забрало. 9.Чохов. 10.Самопал. 11.Аврал. 16.Эскорт. 17.Дневка. 20.Галера. 21.Вымпел. 24.Редут. 26.Станина. 27."Веста". 28.Толстой. 29.Героизм.

По вертикали: 1."Азов". 2.Палаш. 3.Таран. 4.Лава. 7.Допуск. 8.Засека. 12.Интендант. 13.Буденовка. 14.Токарев. 15.Реформа. 18.Баннер. 19.Пехота. 22.Отрок. 23.Юнкер. 25.Тула. 27.Воин.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет прием на военную службу по контракту во внутренние войска МВД России

На военную службу по контракту принимаются граждане Российской Федерации в возрасте: лица мужского пола — от 18 до 40 лет;

лица женского пола — от 20 до 40 лет (кроме имеющих ребенка в возрасте до 8 лет).

Военнослужащие по призыву, изъявившие желание поступить на военную службу по контракту, подають рапорт по команде, а граждане, пребывающие в запасе, и граждане женского пола, желающие поступить на военную службу по контракту, предоставляют районному (городскому) военному комиссару по месту воинского учета (жительства) следующие документы: личное заявление, автобиографию, копии документов об образовании и рождении, характеристику, справку из домоуправления о составе семьи и месте жительства, фотографии. Женатые (замужние) кандидаты на службу по контракту, кроме того, представляют копии свидетельств о браке и рождении детей.

На военную службу по контракту принимаются граждане, признанные при медицинском освидетельствовании годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями.

Отбор пребывающих в запасе и лиц женского пола, не состоящих на воинском учете, на военную службу по контракту осуществляется в два этапа:

на первом этапе (в военных комиссариатах) — профессиональный отбор кандидатов на службу по контракту;

на втором этапе (в воинских частях) — конкурсный отбор и прием кандидатов на военную службу по контракту.

Подготовка предложений командирам воинских частей о приеме или отказе (с указанием причин) в приеме кандидатов на военную службу по контракту осуществляется аттестационными комиссиями воинских частей на основании изучения личных дел, заключений о состоянии здоровья, результатов проверки физической подготовки и профпригодности граждан к военной службе.

Первый контракт о прохождении военной службы заключается:

с поступающими на воинскую должность, замещаемую солдатами (матросами), сержантами (старшинами), — на 3 года;

с поступающими на воинские должности, замещаемые прапорщиками (мичманами), а также офицерами, — на 5 лет.

Военнослужащим, поступившим на военную службу по контракту, гарантируется:

а) получение ежемесячного денежного содержания в зависимости от занимаемой должности и воинского звания;

единовременного денежного вознаграждения в размере не менее трех окладов денежного содержания по итогам календарного года за добросовестное исполнение должностных обязанностей;

выплаты на первоначальное обзаведение хозяйством в виде беспроцентной ссуды в размере до 12 окладов денежного содержания на срок до трех лет в случаях заключения контракта на 5 лет или при заключении первого брака;

ежегодной денежной компенсации за санаторно-курортное лечение и организацию отдыха во время отпуска в размере шести минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и трех минимальных размеров оплаты труда на жену (мужа) и каждого несовершеннолетнего ребенка;

пособия в размере пятилетнего содержания при получении ими увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, исключающего для них возможность дальнейшего прохождения военной службы; бесплатной медицинской помощи;

б) оплата занимаемой ими и проживающими с ними членами семьи жилой площади в домах государственного, муниципального и ведомственного жилых фондов и коммунальных услуг, независимо от принадлежности жилых помещений, а также установки и пользования квартирными телефонами в размере не более 50 процентов;

в) освобождение от уплаты подоходного налога с денежного довольствия, денежных вознаграждений и других выплат, получаемых в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также от уплаты земельного налога на имущество физических лиц;

г) обязательное государственное страхование на случай гибели (смерти) или увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученного в период прохождения ими военной службы;

д) бесплатный проезд к месту основного отпуска и обратно, бесплатный проезд членов семей военнослужащих к месту использования отпуска и обратно один раз в год;

е) бесплатное пользование всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси);

ж) выбор постоянного места жительства в любом населенном пункте Российской Федерации при увольнении в запас или в отставку.

Кроме того, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, пользуются и другими правами и льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Наверное, не придумано еще таких слов, чтобы описать ту боль, что испытали эти женщины, потерявшие на войне своих любимых.

Чеченская война оставила на их лицах свой особый, жестокий отпечаток. По-разному переживают они горечь утраты. Одни смирились, другие еще ждут и надеются, а кто-то проклинает тех, кто обрек их мужей на гибель. Им нелегко. Но их не забыли. Их помнят и о них заботятся. В канун Светлого Праздника Рождества Христова в Москве была проведена благотворительная акция для детей и вдов погибших военнослужащих. В столицу приехали члены семей военных, сложивших головы в вооруженных конфликтах последних лет. Среди них 83 человека — вдовы и дети военнослужащих внутренних войск.

Фото В. НИКОЛАЙЧУКА.

Торжеская память

Медаль “За спасение погибавших”

Положение о медали “За спасение погибавших”

Медалью “За спасение погибавших” награждаются граждане за спасение людей во время стихийных бедствий, на воде, под землей, при тушении пожаров и при других обстоятельствах.

Медаль “За спасение погибавших” носится на левой стороне груди и при наличии других медалей Российской Федерации располагается после медали “За отвагу”.

Описание медали “За спасение погибавших”

Медаль “За спасение погибавших” из серебра, имеет форму круга диаметром 32 мм с выпуклым бортиком с обеих сторон.

На лицевой стороне — рельефное изображение знака ордена Мужества.

На оборотной стороне в левой части — изображение полувенка из пальмовых, лавровых и дубовых ветвей. В правой части — рельефная надпись “За спасение погибавших” и номер медали.

Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой белого цвета с полосками красного цвета вдоль краев. Ширина ленты 24 мм, ширина полосок 2 мм.